

ЛУЧШИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РАССКАЗЫ В ЖАНРЕ ХОРРОРА ПО ВЕРСИИ ЧИТАТЕЛЕЙ

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

10-й
выпуск
ЕЖЕГОДНОЙ
АНТОЛОГИИ

Самая страшная книга

Александр Матюхин

Самая страшная книга 2023

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Матюхин А. А.

Самая страшная книга 2023 / А. А. Матюхин — «Издательство АСТ», 2022 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-152132-5

Ужас празднует юбилей. Магия чисел пугает... Перед вами – ДЕСЯТАЯ ежегодная антология «Самая страшная книга» – «Самая страшная книга 2023». В нее вошли ДВАДЦАТЬ ТРИ истории от ДВАДЦАТИ ТРЕХ авторов. Как обычно, эти истории отбирали сами читатели – их было ДЕВЯНОСТО. Больше, чем когда-либо. Общий тираж наших книг составляет порядка ДВУХСОТ ТЫСЯЧ экземпляров. Аудиоверсии наших рассказов на YouTube-канале «ССК (САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА)» за год прослушали более ТРЕХ МИЛЛИОНОВ раз. Читайте и бойтесь вместе с нами! Страшитесь таинственных «гостей», обитающих в пыльных шкафах и заброшенных зданиях. Остерегайтесь чудовищ из городских легенд и народных поверий. Дрожите перед мертвецами со старых фотографий и перед живыми людьми, воплощающими в себе жестокость и злобу. Оглядывайтесь с опаской – не следует ли за вами нечто «с той стороны», не тянет ли к вам «красные нити» некто, умеющий подчинять себе реальность. И не меняется ли сама эта реальность, пока вы листаете страницы этой книги?.. Бойтесь вместе с нами – и празднуйте с нами. Приветствуйте Святую Смерть и поклонитесь Богам Падших. Испейте ваш страх до дна и загляните в бездну, скрытую в вас самих. Это – САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА. Лучшее в русском хорроре!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-152132-5

© Матюхин А. А., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Важное уведомление	7
Александр Матюхин. Агнозия	10
Антон Темхагин. Луот-хозик	28
I	28
II	31
III	36
IV	43
Дмитрий Лопухов. Черная аркада	48
Артем Гаямов. Десятый вал	61
1	61
2	62
3	64
4	66
5	67
6	69
7	71
8	73
9	75
10	76
0	78
Дмитрий Карманов. Колпашевский обрыв	79
Максим Кабир. Ползать в стенах	100
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Самая страшная книга 2023

© Авторы, текст, 2022

© Парфенов М. С., составление, 2022

© Валерий Петелин, обложка, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Важное уведомление

Формально составителем этой антологии указан Парфенов М. С. – на деле же он и другие люди, включая редактора «Астрель-СПб» Ирину Епифанову и координатора отбора Ирину Парфенову, лишь организуют сам процесс, помогая настоящим составителям – из народа.

Каждый год собирается группа добровольцев, которые читают сотни присланных в ССК историй и голосуют за те, которые им понравятся. Каждый наш ежегодник собран по итогам таких голосований.

Так что настоящими составителями (так называемой таргет-группой) этой антологии являются:

Александр Немов (Москва)
Александра Омельченко (Славянск-на-Кубани)
Александра Пулиш (Чехов)
Александра Сарасонова (Нижний Новгород)
Алексей Питикин (Москва)
Алёна Ёлкина (Мурманск)
Анастасия Жаркова (Ухта, Республика Коми)
Анастасия Милаева (Санкт-Петербург)
Анна Фабричнова (Подольск)
Антон Данилеко (Великий Новгород)
Антон Каштанов (Санкт-Петербург)
Анфиса Сутугина (Мончегорск)
Валентин Марудов (Москва)
Валентина Барина (Тверь)
Василиса Чайникова (Челябинск)
Вера Гуленкова (Опочка)
Вероника Рязанова (Красково)
Виктория Ледник (Отрадный)
Виктория Сурова (Москва)
Виктория Унтерова (Москва)
Виталий Бусловских (Новосибирск)
Владимир Кутузов (Новосибирск)
Владимир Подлеснов (Тамбов)
Владислав Ерафонов (Набережные Челны, Республика Татарстан)
Всеволод Голубков (Иваново)
Денис Козлов (Рязань)
Диана Шарапова (Нягань, ХМАО-Югра)
Дмитрий Гловацкий (Донецк, Донецкая Народная Республика)
Дмитрий Иванов (Нижний Новгород)
Дмитрий Иванов (п. Новый Торъял, Республика Марий Эл)
Дмитрий Лифатов (Воронеж)
Дмитрий Петров (Невьянск)
Евгений Чернявский (Москва)
Евгения Адушева (Санкт-Петербург)
Евгения Зотова (Жуковский)
Евгения Климова (Иваново)
Егор Артемов (Горловка, Донецкая Народная Республика)
Екатерина Долгуничева (Санкт-Петербург)

Екатерина Насонова (Химки)
Екатерина Пападопулос (Краснодар)
Елена Астахова (Рязань)
Елена Гоняева (Энгельс)
Елена Уварова (Москва)
Елена Щетинина (Омск)
Елизавета Борунова (Москва)
Жанна Бейсенова (Алматы, Республика Казахстан)
Игорь Пономарев (Санкт-Петербург)
Илья Старовойтов (Курган)
Ирина Ермолина (Санкт-Петербург)
Ирина Рудакова (Нижний Новгород)
Ирина Топунова (Москва, Подольск)
Лариса Крючкова (Москва)
Любовь Болюкина (Краснокамск)
Любовь Буданова (Москва)
Людмила Кшевинская (Москва)
Манана Голубева (Самара)
Марина Кулакова (Ульяновск)
Мария Безух (Санкт-Петербург)
Мария Киселева (Москва)
Мария Узлякова (Керчь, Республика Крым)
Михаил Погребной (Краснодар)
Надежда Архипова (Курск)
Надежда Таратоненкова (Москва)
Наталья Турянская (Екатеринбург)
Наталья Абдулова (Мурманск)
Наталья Александрова (Иркутск)
Наталья Анискова (Новосибирск)
Наталья Дейнеко (Зеленчукская, Карачаево-Черкесская Республика)
Наталья Шикина (Москва)
Николай Едомин (Николаев, Украина)
Николай Чекмарев (п. Хвойная)
Ольга Андреева (Тамбов)
Ольга Гурьянова (Казань, Республика Татарстан)
Ольга Кирьянова (Санкт-Петербург)
Ольга Сагирова (Санкт-Петербург)
Орнелла Такиева (Уфа, Республика Башкортостан)
Рената Гимадиева (п. Цементный)
Руслан Нейла (Тюмень)
Саша Смит (Калуга)
Светлана Вилкс (Оренбург)
Сергей Филиппов (Тюмень)
Татьяна Баланова (Владивосток)
Татьяна Рыбалко (Санкт-Петербург)
Татьяна Янушко (Минск, Белоруссия)
Тимофей Недошколо (Москва)
Тишина Леса (Краснодар)
Филипп Герасименко (Невинномысск)

Юлия Монахова (Москва)
Юлия Страхова (Вологда)
Яна Казакова (Ставрополь)

Спасибо им за труды!

А еще каждый год таргет-группа обновляется. Кто-то выбывает, кто-то, наоборот, приходит «на новенького». Каждый год мы экспериментируем, совершенствуя нашу систему отбора для того, чтобы подарить вам очередную «самую страшную» книгу.

Мы называем так наши издания не потому, что считаем их действительно САМЫМИ страшными из всех. Мы называем их так потому, что ЛЮБОЙ читатель найдет здесь что-то, что ему понравится. Такую историю или истории, которые напугают персонально его.

Персонально ТЕБЯ.

Александр Матюхин. Агнозия

С недавних пор у Леши начались глюки.

Как-то он проснулся часа в три ночи, вспотевший, и увидел, что изо рта жены Лиды выползают мухи. Три жирные, с блестящими зелеными спинками мухи. Они елозили по влажным губам, терли лапки, будто о чем-то между собой разговаривали, а потом заползли обратно в рот и вроде бы еще какое-то время жужжали внутри.

Такой был страшный глуховатый звук, что у Леши задергалось левое веко, и он отправился на кухню и долго пил ледяную воду из-под крана, глоток за глотком вталкивал в себя холод, который отрезвлял. Мысли стали кристально чистыми. Леша вспомнил, что накануне пришел домой пьяный и свалился на кровать прямо в рубашке и брюках – они и сейчас были на нем, жена сняла с него только носки.

Леша решил, что мухи привиделись ему из-за опьянения, но все равно боялся заходить в комнату, где спала Лида. Это ведь был не первый глюк за несколько недель. Всего три дня назад ему чудился, например, темный силуэт невысокого роста, бродивший по комнате, будто заблудился. Но тогда наваждение прошло в два счета, стоило протереть глаза.

Сейчас Леша все же лег на кухне, на крохотном диване, согнув ноги, положив руку под голову, и провалился в нелепое сновидение, в котором кто-то бежал по стенам, чавкал и шипел неразборчивое. А из ушей Леши, из его рта и глаз лезли жирные мухи.

Утром его разбудила теща. Она готовила завтрак. Ничего не сказала, но взгляд у нее сделался кислый, как уксус. Леша сразу почувствовал себя виноватым, отправился в ванную комнату и долго мылся контрастным душем, сбивая похмелье, сонливость, терпкие запахи. К нему присоединилась Лида.

Она не работала уже несколько месяцев, могла спать в свое удовольствие, но все равно каждое утро просыпалась рано, наводила, как говорится, марафет. Красилась там, одевалась в нарядное и в этом же нарядном (платье, юбке с блузкой, чуть ли не на каблуках) делала работу по дому. Ей так было комфортнее чувствовать себя человеком. Так она хотела жить, а не существовать. Как могла.

Под струями горячей воды Леша обнял жену, прижал к себе. По ее коже бежали мурашки. Он посмотрел на лицо, разглядывая в первую очередь губы, но мух не увидел и жужжания не услышал. Хотя, возможно, его не было слышно из-за шума.

Лида спросила:

– Мы съездим в торговый центр?

– Ты снова потеряешься, – ответил Леша. – Как три недели назад. Я чуть с ума не сошел.

– Привяжешь меня к себе веревочкой. Тогда не потеряюсь. Мне нужно. Для реабилитации.

– Посмотрим, – ответил Леша. Подумал, добавил: – Возьму крепкий канат. Чтобы не вырвалась.

У него было не очень с чувством юмора. Но Лида полюбила его, конечно же, не за шутки. Когда-то давно – почти два года назад – Леша был высокий, красивый и подкачанный. Из одежды предпочитал темные брюки и белые рубашки, из обуви – начищенные до блеска туфли. За ним можно было прятаться, как за каменной стеной. Леша решал любые вопросы и проблемы. Он был мил, обаятелен, начитан и насмотрен. Проходил тренинги, слушал подкасты, учил языки. Его мечты не ограничивались дорогим автомобилем и квартирой в Москве. Он хотел какой-нибудь свой бизнес и обязательно с производством, чтобы не паразитировать на перепродаже, а создавать нечто новое. Леша отлично показал себя на переговорах, чем и зарабатывал на жизнь в крупной фирме. Два года назад был ведущим менеджером, год назад стал начальником отдела, полгода назад, в тот момент, когда ему пришло сообщение о том, что жена

попала в аварию, сломала левую ногу, нос, потеряла кусочек черепа и нерожденного ребенка – так вот в тот момент Леша терпеливо довел важный переговорный процесс с партнерами по бизнесу из Китая и только после этого рванул на место происшествия. За переговоры, между прочим, он получил бонус почти в полмиллиона рублей.

Сейчас, конечно, все изменилось. Он и сам это понимал, но ничего не мог поделать. Если в человеке и есть стержень, то у Леша этот стержень сломался, едва он увидел жену на больничной койке.

– Не вспоминай, – сказала Лида, пряча лицо под струями воды. – Оставь, брось. Все прошло.

На кухне к теще присоединился тесть. Шкворчало сало на сковородке. Тесть любил жирное и жареное. Леша уважал тестя за то, что тот большую часть жизни отдал армии, воевал, был ранен и как-то даже вытаскивал молоденьких перепуганных срочников из-под обстрела. За это тестю дали медаль и подарили автомобиль. В общем, человек был с сильным характером. Только ему Леша разрешал себя критиковать.

Тесть спросил:

– Снова пил? – и коснулся носком тапки пустых бутылок, стоящих рядом у батареи.

– Я немного.

– В среду.

– Бывает. На работе тяжело, сезон закрываем.

Тесть поморщился. Лида, чтобы разрядить обстановку, сказала:

– Леша больше не пьет много. Он постепенно завязывает.

Слово «постепенно» развеселило. Леша накидал себе в тарелку рыхлых кусочков омлета с помидорами, принялся жевать. В голове был сумбур, а хотелось снова ясности мыслей, как ночью.

– После работы смотаемся в торговый центр, – решил он.

Диагноз Лиде поставили в больнице. Пожилой врач, совершенно лысый, с темными пятнами, расплзшимися по коже черепа, отвел Лешу в сторону и негромко, монотонно описал, как будет выглядеть семейная жизнь Леша и Лиды дальше.

Врач говорил про послеоперационные риски, последствия, про то, что нужно потерпеть года два или, может, десять. Пока еще никто не мог сказать с уверенностью. Еще говорил, что с таким диагнозом живут нормально, особенно если контролировать процесс, помогать, ухаживать и все такое. Жизнь теперь нужно подстраивать под конкретного человека, вот совсем всю жизнь, понимаете? Леша кивал, силился запомнить хотя бы часть терминов. В итоге запомнил только, что у врача дурно пахло из рта, что кафельный пол недавно помыли и он весь был в подсыхающих разводах, что одна лампа на потолке разъяренно мигала, что коридор был узкий и тесный и какая-то полная женщина в инвалидной коляске с совершенно измученным взглядом и истощенным лицом молчаливо ждала, пока они расступятся. Леша вжался в стену, пропуская ее. Врач ушел – как будто пропал в одно из мгновений, когда мигающая лампа заставила мир вокруг погрузиться в темноту. А женщина покатила на коляске к туалету, гремя металлическими колесами на весь коридор.

Лида провела в больнице три недели. Потом ее выписали, Леша примчался на служебном автомобиле, привез супругу домой. За это время квартира почти превратилась в холостяцкую, то есть где-то лежала немытая посуда, где-то валялась грязная одежда и носки, из стиральной машинки торчали вещи, которые туда забросили черт знает сколько времени назад, а холодильник был забит всячиной, не сочетающейся между собой. К тому же суп в кастрюле прокис, хлеб покрылся плесенью, а банка огурцов вздулась. Дома Леша ничего не ел, только выпивал и закусывал.

Лида в первую очередь попросила выбросить детскую кроватку, детские вещи, все, что напоминало бы ей о нерожденной девочке. Леша не выбросил, а убрал на балкон.

Через два дня после выписки на пороге появились тесть с тещей. Они приехали из Благовещенска. Теща была полна решимости выходить дочь и поддерживать в квартире нормальную атмосферу. Хоть год, хоть десять лет, как говорили. Она сразу взялась за дело: вымыла комнаты и кухню, перестирала вещи, наготовила еды, приготовила Леше список покупок, и он раболепно съездил с тестем в магазин. Ужинать заставила дома, никаких ресторанов и покупной готовой еды. И вообще.

Вокруг Лиды образовалась аура любви и заботы.

Примерно в это же время стали проявляться первые признаки заболевания.

Как-то Леша сидел в гостиной, и в дверях показалась Лида в халатике. Переминаясь с ноги на ногу, она сказала негромко:

– Мне нужно в туалет.

– Тебе чем-то помочь? – спросил Леша.

– Да. Мне нужно подойти к туалету.

Лида недавно гуляла по квартире, неторопливо передвигая ноги, будто находилась в парке на природе.

– Мне нужно развернуться, – сказала она жалостливым голосом. – Леша, Лешенька. Развернуться.

Он подскочил к ней, обнял за плечи.

– Не могу, – Лида заплакала и сделалась в тот же миг такой хрупкой и несчастной, что он чуть не заплакал тоже. – Я понимаю, что надо развернуться, но... нога. Видишь, нога.

Ее левая нога шагнула через порог, Лида смотрела на собственную ступню с нарастающим ужасом.

– Она сама! Я хочу назад, а она идет вперед!

В тот раз Леша взял Лиду поперек пояса, отнес к туалету и стоял под дверью, чтобы потом перенести жену в комнату. Она плакала без остановки, сидя на краю кровати. Призналась, что теперь вообще боится ходить. Ну куда она такая пойдет? Из окна вывалится или что? Ужасная выйдет смерть, дурная и нелепая.

С этого момента началась борьба Лиды с собственным мозгом. Где-то внутри ее черепа сломалось очевидное и привычное. Это касалось ориентирования на местности. Иногда она не могла вспомнить, где находится кухня или как дойти до ванной комнаты. Иногда прекрасно все помнила, но путала правое с левым, уходила не в коридор, а в угол спальни. Несколько раз случались сильные приступы – Лида прекрасно отдавала себе отчет, куда надо идти, но тело будто нарочно совершало противоположные действия. Она хотела двигаться прямо, но пятилась назад. Хотела свернуть к гостиной, но разворачивалась и сбивала коленки о стену коридора. Это было хуже всего. Лида рыдала от бессилия и паники. Как-то разбила бровь, ударившись об угол открытой двери, – хотя видела, видела же прекрасно, но голова будто сама наклонилась куда не нужно.

Примерно в то же время Леша не выдержал и начал сильно выпивать. Одно накладывалось на другое. В мыслях постоянно крутились образы из того будущего, которое уже не наступит: детская комнатка, дочь в розовом платьице, розовая же коляска и розовый велосипед. Счастливая жена, поездки в отпуск на море вдвоем. Иногда он просыпался, пялился в потолок и несколько секунд не мог понять, куда делось это все красивое, розовое со вкусом счастья. Почему вокруг темнота, безнадега и комок под одеялом, ставший призраком его жены. В других мыслях, будто подменных, крутились образы из будущего, которое обязательно наступит: мир сузится до размеров квартиры или даже кровати, и жена станет лежать среди потных мягких простыней, плакать постоянно, просить, чтобы ее обняли и пожалели. А Леша и сам больше

не выйдет из этих стен, потому что у него не будет свободного времени, не будет пространства, не будет никогда обычного человеческого счастья.

Правда, пока счастье было – в выпивке. Опынение разрушало мысли, подменные и реальные. После пяти-шести банок пива или нескольких стопок чистого виски без льда в голове образовывалась спасительная пустота. С ней можно было жить. На ней, пустоте, и нужно было жениться.

Лида замкнулась в себе и большую часть времени проводила в комнате. Как партизан совершала редкие вылазки по квартире, а на улицу почти не выходила, только с мужем или тещей, под ручку, проветриться.

Три недели назад она попросила отвезти ее к торговому центру, возле которого случилась авария.

– Мне нужно преодолеть это, – сказала Лида, не уточнив, однако, что имела в виду.

Леша отвез. Впервые за несколько месяцев Лида сидела с ним в автомобиле, как раньше. Он думал, что Лида испугается, ведь автомобиль был тот самый. Но Лида виду не подавала.

– Можно я закурю? – спросила она.

Остановились на парковке торгового центра, с той стороны, где хорошо был виден выезд на проспект, два столба, неработающий светофор, сетчатый забор, ограждающий ремонтные работы. Именно на этом выезде Лида почему-то не пропустила «газель».

Салон быстро наполнился табачным дымом. Лида смотрела на выезд задумчиво, облизывала губы. Потом сказала, что хочет пройтись по торговому центру и купить себе новые платья и туфли.

– Буду крепко тебя держать, – улыбнулся Леша, – чтобы не потерялась.

Наверное, он до конца не верил, что Лида чем-то больна, что из-за аварии у нее повредился мозг и она больше не та самая Лида. Так бывает. Понимаешь, но не принимаешь. Иначе не объяснить, почему он вдруг оставил жену в примерочной магазина и пошел в туалет. Думал, за пять минут ничего не произойдет. Лида ведь не дура, не уйдет куда-нибудь одна. Однако, вернувшись, он не нашел ее ни в примерочной, ни в магазине. Следующие двадцать минут Леша ходил по торговому центру. Кричать и звать стеснялся, к охране подходить – тоже. Глупо, глупо все это выглядело.

Он обошел магазины, туалетные комнаты – мужские и женские, – проверил аварийные выходы. Бегал по ступенькам, терпеливо обследовал каждый этаж. В конце концов, не удержавшись, стал расспрашивать продавцов, засуетился. Сначала было стыдно, потом уже все равно. Как назло, в торговом центре было полно народу, и Леша стал бояться, что просто не разглядит жену среди густой вязкой толпы. Может, она прошла мимо, несчастная, два-три раза, не в силах контролировать свое тело, а он смотрел в другую сторону или просто взгляд, что называется, замылился.

Леша стал кричать ее имя и фамилию. Стал звать. Люди смотрели на него с изумлением. Подошли охранники. Леша, совсем отчаявшись, объяснил им про заболевание жены. Стащил галстук через голову, потому что стало трудно дышать.

О жене объявили по громкой связи. Попросили всех, кто видел, подойти на пункт охраны на первом этаже. Леша кружился вокруг этого пункта мотыльком, но никто не подошел в течение полчаса. Стало понятно, что либо Лида вышла из торгового центра, либо где-то потерялась капитально. Леша с ужасом воображал, как его жена стоит сейчас, уткнувшись лицом в стену, в темном и пыльном коридоре какого-нибудь служебного ответвления и не может победить собственный мозг, не может отдать правильную команду. Просто стоит, а пыль оседает на ее глазах и губах.

Он снова стал бегать по этажам, звать жену, чем пугал людей, и к нему снова подошли охранники, но уже не такие дружелюбные, как раньше. Они стали сомневаться, что у него

вообще потерялась жена. Леша грозил вызвать полицию, ругался и кричал: «Уберите руки!», хотя его пока еще никто не держал.

Потом он увидел Лиду. Она сидела на скамейке прямо напротив входа в туалеты. Сидела, сложив руки на коленях ладонями вверх. Волосы растрепаны, голова опущена. Почему-то без верхней одежды, только в нижнем белье.

Леша побежал к ней, крича: «Вот же она, вот!» Охранники, впрочем, не разделяли его бурной радости. Они подошли тоже, осмотрели Лиду, задали ей несколько вопросов. Лида выглядела пьяной, говорила заплетающимся языком и ничего не могла вспомнить, кроме темных бесконечных коридоров, дурного запаха и шума рвущейся одежды. Руки и ноги ее были покрыты мелкими царапинами и укусами мелких зубов. Крысиных?

– Это тупик с кондиционерами, за супермаркетом, – определил охранник. – Кто-то забыл двери закрыть, наверное. Хорошо, что на диких собак не наткнулась.

Леша набросил на жену пиджак, повел на улицу. Уже в машине увидел еще странное: несколько ногтей на руках у Лиды были вырваны. Подчистую. На их месте розовела бледная новенькая кожа.

– Поехали отсюда, – попросила Лида. – Хочу напиться. Составишь компанию?

Утром после того случая теща потащила Лиду в церковь. Царапины и укусы очень ее взволновали. Тесть, как всякий военный, был неверующий и пытался тещу отговорить. Он вообще в плане веры сильно со своей женой конфликтовал. Как-то, выпив на праздники, рассказал, что перестал верить в Бога после одного случая на войне. Под Моздоком около госпиталя сбили вертолет. Тестя с группой сослуживцев срочно отправили на место крушения – искать уцелевших и мертвых, транспортировать всех в госпиталь. Дело было на рассвете, над полем стоял густой туман. Разбившийся вертолет чадил клубами дыма, то тут, то там горели обломки. И всюду были раскиданы мертвые солдаты. Лежали в разных позах. Уже позже тесть узнал, что вертолет был набит срочниками, возвращавшимися из мест военных действий в Ростов. Закатав рукава, он грузил на носилки обгорелые тела. Одно, второе, третье. На каком-то там десятке наткнулся на еще живого паренька. Тот лежал на спине, задрал к небу окровавленные скрюченные руки без пальцев. Лицо тоже обгорело, а куски кителя влипли в кожу. Каким-то чудом уцелели глаза. Паренек смотрел на тестя, а больше ничего не мог сделать, потому что губ не было, век не было, от носа осталась только окровавленная дырка. Тесть тоже смотрел на паренька. В тот момент он вдруг и понял, что никакого бога нет, потому что не мог реальный бог допустить, чтобы вот такие молодые люди, не повидавшие еще жизни как следует, были раскиданы по полю, будто кусочки мозаики, мертвые или изуродованные. Он не мог оторвать взгляда от взгляда паренька, даже когда зрачки того перестали бегать, когда паренек умер, когда стало понятно, что глаза его теперь смотрят не на небо, а куда-то вглубь, в другой мир или, быть может, в неизбежную вечность.

В общем, тесть был против, отговаривал тещу. Он говорил, что Лиду надо лечить прогрессивными методами, отвезти в Германию или, скажем, в Канаду. Пусть ее там прооперируют или еще что.

– А деньги ты на это где возьмешь? – кипятилась теща, тщательно укладывая волосы под платок. – Всё вам заграницы, вынь да положь! Столько не зарабатываем чай.

Леша помалкивал. Он знал стоимость операции в Германии, но, чтобы заработать столько, не хватило бы и трех жизней. В бога Леша тоже не верил, но другим верить не мешал.

В итоге спор решила Лида, которая внезапно расплакалась.

– Я дочь потеряла, понимаете, дочь! По своей вине, как дура, как безобразина! – сказала она. – А вы тут ругаетесь. Мелочно! Делайте уже хоть что-нибудь, только не ругайтесь.

Она очень переживала из-за потери ребенка. В какой-то момент Леша даже стал винить себя за то, что не так явно, как Лида, выражает скорбь, но поделать ничего не мог. Не притворяться же. Его спасал алкоголь, а у Лиды спасения не было.

– Церковь тебя успокоит, милая. Церковь вернет душу на место.

Церковь, впрочем, действительно на какое-то время помогла. Лида вернулась со службы умиротворенная, впервые за несколько месяцев поспала в обед без криков и плача. Не звала во сне дочь.

Однако той же ночью, проснувшись, Леша увидел, что Лида сидит на потолке, на корточках. Она была обнажена, на коже на лодыжках вспухли вены. Ладонями Лида шлепала по штукатурке, оставляя черные отпечатки. Черными следами ладоней оказался покрыт весь потолок. Глаза Лиды были закрыты, суетливо бегали под веками. Когда она открывала рот, белая слюна капала из него прямо на кровать, где лежал Леша. Лида шептала: «Их тысячи здесь, тысячи, тысячи». Это определенно был глюк, хоть и очень реалистичный. Леша заторопился из комнаты в коридор, прошлепал босыми ногами до кухни, умылся ледяной водой и только потом вернулся обратно. Лида спала на своем месте, засунув руки под подушку. Черные отпечатки ладоней на потолке медленно растворялись и к утру пропали окончательно.

Сегодняшним вечером Леша припарковался у торгового центра на том же самом месте. На улице подступали сумерки, неумолимо отвоевывавшие пространство даже у ярких рекламных вывесок и фонарей. Леша любил сумерки, потому что в это время он начинал пить. Сразу после работы, перед ужином. Опьянение защищало Лешу от дурных слов в адрес тещи, от едких замечаний в адрес тестя и от отчаяния, которое было совсем ненужным, когда он смотрел на жену.

– Хочу купить новое платье, взамен того, которое потеряла, – сказала Лида, разглядывая выезд с парковки с двумя столбами, сломанным светофором и задранном к серому небу шлагбаумом.

– Может, старое найдем? – ухмыльнулся Леша. В последнее время он редко шутил. Впрочем, лучше шутки не становились.

– Старого больше нет, – ответила Лида. – Старое с меня сорвали.

– Ты помнишь, кто это был?

– Тысячи рук, – сказала она. Ногти на пальцах за три недели так и не отросли. Кожа огрубела и покрылась темно-красной коркой.

Они вышли из машины. Лиду повело в сторону, она задела плечом соседний автомобиль и расплакалась.

– Я никогда не стану здоровой. Так и буду, как дура, натекать на разное и идти не туда, куда нужно.

– Брось, брось, – говорил Леша. – Брось, брось.

– Мне кажется, что до торгового центра идти километров двадцать, – сказала Лида, всхлипывая. – Но я понимаю, что вот он. Одновременно и не понимаю. Господи, я схожу с ума.

Одна ее рука потянулась к губам. Пальцы пробежали по лицу. Леша, видя это, взял Лиду под локоть и молча повел к входу. Управляемая Лида вела себя естественно, подчинившись.

В торговом центре они прошли по магазинам, купили два новых платья и туфли. Леша повел Лиду в ресторан на третьем этаже, и они впервые за четыре месяца отлично покушали и выпили вина, болтая ни о чем. Настроение улучшилось. Лида заговорила о том, что надо смотреть вперед с оптимизмом. Живут же люди с заболеваниями и пострашнее. А еще можно родить нового ребеночка. Чуть позже. Когда воспоминания перестанут быть настолько болезненными.

Леша, чуть опьянев, с радостью соглашался.

– Помнишь, когда Кристина впервые ударила меня ножкой в живот? – спросила Лида. – Я хочу повторить это мгновение. Я очень скучаю по ней.

Они вышли из ресторана, и Лида попросила отпустить ее, дать пройти самой.

– Ты запутаешься или потеряешься.

– Я знаю. Именно этого и хочу.

Лида поцеловала Лешу, погладила по небритой щеке, потом зашагала нетвердой походкой по коридору в сторону аварийного выхода. Леша стоял и смотрел, как его жену заносит то вправо, то влево, как ее ноги заплетаются и иногда выворачиваются носками в разные стороны, будто невидимый марионеточник сбился с ритма. Лида действительно походила на куклу.

Она дошла до дверей, толкнула их и исчезла за металлическими створками. Тогда Леша бросился следом. Он понимал, что на лестничном пролете невозможно заблудиться или пойти не туда, но от страха вспотел и даже не заметил, что рубашка выбилась из брюк.

За дверьми аварийного выхода Лиды не было. Леша пробежал на два этажа вверх, потом на все этажи вниз. Потом, будто вернувшись на три недели назад, суетливо оббегал весь торговый центр. На телефон Лида снова не отвечала. Сообщения в мессенджере оставались непрочитанными.

К охране Леша не совался, научен был опытом. Минут через сорок нервных поисков он вышел из торгового центра на лестницу и закурил, чтобы немного успокоиться. Прохладный ветер стер с лица пот.

Жена его, вон она, стояла у машины. В сумерках казалась призраком.

Уронив едва зажженную сигарету, Леша бросился к Лиде. Его одолевал кашляющий смех, а живот сводило от волнения.

Лида что-то держала на руках. Что-то, завернутое в простыню или пеленку. Леша подбежал и остановился, вглядываясь в улыбающееся лицо жены.

– Я заблудилась, – сообщила Лида. – Снова заблудилась, как тогда. Ни черта не могу понять в этом лабиринте торгового центра. Спускалась по ступенькам, свернула не туда, потом темнота, потом... Нашла ее, представляешь? Нашла нашу дочь. Она ждала нас все это время, все четыре месяца. На том месте, где я ее потеряла. Представляешь? Где я ее потеряла.

Домой ехали в тишине. Что-то звенело внутри головы у Лешы, отчего он выкурил три или четыре сигареты за двадцать минут.

Лида сидела рядом, на пассажирском, и осторожно гладила округлую выпуклость под простыней, напоминающую детскую головку. Что бы там ни было, оно не шевелилось. Возможно, Лида нашла где-то куклу. Леша смотрел как-то фильм о сумасшедшей женщине, которая потеряла ребенка и стала воспитывать куклу, как будто та была живая. С Лидой могло быть так же. Тогда куда ее? В психушку? В церковь еще раз? Куда?

Дома случилось страшное. Прямо с порога Лида сдернула перед тещей простынку и сказала:

– Смотри, я дочь нашла.

Теща охнула, схватилась за сердце и медленно сползла по стене на пол. Замешкавшийся в дверях Леша не сразу разглядел, что там, а когда разглядел, то тоже едва не свалился в обморок.

На руках у Лиды действительно лежал ребенок. Мертвый, крохотный, с посиневшей шеей и грудкой. Скрюченные ручки лежали на животике, а закрытые глазки слепились от потемневшего гноя. На вид ему было месяца четыре, не больше. Редкие грязные волосики лежали на лбу.

– Ванночку сделаю. Промыть ее надо, девочку мою. Родимую, – сказала Лида.

Голос у нее сделался сюсюкающим, материнским. Она отправилась в ванную, долго гремела там чем-то, набирала воду, разговаривала сама с собой. Леша отвел тещу на кухню, и там они втроем, включая тестя, сидели с полчаса в полной тишине. Теща разве что охала и капала себе валерьянку в столовую ложку.

Лида зашла, держа завернутое в полотенце тельце. Личико было открыто, и Леша увидел, что оно тщательно вымыто, избавлено от гноя и синюшности. Но все равно это было мертвое личико мертвого ребенка.

Тесть вскочил, роняя стул, вжался в стену между холодильником и батареей. Теща вскочила тоже, принялась успокаивать его, гладила небритые щеки, целовала.

– В полицию надо звонить, – сказал тесть.

– Никакой полиции. Посадят. Сразу же. А куда ее, больную? – причитала теща.

Леша не вмешивался. В теле была слабость, будто оттуда вынули косточки. Он отстраненно вспомнил, что ребеночка Лида хотела чуть ли не с первых дней знакомства. Обязательно девочку, лапочку, чтобы можно было заплетать косы, подбирать платьица, учить домашним делам. Сам Леша не знал, нужен ли ему ребенок. Не определился. В какой-то степени он и сам еще не вырос толком, не закрыл многочисленные гештальты из детства, те самые, когда хотелось купить самые дорогие шмотки, наиграться в компьютерные игры, попробовать разные виды икры, сыры с плесенью, а еще смотаться за границу, в Турцию и на Мальдивы. Много разного мелкого, детальки и фишечки, эгоистические, недополученные по жизни. Поэтому, думал он, какой, на фиг, ребенок? Но сопротивляться жене, конечно, не стал. А когда она забеременела и наполнила мир вокруг трепетным ожиданием, Леша тоже втянулся и тоже стал ожидать.

Весь вечер Лида сидела на кухне, баюкала младенца, счищала проступающий сквозь закрытые веки гной наклюнявленным пальцем, тихо напевала песенки.

Тесть вышел покурить на лестничный пролет и не вернулся. Теща выглядывала за дверь, звала его, но выйти следом то ли боялась, то ли не решалась.

Леша курил на кухне, распахнув форточку. Потом ушел в спальню и, чтобы отвлечься, занялся работой. Правда, пальцы дрожали и в голове была каша. Хуже всего оказалось то, что отчеты не бились, а важные встречи на неделе пришлось отложить. В ближайшие дни маячила перспектива оказаться на ковре у директора, и хотя Леша еще не растерял кредит доверия, его могли лишить, скажем, квартального бонуса и нескольких хороших проектов. А стоило ли терпеть такие потери ради обезумевшей жены? Он не знал, и от этого нервничал еще больше.

Ночью Леша выбрался из комнаты, осторожно, как травоядное, проскользнул в ванную комнату и включил душ. Не услышал, а почувствовал, что в ванной кто-то есть. Шелохнулась занавеска. К нему забралась обнаженная Лида. Прижалась, теплая, родная. Прошептала на ухо:

– Спит малышка.

– Она мертвая, – не выдержал Леша. – Надо звонить в полицию. Или... я не знаю, избавляться, что ли.

– От кого? От доченьки нашей? От Кристины? Ты в своем уме?

– Это ты... послушай, ну я же прав. Мертвая она. А у тебя крыша поехала, к врачу надо. Может, это все из-за травмы, мы не знаем. К специалистам съездим, осмотрят. Томографию там сделают или еще что. Пока не поздно, Лида, пока есть шансы на выздоровление.

Лида оскорбилась, выскочила из ванной комнаты, завернувшись в полотенце. Он слышал шлепанье босых мокрых ног. Где-то за дверью комнаты наверняка стояла теща, любительница послушать их споры, и прислушивалась.

Леша вылез тоже, с твердым намерением или извиниться, или заставить Лиду отправиться на лечение – но в любом случае прийти к какому-то выводу, закрыть эту главу и двигаться дальше.

Он остановился у закрытой стеклянной двери в кухню. В кухне горел свет, Леша увидел размазанный силуэт жены. И еще услышал странные звуки. Жена бормотала что-то, скорее – причитала. Потом... потом раздалось кряхтение, сопение, совершенно отчетливое. И следом захныкал, заплакал кто-то, тихонькими короткими звуками, будто в слабых легких не очень хватало воздуха, чтобы заорать в голос.

Ошалелый Леша ввалился в кухню, и там на обеденном столе, на измятых салфетках и влажной пеленке, около опрокинутой, видимо в спешке, солонки, между отодвинутых тарелок и в хлебных крошках, лежала живая девочка, та самая, которая недавно была мертвая, с гноившимися глазками и синими губами. Сейчас она плакала, сучила ручками и ножками, а глаза были открыты – чистые, голубые, огромные такие глазищи, невероятно красивые.

За спиной Леша закричала теща. Он обернулся, увидел ее в ночнушке, на коленях, отчаянно крестившуюся.

– В церковь! – страшным голосом говорила она в перерывах между «отче наш, сущий на небесах» и «избавь нас от лукавого». – В церковь немедленно!

Впрочем, среди ночи никто никуда не поехал.

Лида принялась неумело пеленать девочку. Та кряхтела и плакала. Через несколько минут позорной борьбы с пеленками Лида сдалась и тоже заплакала. Тогда теща, перестав молиться, подскочила, засучила рукава: «Дай мне, господи, покажу как. Ни ума, ни опыта». Запеленала в два счета и протянула Лиде кочевряжащийся комочек.

– Титьку ей дай, живее. Или молока вскипяти. Голодный ребенок, не видишь, что ли?

Лида принялась – еще более неумело – кормить грудью. Леша смотрел на все это, смотрел, потом не выдержал и вернулся на ватных ногах в ванную. Вспомнил, что не домылся. После ушел сразу в спальню, развалился на кровати и долго не мог уснуть. Лежал в темноте, прислушивался к звукам в квартире. Детский плач слышал, Лидино воркование, тещины замечания. Шелестели тапочки по полу. Скрипели двери то ванной, то туалета.

«Ш-ш-ш, спи, радость, спи».

Уже следующим утром про церковь никто не заикался.

Леша вынес с балкона и собрал детскую кроватку, в коридоре у входной двери поставил коляску. Теща, ставшая за ночь как будто моложе и счастливее, по крайней мере умерившая бесконечное ворчание, таскала девочку на руках, ворковала с ней, щекотала пальцами носик и гладила щечки.

Лида тоже похорошела, во взгляде появилось спокойствие, будто много дней бродила она по бесконечному лабиринту и вот, наконец, добралась до выхода.

– Кристина это, – сказала она. – Посмотри на глаза, на губки ее. Похожа на тебя.

– И откуда она взялась?

– Говорю же, нашлась. Ждала меня в том месте, где потерялась. А я за ней пришла. Это не болезнь, а дар. Представляешь, сколько еще мертвых вот так теряются, а их никто больше никогда не находит?

– Она не потерялась, а умерла, – сказал Леша. – Это другая девочка. Не знаю, откуда и чья, но другая.

– На тебя похожа. Знаешь, ты верь или нет, дело твое. А я свой выбор сделала.

И как с ней спорить-то?

Он неделю пропадал на работе. Скопилось множество нерешенных вопросов и проблем. Потом умчался в командировку в Архангельск, налаживать связи и подписывать два крупных контракта. Сначала почти не звонил жене, потом все же набрал раз, другой, и вот уже пообещался по видеосвязи и понял, что соскучился и хочет домой. Ему показали девочку, приодетую нарядно в какой-то розовый костюмчик с дурацкими рукавами, которые закрывают сразу и пальчики, чтобы не поцарапала себя во сне. Девочка была красивая, милая. Почему-то захотелось взять ее на руки.

Вернувшись, уже с порога Леша почувствовал, что все в квартире изменилось.

Всюду горел яркий свет, в коридоре крест-накрест были натянуты веревки, на них сушились пеленки, ползунки, крохотные носочки и крохотные же маечки. Стоял густой сладковатый запах, детский, проникающий в каждую щелочку: вещи стирались без перерыва, памперсы

менялись, влажные пеленки гладились на пару. На обувнице скопились пакеты с пустыми баночками из-под детского питания. Лида выпорхнула к Леше навстречу, прижала к себе – от нее тоже пахло ребенком и молоком.

Девочка лежала на разложенном диване в гостиной, шевелила ручками, вертела головой. Рядом сидела теща, взгляд у нее был влюбленный, добрый-добрый.

– Пытается есть, – обозначила теща. – Старается, упертая внучка-то. Вся в мать.

Леша сел на корточки у дивана, долго разглядывал девочку, а она, в свою очередь, разглядывала его.

Есть такая теория, что дети в большинстве своем до определенного возраста не похожи ни на кого, они обезличены. Природа так сделала, чтобы защитить детей от истребления. Чужак, придя в племя и увидев детей, вполне вероятно не соотнесет их со своими врагами, потому что дети на врагов не похожи. Зато он может обнаружить в них собственные черты, потому что люди по природе своей эгоистичны и запросто могут приписывать другим то, что хотели бы в них увидеть. В общем, природа не дура, но Леша этой теории не знал, а потому внезапно обнаружил, что девочка в чем-то на него похожа. Глазки те же, изгиб бровей, губки и подбородок. Да и по времени подходило, потому что девочке было пять или около того месяцев.

В теорию заговоров Леша не верил, в мистическое тоже, но как опытный менеджер и продавец доверял сиюминутной интуиции. Интуиция же трубила, что девочка перед ним – неродившаяся Кристина. Как так случилось и почему, неизвестно.

Он протянул указательный палец к крохотной ручке, и сморщенные детские пальчики обхватили его, крепко сжали. Леша заплакал, сам того не понимая, беззвучно. Просто слезы текли по щекам и подбородку.

После этого он ушел на кухню и сразу же выпил несколько стопок коньяка, не закусывая. Алкоголь забивал шум в голове. Лида наложила в тарелку дымящуюся от жара картошку с мясом, нарезала салат, подсунула бутерброды с красной рыбой и чуть заветревшие канапе. Один раз уронила нож, посмеялась, но поднять его с пола не смогла. От волнения у нее снова заклинило где-то в мозгу, тело отказалось наклоняться, а левая кисть сжималась и разжималась, будто поднимала что-то невидимое.

– Пусть будет не Кристиной, – попросил Леша, заглатывая канапе не жуя и тут же запивая очередной стопкой. – Дочка, хорошо, признаю. Но не Кристина. Назови иначе. А то больно очень.

– Она это, – мягко ответила Лида. – Погоди, привыкнешь.

Леше сложно было привыкнуть, но он смирился. По крайней мере, пропала изнутри тонкая напряженная струна, что не давала спать по ночам и реагировала на глюки. Леша продолжил выпивать, но чувствовал себя лучше. Дела на работе наладились, прилетел годовой бонус, и на свободные деньги Леша снял теще однушку этажом ниже. Тесть, к слову, больше не появлялся. Лида как-то проговорилась, что он уехал обратно на Дальний Восток, потому что не понял и не принял этого чудесного возвращения внучки.

Прошло несколько недель, Кристина, которую Леша так и не смог называть иначе как «девочка», научилась сидеть и ползать на четвереньках. Теперь она всюду совала носик, дважды уже защемила пальцы кухонной дверью, один раз свалилась с дивана и разбила в кровь губы. Теща все равно проводила в их квартире большую часть времени, кормила девочку с ложечки, читала ей книги и напевала песенки. Лида окунулась в роль молодой мамы с головой, напрочь забыв об иной жизни. Леша в такой обстановке чувствовал себя лишним.

Однажды ночью он проснулся от тяжелого скрипа кровати и увидел, как Лида, пошатываясь, бредет в темный угол комнаты. В детской кроватке, стоящей в другом конце, возилась и постанывала девочка. Лида нырнула в темноту угла, как будто споткнулась в самый последний момент, и пропала. Тогда Леша вскочил, бросился туда, обнаружил на полу лишь аккуратно

сложенные разноцветные кубики. Из кровати доносился приглушенный плач. Голос жены вдруг раздался как будто отовсюду: «Ну, ну, не плачь, сейчас покормлю. Где это бутылочка проклятая... Куда идти-то?»

Леша крутанулся на месте, холодея от ужаса. В комнате Лиды определенно не было. Бутылочка с молоком стояла на тумбочке, а девочка в кроватке стонала и плакала все громче.

«Не плачь, милая. Сейчас. погоди. Я налево... Направо... Господи, руку-то хоть кто-нибудь подал бы».

– Заблудилась! – выдохнул Леша, опершись плечом о стену, чтобы не упасть. Ноги внезапно подкосились.

«Заблудилась, – повторила Лида из ниоткуда. – Главное, знаю, куда идти, вижу тебя, милая, вижу бутылочку. Но не дойти никак. Чертов мозг, когда же ты уже заработаешь, как надо».

Леша живо представил, как жена его кружится в темноте, пытаясь совладать с телом, которое не подчиняется. Где-то там Лида застряла, все видит, но идет в другую сторону. Глубже в никуда, дальше в ничто.

«Помогите!»

Он вздрогнул. Девочка в кроватке залилась пронзительным плачем.

Лида крикнула снова, отчаянно:

«Помогите! Леша! Помоги выбраться! Я не могу, я не понимаю, ноги не слушаются!

Помоги...»

Распахнулась дверь, и в комнату ввалилась заспанная теща, двигалась она на ладонях и ступнях, как шимпанзе, высоко задрав тощий зад. Пугаясь в собственной ночнушке, теща проковыляла к тумбочке, смела бутылочку с молоком, подошла к детской кроватке.

– Никто тебя не покормит, бедную, – ворчала теща сонным голосом. Глаза у нее были закрыты.

Лида притихла, или ее больше не было слышно. Леша тоже притих. Теща оперлась о бортик кровати, выпрямилась, слегка покачиваясь на тощих ногах, и стала возиться с девочкой. Видимо, поила ту молоком. Девочка причмокивала и больше не плакала.

– Крестить тебя надо, милая, крестить, – продолжала бормотать теща, все еще покачиваясь из стороны в сторону, как маятник. – Иначе никак. Иначе получается, нехристь в доме живет, а это неправильно.

Кто-то схватил Лешу сзади за плечи, и он заорал так громко, так внезапно, что проснулся в собственной кровати от собственного же крика. Было уже утро, а из-за дверей доносился разговор жены и тещи. Леша понял, что словил очередной глюк, и долго растирал лицо ладонями, пытаясь отогнать страшные образы. Угол, в котором пропала жена, оставался темным, непроглядным, свет из окна как будто растворялся в той черноте.

Один Лешин коллега, человек набожный, но склонный к суевериям, впрочем, как и большинство людей в современном мире, на минувшей неделе дал Леше визитку одного местного колдуна. Дело было на обеде, и коллега, жуя сэндвич, доверительно сообщил, что на Леше сто процентно порча, а то и две. Это всем видно, все обсуждают и сплетничают. Глаза, значит, у тебя краснющие, как у зайца, а еще круги под глазами, пьешь много, перестал за собой ухаживать, однажды пришел в офис с рубашкой наыворот. Безусловно, все в знают о твоих семейных проблемах, потере ребенка, того-сего, но есть подозрение, значит, что где-то ты, Леша, подхватил порчу. Отсюда и последствия. Коллега намекнул, что колдун может помочь, недорого. Если не порчу снять, так подсказать, кто мог ее навести и для каких целей.

В порчу Леша не верил, но он не верил и в оживших детей, а тут такое. Поэтому решил сегодня все же позвонить. Лишним не будет.

Он быстро оделся, умылся, вышел на кухню, позавтракать перед работой. Глюк за это время почти забылся. На кухне за столом сидели теща с девочкой, а Лида качала кого-то в коляске, смешно деля губы уточкой и ласково что-то приговаривая.

– Нашла сегодня, – сообщила Лида, разворачивая коляску. Внутри лежал мальчик, месяцев пяти, голубоглазый, с рыжими вихрами, улыбающийся двумя зубами, так что на пухлых щеках проступили ямочки. – Тоже потерялся, бедный. Я, стало быть, хотела на кухню ночью сходить, за водой, а пошла в другую сторону. Проклятый мозг. Иду в темноте, натыкаюсь на предметы, и понимаю же, дура, что не туда иду, а сообразить не могу. Стала тебя на помощь звать. Кругом, как в трубе, ни черта не видно. Вроде окно слева, а поворачиваюсь – там стена с обоями. Потом слышу – плачет кто-то, потеряшка. Нащупала в темноте головку эту вихрастую, ручки маленькие, схватила, прижала, ну и вынесла к нам.

– Как это? – спросил Леша. В голове страшно зашумело, ноги подкосились, и он едва не упал.

– Кириллом назовем, – сообщила теща. – Внучка давно хотела.

– Это же не наш ребенок.

– Еще как наш. – Теща, хмурясь, посмотрела на Лешу. – Вознаграждение доченьке за все ее мучения. Бог взял, Бог дал, верно я говорю?

– Верно, верно, – ворковала Лида и, словно позабыв о Леше, снова стала смешно корчить рожи и сюсюкать.

Мальчик вторил ей, изгибая губы, и пытался ухватить скрюченными пальчиками за лицо.

Леша на работу не пошел, хотя собрался быстро и через полчаса уже был в небольшой забегаловке через два квартала от дома. Ему казалось, что Лида или теща следят, куда это он направляется, почему прогуливает и не надумал ли какую пакость совершить с их новенькими детишками. За окном сыпал густой снег, было слякотно и многолюдно. Трясущимися руками Леша вытащил из бумажника визитку колдуна, набрал номер. Ответили быстро, представившись Петром. Голос был молодой. Выслушав сбивчивую Лешину речь, Петр предложил встретиться и назвал адрес. Леша немедленно сорвался с места, на улице втянул голову в плечи, постоянно озирался. Ощущение, что за ним наблюдают, не проходило. Из темных углов и подворотен, казалось, вот-вот начнут выпрыгивать какие-нибудь мертвые дети.

Через сорок минут он оказался в центре города, быстро нашел нужное кафе, уселся за столик и стал ждать. Колдун Петр появился скоро. На вид ему было лет двадцать, одет он был в дорогое пальто, худой, длинноволосый. На каждом пальце по перстню, в губе кольцо. Леша почувствовал острое желание взяться за это кольцо и дернуть, но сдержался. Вместо этого как-то суетливо вывалил на стол несколько фотографий: где он с женой, где без жены, а где жена, наоборот, одна. Положил туда же Лидины вещи, какие незаметно успел прихватить из квартиры. Расческу старую, заколку и солнцезащитные очки.

Колдун заказал себе ванильный капучино, выудил из кармана стопку карт и тут же разложил перед Лешей некий узор, состоящий из таинственных рисунков и знаков. Леша в гадаании был профан. Он смотрел то на карты, то на Петра, и выжидал. Петр же хмурился, дышал на перстни, натирал каждый из них о ворот пальто и вглядывался, будто действительно что-то там видел. Он перебрал Лидины вещи, к каждой присматривался и принимался. Рассмотрел фотографии. Вдохнул.

– Нет на вас порчи, – сказал он наконец. – Есть большое чувство, вроде любви. Кто-то рядом с вами испытывает его и транслирует на вас тоже. А вы как приемник улавливаете сигналы.

– И это все?

– Ну и с алкоголем завязывайте. Панкреатит, все дела. Умереть можете только влет.

– И это все? – с нажимом повторил Леша.

– А что вы еще хотели? Говорю же, порчи нет. Проклятий никто не наложил. Любят вас сильно. Или не вас. Жена, наверное. Не разобрать. И детишки.

От бессилия Леша зашипел, тут же спохватился и забормотал:

– Может, внимательнее посмотрите, а? Бесовщина какая-то. Ребенок мертвый, одна штука. И еще один непонятно откуда взялся. Лида говорит, что нашла. Сама теряется постоянно, а их нашла. Смеху-то.

Петру, судя по лицу, было не до смеха. Он молча допил капучино, собрал карты.

– Знаете, от чего больше всего страдают люди? – спросил, поднимаясь.

– Нет, от чего?

– От неверия. Не укладывается у них в голове, что может быть лучше, чем они думают. Жены могут не изменять мужьям, а тещи не такие уж и стервы. Мужья могут отлично готовить и быть верными, а дети – прекрасно учиться и никогда не лгать родителям. Но никто в такое не верит. Ходят ко мне, выпрашивают открыть им глаза. Хотят услышать, что с их жизнью что-то не так. А потом страдают. Постоянно. Накручивают, ломают счастье. Вы-то не ломайте.

Петр ушел, а Леша еще несколько минут сидел и переваривал услышанное.

После этого разговора у него в голове весь день будто со скрипом работал старый заржавевший механизм. Шестеренки проворачивались, болезненно терлись друг о друга. Леша ушел пораньше, возле дома заскочил в цветочный магазин и купил букет роз. В первые месяцы знакомства он каждую неделю дарил Лиде розы. А теперь вот перестал.

В квартире, однако, Лиды не оказалось. Она рискнула выйти за покупками в продуктовый магазин. Последние недели Лида вообще хорошо ориентировалась в пространстве, почти не терялась в коридорах квартиры и не путала право и лево. Появилась робкая надежда, что мозг исцеляется (возможно, дело было в детях, в том, что Лида сосредоточена на них, а не на болезни, хотя никто не мог сказать наверняка, а к врачу идти не хотелось, да и времени не было).

Теща развешивала на веревках стиранные ползунки, пеленки и тканевые комбинезончики, а на кухне у нее булькал в кастрюле суп на ужин, а еще дверь в ванную была распахнута, и там гремела старая стиральная машинка.

Девочка сидела на полу в гостиной, играла с деревянными кубиками. Мальчик лежал в коляске, Леша видел только его крохотные ручки, пытающиеся дотянуться до погремушки.

– Схожу погуляю с ними, – сообщил Леша, передавая теще букет.

– Умом тронулся? – спросила она. – Ты ж подходить боялся.

– А теперь не боюсь.

Пока теща суетливо одевала детей, Леша стоял на пороге и разглядывал то девочку, то мальчика. Пытался раскопать внутри самого себя что-то, связывающее его с этими детьми. Что-то родное. Может, девочка и вправду похожа? Носик, если присмотреться, вполне себе. Глаза такого же цвета. Вырастет красавицей, уже сейчас видно. А по мальчику вообще ничего не видно, он маленький еще слишком.

В детстве Леша дружил с приемным парнишкой из соседней квартиры. Никто не скрывал, что он приемный, а родители его даже, наоборот, гордились. Они несколько раз говорили такое: «Отец и мать не те, кто родили, а те, кто воспитали». Раньше Леша не задумывался о значении этой фразы, а сейчас вот согласился.

В конце концов, какая разница, откуда дети взялись, если их можно вырастить нормальными людьми.

Он спустил коляску по лестнице, удивляясь, как это, оказывается, тяжело. На улице направился к детской площадке и там сидел на скамейке полчаса, наблюдая, как девочка возится с игрушками во влажном и припорошенном снегом песку. Мальчик спал. В какой-то момент позвонила Лида и радостно защебетала о том, как гуляет по продуктовому магазину, как ей тут хорошо и интересно. У нее прошел страх. Лидина радость передалась и Леше тоже.

Он отвлекся от тяжелых мыслей, рассказал (впервые за месяцы) о делах на работе, о плановых встречах и нелепых случаях в офисе. Посмеялся с женой вместе, а когда мальчик в коляске заворочался, сказал такое отцовское и теплое: «Ну-ну», будто много лет воспитывал детей.

После разговора Леша пошел домой. Колеса коляски вязли в снежной каше, из-за этого Леша задержался на лишние минут десять, и это было хорошо, потому что если бы он вернулся домой раньше, то неизвестно, как бы все закончилось для него и для детей.

Он поднялся на четвертый этаж, проклиная отсутствие лифта в их ветхой кирпичной пятиэтажке, и обнаружил, что входная дверь в квартиру приоткрыта. Пахло горелым, будто сбежало молоко на плите. В коридоре не горел свет. Леша щелкнул выключателем и увидел, что белье сорвано с веревок и разбросано по полу, измятое и грязное. И еще увидел темно-красные следы на стенах, как отпечатки рук, только размазанные.

Посадив девочку на обувницу, оставив коляску, Леша протопал торопливо к кухне, толкнул дверь и наткнулся на опрокинутый обеденный стол с торчащими вверх ножками. Ветер врывался в кухню, раззадоривая занавески. На полу, между холодильником и батареей, лежала на животе теща, подобравшая под живот руки, раскинувшая ноги. Одна тапочка слетела, обнажая темную старческую стопу с потрескавшейся грубой пяткой. Вокруг тещи расплзалась по кафелю темная кровь.

У распахнутого окна стоял тесть. Совершенно безумный, неопрятно одетый в старую военную форму, в берцах, непричесанный и с многодневной седой щетиной. Голова его тряслась, зрачки бегали туда-сюда, пальцы на левой руке, сжимавшие сигарету, тоже тряслись, и сигарета никак не могла попасть между губ.

Леша попятился, но тесть посмотрел на него и будто пригвоздил безумным дергающимся взглядом. Ноги сделались ватными, Леша подумал о том, что если он сейчас умрет, то следом наверняка умрут дети, а потом и жена. Из этой квартиры, кроме тестя, никто больше никогда не выйдет.

– Мне нужно было, – сказал тесть. Во второй руке у него был зажат кухонный нож с окровавленным лезвием. – Невыносимо с этим жить.

– С чем? – спросил Леша. На включенной плите выкипало молоко.

– Мы тридцать пять лет душа в душу. Никому ничего плохого не сделали. Как это ее угораздило вляпаться? Ты что же, не видишь, Леша, кого вы в дом притащили? Не видишь? А я вижу. Девочка эта. У нее взгляд... я его видел раньше. Мертвый взгляд солдата. Выгружал таких из вертолета, одного за другим. Мертвые смотрят одинаково, будто взгляд их стал глубже, будто умудрились заглянуть на ту сторону.

Леша сглотнул.

– При чем здесь...

– Она же верующая, Леша. Она не могла принять в дом мертвых людей. Это неправильно, не по-христиански. А все же приняла. Переступила через себя из-за кого? Из-за родственников. Любовь застила глаза. Что было бы дальше? Я скажу тебе, Леша. Я вам всем скажу. Нельзя, чтобы мертвые возвращались. Нельзя их находить и вытаскивать.

Он как бы лениво оттолкнулся от стены, о которую опирался плечом. Наконец засунул сигарету в уголок губы. Сигарета была не зажжена.

– Мне нужно вас остановить, – сказал тесть, делая шаг к Леше. – Иначе вы ведь еще будете приводить мертвецов. Одного за другим. И когда-нибудь приведете солдатиков, которые умерли на войне. Они вернутся в наш мир с тем самым взглядом. В нем боль, страх и злость. Они отыщут меня, отыщут всех, кто виноват в их смерти, и зададут вопрос: «Почему мы умерли?» А я не хочу отвечать. Я боюсь посмотреть в их мертвые глаза и увидеть там ответ.

Он сделал еще шаг, и Леша подумал, что надо бы бежать, надо бы развернуться, подхватить детей, коляску, рвануть на лестничный пролет и бегом, бегом из дома, подальше отсюда,

спастись. Но его мозг не слушался. Его мозг как будто сделался таким же поврежденным, как у жены.

Где-то за спиной, вдалеке, хлопнула дверь, и Леша услышал голос Лиды:

– Я вернулась! Все хорошо!.. А почему дети в коридоре?

Тогда Леша закричал:

– Бегите отсюда! Живее!

Он принял решение и сам шагнул к тестю, замахнулся, ударил кулаком в бородатое старое лицо с сигаретой во рту. Что-то обожгло его левое плечо, и Леша, проваливаясь в кроваво-молочный туман, успел увидеть нож.

А потом случился еще один глюк. Почти последний.

* * *

В этой потрепанной трешке, которую много лет назад получила от государства его мама, работавшая водителем трамвая и уж точно никогда не путающая право и лево, Леша остался с детьми один.

Лида, увидев лежащую на полу мать, окровавленного тестя и не менее окровавленного мужа, хлопнулась в обморок. Врачи увезли ее в больницу, где болезнь, усугубленная стрессом вперемешку с депрессией, дала о себе знать с новой силой. Лиду решено было оставить под присмотром на две недели.

Приехавшие же следователи как-то лениво и с черным юморком промеж официальных речей опросили Лешу: когда обнаружил, что предпринял, зачем полез на человека с ножом, е-мое. И все такое прочее. Леша отвечал, а в голове крутилась одна-единственная мольба, чтобы следователи не спросили про детей, откуда они, есть ли документы вроде свидетельства о рождении, или выписки из роддома, или чего там вообще предъявляют на малолеток. Следователи и не спросили. Один из них похлопал Лешу по плечу и сообщил, что вообще-то надо радоваться, что тесть не помер, иначе бы повесили непредумышленное, а так тянет на самооборону, хоть и с тяжкими. Леша путался в мыслях и ничего не понял кроме того, что его не посадят в СИЗО, а оставят дома с детьми. К добру или к худу – непонятно.

Тестя увезли в ту же больницу, что и Лиду. Впрочем, тещу отправили следом, потому что она до сих пор боролась за жизнь, организм у нее был крепкий, закаленный перестройкой и девяностыми. Умрет она только через два дня, но об этом пока еще никто не мог знать.

Создалось впечатление, что Лешу как будто специально бросили в квартире. После многочасовой суеты, болтовни и официоза входная дверь наконец закрылась, и Леша остался в тишине. Девочка давно уснула на диване в гостиной, а мальчик молча шевелил ручками в коляске.

Леша вынул мальчика, сменил подгузник. Как-то машинально нагрел молоко в бутылочке, покормил. После чего сам провалился в сон.

На две недели он взял отпуск. Навещал Лиду, которая лежала в больничной койке, похожая на еще одного ребенка: шуплая, сильно похудевшая, с заострившимися скулами и блестящим кончиком носа. Лида жаловалась, что не может запомнить расположение вещей в палате. Даже взять апельсины с тумбочки было для нее сложно: хотя тумбочка и была перед глазами, руки отказывались двигаться к намеченной цели. Отвернувшись от окна, Лида забывала об окне. Глядя на дверь палаты, Лида не могла понять, сколько до нее шагов, десять или, может быть, сто.

Рассказывая об этом, Лида плакала. А врач уже в коридоре объяснял Леше, что нужно потерпеть, поскольку нарушение хоть и носит физический характер, но хирургическим путем не исправляется.

Когда умерла теща, Леша организовал похороны. С Дальнего Востока приехали дальние же родственники, выпили на кухне и всю ночь травили байки, вспоминая тещу и – что немало важно – тестя добрыми словами. Потом они уехали, оставив Лешу и детей наедине с пустотой.

Следующие дни все свободное время Леша занимался детьми. Кормил, выгуливал, показывал мультики, менял подгузники. Квартира вновь наполнилась запахом влажных пеленок, а веревки в коридоре прогибались под тяжестью выстиранного белья. Деваться было некуда, сбежать от этого тоже не получалось. Леша жил в странной тягучей реальности, в ожидании, когда вернется Лида. Без нее он не верил в происходящее.

Пить он стал меньше, но зато если уж пил, то не две-три банки пива, а сразу чистый виски, несколько бокалов, чтобы проваливаться в черное, без сновидений, состояние.

Потому что глюки за это время участились. Например, привиделось Леше, как дети ползают по потолку и смеются. Или как мальчик вылезает из кровати, ползет в темный угол между шкафом и окном и возвращается, неся в зубах какое-то мертвое животное вроде крысы. Вдвоем с девочкой они съели животное, тихо хрустя костями и чавкая.

Еще девочка как-то залезла на кресло и, уставившись в зеркало, вычищала из глаз гной, который даже в темноте был ярко-желтого цвета. Катышки его падали на пол, мальчик подбирал и ел, опять же чавкая. На утро Леша не находил ни гноя, ни следов крови от съеденных животных. Видимо, мозг его был так же поврежден, как и мозг жены. А вот страх не исчезал. Постоянный страх остаться в глюках навсегда и больше оттуда не выбраться. Ему мерещился детский смех и чавканье в углах комнат. Мерещилось, что мальчик ест собственную ногу, запихнув ступню в рот, а девочка погружает пальцы в свои глаза. Глюки, глюки были вокруг, изматывали, от них спасали только алкоголь и монотонные обязанности – уборка, глажка, готовка. Работа пошла к черту, на звонки из офиса Леша почти не отвечал.

На исходе месяца Лиду выписали. Леша по такому случаю оставил детей с няней, а сам помчался в больницу. Всю дорогу Леше казалось, что от него пахнет детской мочой и памперсами, поэтому он открыл окна и проветрил салон прохладным весенним воздухом. На пассажирском сиденье лежал большой букет роз.

Лида ждала в палате, похудевшая, с бледной светящейся кожей, какая-то вся тонкая и воздушная, будто святая. Она взяла мужа под локоть и крепко сжала.

– Нам нужно налево, – сказала она, поворачивая направо от палаты.

– Зачем?

– Нужно, и все тут.

Леша не сопротивлялся. Они прошли по коридору, к лестничному пролету, мимо лифта. Когда спустились на второй этаж, Лида отцепилась от Лешы и толкнула дверь плечом.

– Я сейчас.

Леша снова не возражал. Он остался ждать, усевшись на ступеньки. Мимо него несколько раз проходили люди. Леша позвонил няне, но та не брала трубку.

Может быть, надеялся Леша, морок пройдет. Может быть, нет никаких детей, а он просто слишком много пил? Привиделось всякое. Сейчас привезет Лиду в квартиру, а там тихо и пусто, как раньше. Бельевых веревок нет, памперсов нет, пузырьков из-под детского пюре тоже нет. Никто не чавкает в темноте, поедая дохлых кошек, а глюки пройдут.

Он почти забыл, что глюки были и до появления детей.

Потом дверь второго этажа тяжело распахнулась, на лестничный пролет ввалилась Лида, держа на плече свою маму. Теща была бледная, синеконья, одетая в медицинский халатик, босая. Ноги ее были обнажены до колен, и Леша хорошо рассмотрел вздувшиеся вены, темные и желтые синяки, бурые пятна на лодыжках.

Он вскочил, тоже подхватил тещу. Та была тяжелая и какая-то застывшая, что ли. Ноги ее еле двигались.

– Пойдем, пойдем, – шептала Лида.

Тещины глаза были закрыты, а щели между век покрывал гной.

– Это ведь мне не кажется, – пробормотал Леша.

– Конечно, не кажется. Надумал тоже, – ответила Лида. – Поддерживай ее хорошенько, а то, видишь, тяжело идти же.

Леша вел тещу по больнице, потая от страха, от того, что его могут задержать охранники, и тогда придется объясняться, а в голове нет ни одной дельной мысли.

Но около регистратуры и около гардероба толпилось множество таких же пожилых людей, похожих либо на оживших мертвецов, либо на тех, кто задержался на этом свете. На тещу никто не обратил внимания.

Она села на заднее сиденье, Лида юркнула туда же. Было не до цветов, лишь бы поскорее уехать.

Всю дорогу Леша поглядывал в зеркало заднего вида, хотя лучше бы ему этого не делать. Он мельком увидел, как Лида прижимает к тещиним глазам влажные салфетки, а потом аккуратно отковыривает гной.

– Нашлась, – говорила Лида. – Как хорошо, что нашлась. Я уж думала, все.

Леша мысленно молился. Почему, думал он, никто до сих пор так и не сходил в церковь.

Не успели зайти в квартиру, как Лида бросилась к детям в гостиную. Дети не пропали, и не пропал запах влажных пеленок и мочи. Леша прислонился затылком к стене, закрыл глаза. Все это время он надеялся, что глюки отпустят. Ошибался.

Затем Лида увела мать мыться. Леша обошел квартиру, но нигде не нашел няню. При этом вещи ее, – бежевое пальтишко, сапоги, платок в цветочек – аккуратно лежали на тумбочке в коридоре. На звонки она тоже не отвечала.

Лида завела в кухню вымытую, переодевшуюся тещу, с уже открытыми глазами, ожившую и сделавшуюся такой, какой она была раньше. Теща тут же взялась за ужин, бойко рассказывая о темных и кроваво-красных больничных коридорах, в которых она плутала долгое время, пока дочка не поймала ее за плечо и не вытащила.

– Морок такой, морок!

Вскоре кухню наполнили запахи жареной картошки и свежего кофе. За ужином Леша выпил стопку водки, из запасов. Потом хлопнул еще две и отправился мыться перед сном.

Он стоял под душем, закрыв глаза. В голове шумело. Дверь открылась и закрылась. Шевельнулась занавеска. Сзади прислонилась жена, обвила руками, поцеловала в шею.

Так они стояли молча несколько минут. Лида сказала:

– Я хочу еще раз съездить завтра в больницу.

– Зачем?

– Хочу пообещать папе, что, если он умрет, я его тоже найду и верну обратно. К нам. Мы же семья. Мама его уже простила, мы обсудили.

– Мне казалось, нам хорошо вдвоем, – ответил Леша, подумав. – Ну, до того, как решили завести ребенка. Мы были счастливы.

– Мы и сейчас счастливы! – подхватила Лида. – Стало еще лучше! Представляешь, сколько я теперь детей найду и спасу? Оттуда, из темноты и больничных коридоров! Бедных и потерявшихся детей.

Леша не ответил.

Среди ночи он проснулся от того, что кто-то громко чавкал. Леша привстал на локтях и увидел, что оба ребенка сидят на полу. Из темноты в углу они наполовину вытащили мертвую няню. Девочка обглаживала ее пальцы на левой руке, а мальчик, забравшись на грудь, щипал няню за губы.

Леша встал с кровати. Дети не обращали на него внимания, они были увлечены. Он медленно обошел их, заглянул в темноту. Воздух там был сперт и душен, пахло гниющей влагой.

Леша шагнул ближе, вытянул руки, но пальцы не уперлись в стену комнаты. Пальцы погрузились в плотную темноту, как в желе.

Это был глюк, определенно, но Леша пока еще не мог проснуться. За его спиной чавкали и похрустывали. Леша пошел в темноту с вытянутыми руками, ожидая рано или поздно упереться во что-нибудь, но темнота поглотила его. Вокруг проступили очертания коридоров с высокими потолками и деревянным полом. Доски поскрипывали под ногами.

Леша куда-то свернул, потом еще раз, завертелся на месте, не понимая, куда идти и как отсюда выбраться. Темнота шевелилась, будто влажное покрывало на ветру.

От страха подкосились ноги, Леша плюхнулся на пол и увидел вдруг прямо перед собой курного лысого мальчика лет десяти.

– Потерялись? – спросил мальчик с сочувствием. – Все, кто потерялся, попадают сюда. Место такое. Но вы не бойтесь. Ваша жена нас вытащит. Она умеет, мне рассказывали. Вытащит вообще всех.

– Вас тут много? – Леша увидел, что губы у мальчика потрескавшиеся, с запекшимися полосками крови.

– Достаточно, – мальчик ухмыльнулся и протянул раскрытую ладонь. – Пойдемте. Соберем остальных. Чтобы ваша жена не бегала туда-сюда. Ей же нельзя утомляться, верно? Она еще не поправилась.

Леша взялся за влажную и холодную ладонь. Хотелось проснуться на кровати, обнять Лиду и согреться. Но вместо этого он поплелся, ведомый мальчиком, по коридорам неизвестного мира. Из черноты вокруг, казалось, на него смотрят и ухмыляются десятки и сотни потерянных детей.

Антон Темхагин. Луот-хозик

I

Буров пустым взглядом пялился в грязную ледовую корку под ногами – в голове ничего, никаких мыслей, зацепок и идей. Будто стылým северным ветром все выдуло, ни капли не осталось. И надо думать, да не хочется.

Рядом к холодному кирпичу у подъезда приклеился Федотов, бледный, как сам этот дом. Его заметно потряхивало, а порой до Бутова доносились неприятные и раздражающие звуки – это его помощник в очередной раз блевал и потом долго отплевывался.

Старлей и сам ощущал противную тяжесть в желудке, но скорее не от той картины, что увидел буквально минут двадцать назад, а вообще от всей ситуации. От неизвестности. Тошно, когда ты должен что-то делать, от тебя чего-то ждут, но сам ты не знаешь, с какого конца браться за дело.

А с таким делом Буров точно столкнулся впервые.

Еще утром оно не казалось таким уж необычным. На звонок ответил привычно бодрый Федотов, так что Буров узнал историю в пересказе помощника. Звонила бабка из пятого дома на Морской улице – ночью ее доставал буйный сосед, орал пьяные песни и чем-то гремел. Потом вроде затих, но к утру весь дом разбудили истошные крики, удары, звон – короче, целая какофония. Пока сообразили позвонить в полицию, все уж закончилось, но проверить-то надо, вдруг чего!

Буров и так знал, что никакого «вдруг чего» не будет. Опять кто-то нажрался до белочки и пошел вразнос. Вообще ничего удивительного для Старо-Рыбацкого, где бухало почти все население, причем в это время года – особенно иступленно, с оттягом, как говорится. В Большом городе (так Буров называл про себя Мурманск) говорили, что у населения во время полярной ночи случаются обострения депрессии, подавленное настроение и прочее. Постоянно темно, грустно и тягостно.

Там, в Большом городе, может, так оно и было. В Старо-Рыбацком куда проще – тут из депрессии не выходили и в полярный день, а грусть-тоску по обыкновению заливали бухлом. Темнота и тяжесть на душе – это не что-то преходящее, это обычное состояние для местных жителей. Привычное. Ну и что, что полярная ночь? Тут и так всегда снег, холод, грязь и разруха. Ночь или не ночь. Только лишний повод выпить.

До дома на Морской добирались пешком – служебный уазик почти всегда простаивал без дела. Как говорил Федотов – если в России и есть проблемы с дорогами, то в Старо-Рыбацком таких проблем нет, потому как и дорог тоже нет. И не было, пожалуй, никогда. Даже в проектах.

Впрочем, и ездить тут почти некуда – весь поселок можно обойти за час максимум. Может, больше, если по пути придется отбиваться от злобной стаи бродячих собак. Хотя в таком случае можно и вовсе никуда не пойти.

Буров ежился от ветра, постоянно поправлял шарф. Не сказать что холодно, но ветра с моря пробирали, да старлей еще и приболел на днях – его знобило, и непонятно, то ли это от стужи, то ли температура лезет. Федотов легко шагал рядом, только искоса порой поглядывал на начальника.

Дверь подъезда не запиралась уже лет двадцать. О домофонах или хотя бы кодовых замках тут никто и не слышал – зачем они нужны, если в поселке все друг друга как облупленных знают, да и брать в домах нечего. Дверь тонко заскрипела, когда Буров толкнул ее, и с таким же писком запахла за спинами участкового и его помощника.

Света от тусклой лампочки без плафона хватало только для того, чтобы разглядеть в полумраке бетонные ступени и не споткнуться. Пахло сыростью и пылью. Участковых уже ждали – дверь одной из квартир на втором этаже распахнута, на ее пороге стояла бабулька: бесцветные глаза горели предвкушением развлечения. Наверное, лучшего за последние несколько лет ее жизни.

– А я уж слышу, что идете, Матвей Иванович, жду вот. Чаю хотите?

Буров только отмахнулся.

– Ну какой чай, Тамара Васильна, дела. Кто тут у вас дебоширил?

– Да этот вот, – бабка ткнула сухим пальцем в потолок. – Верхний. Орал все утро, чертяка поганый.

– Разберемся, – буркнул Буров и потопал дальше с видом давно замученного работой человека. Не сказать что работа на самом деле его тяготила, старлей относился к ней равнодушно – приятного мало, но в общей атмосфере Старо-Рыбацкого, в тягучей хмари северного захолустья, это не воспринималось как-то особенно близко к сердцу, лично. Работа и работа. Как у всех.

Но почему-то ему нравилось вести себя вот так – немного пафосно, что ли, изображать матерого полицейского, который в своей жизни навиделся такого, что о-го-го... Не понять обывателям. И это действовало – местные видели в нем героя очередного ментовского сериала на ТВ и больше уважали. Буров и сам не сразу заметил, как из-за этого стал еще сильнее походить на киношный образ, нахватался вот этих шаблонных фразочек, вроде «разберемся». В чем тут разбираться?

На третьем этаже кроме дебошира никто не жил. Дома в поселке пустовали наполовину, нередко и целые этажи забрасывали. Здесь, насколько помнил старлей, обитал Ванька Петрухин, тот, что с Рыбзавода. Хотя можно и не уточнять – тут все с Рыбзавода.

Свет на площадке не горел – лампочку просто выкрутили. Буров прошагал к старой рассохшейся двери, бухнул по ней пару раз кулаком. Тишина. Ну точно, отсыпается, зараза.

– Ванька, открывай, поговорить надо! – зычно крикнул Буров и посильнее пнул дверь.

Никто не ответил.

– Вот су...

– Матвей Иванович, тут лужа какая-то, – перебил старлея Федотов.

Помощник стоял позади и разглядывал пол. Немного порывшись в кармане, Федотов достал телефон, ткнул на кнопку фонарика. Площадку залил холодный свет.

– Мать твою! – только и вырвалось у Бурова.

Старлей стоял точнехонько посередине темно-алой лужицы, вытекающей из-за двери Петрухина. Слабый металлический запах ударил в ноздри – и как сразу не заметил?

– Матвей Иванович, случилось что? – это подала голос бабка со второго этажа. Она потихоньку поднималась по лестнице, ее седая макушка уже появилась чуть выше перил последнего пролета.

– Тамара Васильна, не надо сюда, – отозвался Буров. – Сань, проводи ее обратно. Сань!

Федотов застыл, но через секунду неуверенно кивнул и развернулся к лестнице. А старлей тем временем соображал, что делать дальше.

Двери тут толстые, тяжелые. Но старые. И замки все старые. Попробовать выбить? Открывается внутрь вроде. Ну...

Буров собрался и мощно приложился плечом к двери. Что-то хрустнуло, поддалось. Есть контакт! Еще толчок, второй (плечо заныло, но не беда) – ветхий косяк разлетелся в щепки, старлей по инерции чуть не влетел в квартиру.

– Саня, сюда, быстро!

Пока Буров доставал из сумки фонарик, Федотов уже добрался до порога и дышал в затылок. Светить телефоном в квартиру он не решался.

Старлей щелкнул фонариком. Кругляш света появился на полу коридора – Бурова замutilo, а Федотов хрипло выругался.

От порога в комнату по давно выцветшим доскам пола тянулась бордовая полоса, исчезающая за углом. Буров нервно сглотнул. К металлическому запаху добавились перегар, табачный дух и еще что-то неприятное, но пока неосознанное. Здорово повеяло холодом.

– Сань, за мной. Вперед не лезь, – собственный голос показался ему сиплым и тихим.

Федотов и так не собирался куда-то идти, он столбом застыл за спиной старлея. Буров ткнул его локтем в бок – не спи!

Табельный ПМ сам собой лег в руку – ощущение, которое Буров уже подзабыл. Да лучше бы и не вспоминал.

Участковый щелкнул выключателем, но свет не загорелся. Чертыхнувшись, старлей шагнул в комнату.

Было похоже, что в однушку Петрухина закинули гранату, а то и не одну. Вся скудная обстановка была поломана и развалена по комнате ровным слоем, превратившись в неоднородную мусорную массу из досок, битого стекла и тряпок. Остатки старой люстры валялись в углу, из потолка сиротливо торчали провода. Диван разорван в клочья, шкаф лежит на полу – дверцы вырваны с корнем. И кровь везде. Размазана так, словно ею пытались вымыть пол.

Поток холодного ветра заставил Бурова съежиться и дернуть плечами. Одно окно оказалось выбито полностью, вместе с рамой – оттуда и дуло. Второе, как это ни странно было в таком хаосе, уцелело. Кровавый след забирался на подоконник и тонул в куче осколков.

– Сань, быстро гони на улицу. Сань, слышишь меня? Федотов, мать твою!

Федотов мыслями был где угодно, но только не здесь. Он робко заглядывал в комнату, переминаясь на пороге. Буров в который раз выругался.

На лестницу помощника он тащил чуть ли не за шкирку. Наказал охранять дверь и не пускать бабку и остальных жильцов (их взволнованные голоса уже слышались внизу). Сам же побежал на улицу – окна квартиры Петрухина выходили на заснеженный пустырь за домом. По пути поймал испуганный взгляд Тамары Васильевны – только тогда и вспомнил, что все еще крепко сжимает в руке пистолет.

На улице Бурова зазнобило пуще прежнего. Фонарик выключать он не стал – тьма вокруг такая же, как и в квартире. Лезть по сугробам не хотелось, старлей проваливался по пояс, снег быстро забился в ботинки. Как только Буров завернул за угол, то сразу понял – тащился он не зря. Под окном Петрухина что-то чернело, а снег вокруг был разбросан, да так, будто постаралась стая медведей.

Пятна крови. Везде. Алое впиталось в чистый снег, окропило белое полотно. Старлей подобрался к стене дома, стараясь не наступить на битое стекло. В нескольких квартирах горел свет, виднелись головы любопытных.

«Пусть смотрят, черт с ними», – подумалось с невесть откуда взявшейся злобой.

Дрожащий луч фонарика (Бурова трясло от всего разом – холода, температуры и, наверное, все-таки от страха) высветил поле боя – другие слова на ум не приходили. Здесь как будто и правда сражались – снег разворошен, кровь, вот только следов не видно. Если Петрухин упал, то где он? А если его кто-то унес, то где следы? Сам Буров оставил за собой четкий путь человека, который упорно лез через сугробы. Не ошибешься. Здесь же – все перевернуто, но дальше ничего. Ни следа.

Взгляд ухватился за что-то темное, мелькнувшее среди кровавых пятен прямо под окном. Буров шагнул поближе, посветил фонариком. Перед глазами поплыло.

Прямо у кирпичной стены, чуть припорошенная снегом, лежала оторванная по локоть рука.

II

Домой Буров вернулся поздно – уставший и опустошенный. После убогого подъезда мрачной трехэтажки и унылой до одури дежурки собственный домик казался раем. Небольшой, но уютный – им с женой и дочкой хватало. Небогато, конечно, но все лучше тех советских развалин, в которых ютилось большинство жителей поселка. В этом плане Буровым повезло – этот дом построил еще отец супруги, Маша в нем родилась и выросла, а после свадьбы получила в качестве подарка. Сам же батя переехал в типовую однушку, чтобы не мешать молодоженам. Щедро, сам Буров такого от внешне сурового тестя не ожидал, но что там, дело прошлое. И тесть-то помер давно.

Жена с дочкой уже спали, так что старлей тихонько прошмыгнул на кухню, поставил на плиту кастрюлю с водой, а как закипело – накидал туда пельменей из морозилки. Жрать хотелось жутко, хотя еще с час назад он о еде и думать не мог.

Все казалось ему каким-то бредом. За почти двадцать лет службы ничего особенного в Старо-Рыбацком не приключалось. Пьяные драки, утонувшие рыбаки, дебоши, разбои порой – привычно и обыденно. А что тут?

Опрашивать соседей Петрухина пришлось самому – Федотов впал в состояние амебы, только глазами тупо лупил и шатался без цели. Пришлось отослать его домой. У Букова тоже холодком внутри веяло, но о работе он не забыл. Хотя и бесполезно все оказалось – никто ничего толком не рассказал.

Ну да, был сначала шум, пьяные песни. Потом затишье. Ближе к утру удары, громкие крики, звон стекла. Около семи где-то, хотя тут показания разнились. Но все быстро закончилось – тогда Тамара Васильевна позвонила в дежурку (не сразу), а около девяти Буров и Федотов подгребли к подъезду.

Петрухин мелькал накануне – был веселый, ничего не предвещало. Бухал часто, никого это не удивило. Что еще? Да, окна. Никто в окна утром не смотрел. Что бы ни происходило на пустыре за домом, этого никто не видел. Да и не увидели бы – темнота, фонарей там нет. А со включенным светом все равно в окне кроме своего же отражения ничего и не рассмотришь.

Буров выловил пельмени в тарелку, достал из шкафчика бутылку, налил рюмку водки. Пил он редко, но сейчас не видел другого выхода. Рюмка точно не помешает.

Так вот. Что же там случилось утром? Вряд ли Петрухин один такое устроил – нереально все разломать, да еще так быстро (а соседи говорят, что шум и крики были ну минут десять от силы). И этот след на полу... Кого-то явно тащили – окровавленного, причем, как показалось старлею, от двери к окну. Значит, Ванька был не один. Хотя все равно чепуха получается – ну зачем все в доме разносить? И как?

Буров мрачно жевал пельмени, слепо уставившись в стену (свет он включать не стал – хватило фонарика). Мысли наслаивались одна на другую. Получалась вязкая каша.

И главное – куда делся Петрухин? Точнее, бо́льшая его часть. От воспоминаний о руке у Букова свело желудок, а пельмени запросились обратно. Руку пришлось запихать в пакет (старлея тогда чуть не вывернуло) и отвезти в больницу на хранение. Там она подождет, пока приедут умные головы из Большого города.

Чья вообще это работа? Собак? Медведя? Все возможно – собак тут тьма, медведи заходят. Но если так – то где следы? Хоть чьи-то? Не могли же они просто испариться, эти собаки. Или улететь. Снегопада, чтобы засыпать следы, утром не было.

– Вот куда не глянь, везде хрень получается, – пробубнил Буров себе под нос.

В город он позвонил сразу же. Но пока без толку – январь, дорогу к поселку завалило намертво, каждый год одна картина в это время, пока все расчистят – несколько дней пройдет. Ждать долго, но делать-то что-то надо! Не сидеть же просто так.

Завтра надо сходить на Рыбзавод, найти знакомых и друзей Петрухина. Родственников у него в поселке нет. Узнать, чем жил, с кем дружил, чем занимался помимо работы и пьянок. Буров хотел еще днем туда забежать, но не успел – навалилось всего, еще и Федотов скис не вовремя.

Щелкнул выключатель, глаза резануло светом.

– У кого тут ночной дозор? А?

Жена зашла на кухню, кутаясь в серый теплый халат. Положила ладошку ему на плечо, чмокнула в щеку. Буров улыбнулся. Украдкой спрятал за чайник пустую рюмку из-под водки.

– Да работы завались, поесть не успел. А ты чего не спишь?

Маша хмыкнула.

– Спала, пока какой-то боров не завалился на кухню и не стал греметь посудой.

Греметь, да? Вроде тихо старался, чтобы не будить. Или так погряз в мыслях, что забыл обо всем?

– Лерку не разбудил?

– Нет, дрыхнет без задних ног. Доедай давай и тоже спать.

Старлей быстро забросал в себя остаткипельменей, запил холодным морсом из морошки (летом ягоды сами собирали) и отправился в кровать. Спать не хотелось – буря мыслей распаляла мозг, не давала ему успокоиться. Полночи Буров ворочался с боку на бок, задремал только под утро. Ему снились темнота, снег и вой собак.

* * *

Жена рано убежала на работу – она преподавала русский, литературу, историю и еще бог знает что (Буров давно запутался) в местной школе. Заодно и Лерку с собой забирала – в обычной школе дочка ходила бы во второй класс, ну а тут вместо классов сборная солянка из детей разных возрастов.

Старлей вставал позже всех, сонный и хмурый, плелся в дежурку к восьми. Это только они с Федотовым называли участковый пункт дежуркой, чисто по привычке – никто там, конечно, не дежурил. Если что случалось ночью, то местные звонили в 02, а уж оттуда набирали на личный Бурову. Но такое бывало редко.

Старлей неспешно пробирался темными улицами, без интереса поглядывая на дома вокруг. За двадцать дней к постоянной темноте полярной ночи привыкаешь. Она особо и не давит, в Старо-Рыбацком при свете смотреть тоже не на что. Древний Рыбзавод на берегу моря каждый год обещали отремонтировать, но каждый год что-то мешало. Это только название такое громкое – завод, на самом деле всего лишь корявый горбыль вместо дома, иссохший труп, а не здание.

Да и остальное... Кирпичные коробки многоквартирников с облезшей краской и выпавшими из стен кусками – можно подумать, что тут когда-то была война и в дома попадали снаряды. Деревянные двухэтажки, в которых, наверное, никто больше не жил, глядели на Бурова пустотой за черными провалами окон без стекол. Жуткие, да, но хуже другое – от них веяло безысходностью и мраком, а это куда неприятнее любого страха.

Но больше всего Бурову не нравился старый Дом культуры, причем он сам не понимал почему. ДК не забросили, до сих пор работал, танцевальные коллективы там какие-то, детские кружки, театр... Ну неприятный он, такой типичный совдеп, бетонный выкидыш той тоскливой серой архитектуры. Даже плакат на нем до сих пор висел: «Пятилетку в три года!» Выцвел, потрескался, но его не снимали. Небось уже считали памятником, таким вот местным культурным достоянием.

Не сказать что старлей ненавидел Старо-Рыбацкое. Нет, ненависти и отторжения не было, но особой любви тоже. Он просто свылся с этим местом, прилип к нему за двадцать лет. Буров

даже не помнил, как поселок его впервые встретил – не до того тогда было, к свадьбе готовились, перед глазами витал только Машин образ, а окружение его не интересовало вовсе.

С женой они познакомились в Мурманске – Маша приехала учиться, а Буров только начинал карьеру. Потом все как-то быстро завертелось, в Большом городе его ничего не держало, и вот – здравствуй, Старо-Рыбацкое. Интересно, но о переезде куда-то еще они даже никогда не разговаривали. Наверное, думал старлей, это потому, что Маша сильно привязана к этому месту – тут родились и жили все ее предки до черт знает какого колена – а Бурову просто все равно, лишь бы жена и дочь были рядом.

Отец Маши – настоящий абориген Старо-Рыбацкого, из древнего народа саамов, или лопарей, хотя второе название местные почему-то не любили. Мало их осталось, во всей области полторы тысячи еле наберется. Вот и в поселке тоже есть община – крохотная, конечно, но все же. Со своим музеем, кстати.

Задумавшись, Буров не заметил, как доплел до конторы. В дежурке его уже ждал Федотов – виновато прятал взгляд и мекал что-то невразумительное. Старлей только рукой махнул – что с него взять? Мелкий еще, да и помощников других все равно нет. Кто будет держать большой штат полиции в такой дыре? Участковый и помощник – это уже много.

Буров хотел немного пожурить мальчика для профилактики, но Федотов ошарашил его первым.

– Матвей Иванович, звонили тут, я только пришел еще. У Рылова какая-то дичь, я не понял ничего. То ли дом разнесли, то ли еще что. Идти надо.

* * *

– Это не дичь, Саня, это триндец.

До дома Славы Рылова добирались чуть ли не бегом – после прошлого утра Буров ожидал увидеть там все что угодно. Перед глазами стояли картинки с окровавленным снегом и зверски оторванной рукой. Федотов мельтешил рядом, молчал и, похоже, тоже ничего хорошего не ждал.

Но увиденное напрочь выбило почву из-под ног. Жилище Рылова частично освещали фонари от соседнего дома, так что даже издали старлей отметил какой-то хаос в снегу прямо под стенами мелкой кривоватой хаты. Вокруг дома валялись обломки досок и черепицы, словно ураган недавно прошел и сорвал мощными потоками кровлю. Но не это занимало Букова, а багровые пятна на белом снежном полотне. У старлея закружилась голова.

«Так, спокойно. Разберемся».

Явно кровь, но, пожалуй, меньше, чем под окном Петрухина. Больше вроде ничего – только доски, мусор и черепица. Снег не разворошен, следов не видно.

– Эй, Слава, ты там?

Тишина. Как у Петрухина. Да что же это такое?

Буров сжал рукоятку пистолета – так часто он его не вынимал, наверное, никогда. Дернул ручку входной двери – заперто.

Бросил за спину не глядя:

– Саня, быстро окна на той стороне проверь!

По скрипу снега понял, что Федотов на этот раз в ступор не впал.

«Надо же, быстро привыкает», – подумал он отстраненно.

С левой от входа стороны все окна оказались целыми. Внутри ничего было не видно – света нет, занавески задернуты.

– Все цело! – это уже Федотов закончил проверку.

Буров без особой надежды поорал еще у окон, попинал дверь, но все без толку. Подобрал ближайшую доску, с тычка вынес стекло – звон резанул уши, а подбежавший на помощь Федотов удивленно охнул за спиной.

Старлей и сам удивился – так поспешно он никогда не работал, старался сначала сто раз все обдумать. Но сейчас не мог больше ждать, внутри все орало – медлить нельзя!

Открыв окно, Буров смел осколки и набросил на подоконник куртку, чтобы не порезаться. Забрался внутрь – пистолет из руки не выпускал, хотя с предохранителя все-таки снимать не торопился. Пока Федотов неуклюже лез следом, включил фонарик и быстро осмотрелся. В животе будто что-то провалилось.

Комната Рылова как две капли походила на хаос в квартире Петрухина. Все перемолото почти в труху, везде доски, пух из подушек, разорванное одеяло мокнет в кровавой лужице. И запах... Там не пахло, там воняло кровью и чем-то еще. Чем-то уже знакомым...

«Этот запах был у Петрухина. Точно такой же».

Но чего Буров точно не ожидал увидеть, так это здоровой дыры с рваными краями в потолке, через которую в комнату тихонько падали крупные снежинки и едва пробивался свет с улицы.

Внутренности, казалось, превратились в сплошной ледяной ком. Участковый стоял посреди разгромленного дома и не мог пошевелиться.

– Матвей Иванович, гляньте...

Темная фигура Федотова виднелась на противоположной стороне комнаты. Старлей с трудом заставил себя сдвинуться с места – ноги не хотели идти, мышцы налились металлом. Помощник посветил телефоном на стену и многозначительно посмотрел на начальника. Теперь увидел и Буров – на стене красовалась воронка с частичками дроби. Крови рядом не было.

– Он стрелял. Только в кого?

Ружье валялось неподалеку – приклад сломан, дуло смято так, словно какой-то ребенок месил пальцами податливый пластилин.

Когда оцепенение немного спало, старлей кое-как еще раз осмотрел весь дом. Дверь закрыта изнутри на ключ и на защелку, окна заперты. Через крышу к нему, что ли, пришли? И где сам Рылов?

От Славы не осталось ничего. Только кровь, хотя и поменьше, чем в петрухинской квартире. Буров боялся опять наткнуться на какую-нибудь часть тела, но на этот раз повезло. Если можно так сказать, конечно.

Звонили опять соседи – через дорогу от Рылова. Под утро семейство разбудили крики, перепугали мелкую дочку. Потом звук выстрела – и тут же сильный грохот, треск, словно соседний дом бульдозером сносили. Сразу набрали в дежурку, вот и вся история.

– Ничего не видели? У вас окна же сюда выходят, – поинтересовался Буров.

Соседка Рылова чуть замялась, зыркнула куда-то назад в комнату.

– Да нет, мы же спали. Всё так быстро случилось, перепугались все.

Из-за спины женщины выглянула девчонка лет шести, замороженным взглядом уставилась на грозного, с ее точки зрения, старлея. Затеребила пальцами мамин халат.

– А я все видела!

– Иди спи давай, чего ты там видела! – шикнула на нее мать, замахала руками.

Буров вздохнул. Присел на корточки, улыбнулся девчонке.

– Ну-ка, давай-давай, рассказывай.

Девочка помедлила, заскромничала, но все-таки выдала:

– Я видела, как дядя улетел.

Мама закатила глаза, а Буров почему-то похолодел.

– Как это улетел?

– А вот так! – Девчонка посмотрела на потолок и ткнула в него пальцем. – Взял и из крыши вылетел. Я сама видела, точно-точно!

III

Рыбзавод, главное рабочее место в поселке, доживал последние дни. Рыбы в Баренцевом море меньше не стало, но рыбаки старались загонять улов на сторону – теперь так получалось куда выгоднее, а потому завод быстро остался без сырья. Буров в экономике ничего не понимал, да и не пытался в нее вникнуть, но почему-то ощущал смутную тоску от мысли о том, что Рыбзавода скоро не станет. Это даже как-то странно, неестественно – он же всегда тут был, как без него?

Но сейчас все лишние мысли старлей постарался задвинуть подальше. Вместе с Федотовым они делали единственное, что им еще оставалось, – опрашивали местных, пытались понять, что случилось с Петрухиным и Рыловым.

Оба трудились на Рыбзаводе, оба холостые, пьющие (хотя кто тут не пьет), оба пропали буквально за сутки при крайне странных обстоятельствах. Должен же хоть кто-то чего-нибудь знать!

В город Буров позвонил первым делом. Долго подбирал слова и объяснял, что за чертовщина у них творится. Там, кажется, поняли, но помочь пока ничем не могли. Держитесь, через пару дней дороги расчистят, техника уже трудится. Вот и весь ответ.

Держитесь... Да, надо держаться, чтобы окончательно не сойти с ума.

Опросы на Рыбзаводе дали намек на зацепку – выяснилось, что Петрухин и Рылов постоянно кучковались с еще двумя похожими типами: Санькой Черновым и Женькой Куликом. Все четверо на заводе не появлялись несколько дней – и вот это заботило старлея больше всего.

Как назло, Чернов с Куликом жили на разных концах поселка. Чернов один, в старой трехэтажке, почти такой же, как и у Петрухина. Кулик – с женой в частном доме.

Можно было вместе отправиться сначала к одному, потом уже к другому, но Буров не хотел медлить, поэтому сам собрался к Саньке Чернову, а помощника отправил к Кулику, только дал последние напутствия.

– Что бы там ни было – жди меня на месте, понял? И звони сразу. Тормозить будешь – сам прибью!

Снегопад усилился, белая пелена накрывала поселок, но ему это даже шло. Не видно стало грязи и мрачных построек, хотя Буров вдруг поймал себя на мысли, что эта самая пелена может скрывать за собой и что-то еще – недоброе. То, что унесло сразу двоих, оставив за собой погром и ведра крови.

К необъяснимому старлей относился примерно так же, как и ко всему остальному, – нейтрально. Может, и бывает что странное на этом свете, а может и нет. Пока не столкнешься лично – не узнаешь. С богом то же самое. Буров читал, что таких, как он, сейчас называют агностиками, но сам считал себя реалистом. Зачем выдумывать?

Однако о событиях, происходящих в последние два дня, он вообще не знал, что и думать и с какого конца к ним подойти. С одной стороны, старлей своими глазами видел следы бойни у Петрухина и Рылова. С другой – не понимал, как такое возможно.

Где-то рядом завывали собаки, залаяли, заставляя нервно озираться и ускорять шаг.

Когда трехэтажка Чернова вынырнула перед ним из снежной завесы и темноты, старлей вновь почувствовал холодок внутри. Что его там ждет? И что он может сделать, чтобы утром не найти еще одну или две разгромленные квартиры?

У Чернова горел свет. Буров выдохнул – хороший знак. Хотя с чего он вообще взял, что Саньке тоже что-то угрожает?

Чернов открыл дверь не сразу. Весь помятый, перегаром несет, борода до груди уже. Мутные серые глаза без интереса вперились в участкового, сам рукой за косяк держится, чтобы не рухнуть на пол прямо на пороге.

– Надо че? – выдавил хрипло.

Буров не стал церемониться – втокнул Чернова внутрь, закрыл за собой дверь. В комнате было не продохнуть от сигаретного дыма, окна закрыты, духота. На столике у телевизора стоял початый пузырь, нехитрая закуска.

– Поговорить надо. Ваньку Петрухина и Славу Рылова хорошо знаешь?

Чернов тяжело плюхнулся на диван с жжеными сигаретными ранами на шкуре. До красноты растер лицо ладонями.

– Ну знаю, и че?

– Ниче. Давно видел?

– Не помню. Дней пять не видал, – прохрипел Санька и вдруг выдал со злобой: – Да че тебе надо-то?!

Буров глубоко вздохнул. Так, спокойно, надо собраться.

– Люди говорят, ты с ними постоянно ошиваешься. Еще с Женькой Куликом. Чем занимаетесь?

– Да ничем! Отдыхаем, гуляем, чего пристал!

Чернов распалялся все больше – глаза у него покраснели, смотрел он зло и с наездом. Буров понял, что добиться от него чего-то внятного будет сложновато.

Так и вышло – расспросы ни к чему не привели. Санька отчего-то нервничал, злился и дышал перегаром. Минут через двадцать старлей плюнул на это дело и пошел к двери, бросив напоследок:

– Если врешь – лично в Мурманск в обезьянник отвезу. Времени не пожалею.

От духоты и запахов Бурову поплохело. Вылетев на улицу, он долго не мог надышаться стылым, но чистым воздухом. В кармане зажужжал телефон.

– Я у Кулика, Матвей Иванович! – заорал в трубку бодрый Федотов. – Живой-здоровый черт. Но темнит чего-то, я чую. Идите-ка вы сюда, а? Дожать его надо.

– Скоро буду, – коротко буркнул Буров и собрался было уже идти, но вдруг застыл на месте, похолодев от неожиданно накатившей тревоги.

Что-то было не так. Прямо здесь и сейчас.

От догадки у старлей тугим кольцом сжало горло. Запах. Слабый, но отчетливый. Тот самый запах. Смесь какой-то псины, сырости и вроде бы травы. Затхлости, старости. Все сразу намешано, но с другим точно не перепутать. Ведь не было же его, когда к дому подходил? Или был?

Не успел Буров развернуться и шагнуть обратно к подъезду, как по ушам сиреной ударил кошмарный вопль.

Вытаскивая на ходу ПМ, старлей спуртом ломанулся в полумрак подъезда. Из квартир уже начали показываться головы напуганных жильцов, но участковый видел перед собой одну цель, что маячила большим прямоугольным пятном впереди – дверь комнаты Саньки Чернова, который истошно орал у себя и не замолкал ни на секунду.

Забег до квартиры показался Бурову вечностью. Старлей забарабанил кулаком по дереву, толкнул несколько раз плечом, но эта дверь оказалась покрепче петрухинской.

– Что встал, давай быстро сюда! – заорал он на рослого заспанного мужичка, который как раз появился из соседней квартиры. – Вместе давай! И-и-и, раз!

Мужичок, на удачу, сообразил быстро – по команде вместе со старлеем впечатался плечом в полотно. Дерево хрустнуло, и оба влетели в квартиру, чуть не сбив друг друга с ног.

– Стой тут! – рывкнул Буров мужику, а сам ловко снял пистолет с предохранителя и бросился в комнату.

Старый прожженный диван превратился в бесформенную древесную массу с обрывками ткани. Стол разломан в щепки, водка из разбитой бутылки на полу постепенно смешивается со свежей кровью. В нос шибанул тот самый противный запах.

Но не это вогнало Бурова в ступор. Он остолбенел, открыв рот, вглядываясь в то, что никогда в жизни не рассчитывал увидеть. Хотелось сжаться, упасть на пол и тихо скулить.

Чернов обнаружился в комнате около окна. С багровым месивом вместо лица, он был настолько залит красным, что походил скорее на освежеванную тушу, чем на человека. Почти оторванная правая нога болталась на каких-то ошметках мышц и ткани около паха.

Но Чернов все еще жил. Из того, что раньше было ртом, а теперь напоминало красный кривой разрез на черепе, тихонько вырывался стон.

Странно, но окончательно добило Бурова другое. Чернов не валялся на полу и даже не стоял, хотя и это было бы невозможно. Он левитировал в полуметре от пола: руки безвольно повисли вдоль тела, голова запрокинута назад, кровь ручейками стекает на грязные доски пола.

Санькина нога конвульсивно дернулась, словно он пытался шагнуть прямо в воздухе.

Буров не знал, сколько бы еще так простоял, если бы Чернов вдруг не задвигался. Он дернулся всем телом назад, голова свалилась на грудь. В тот же миг со старлея словно спало оцепенение, да так резко, что он чуть не выронил пистолет.

Только сейчас он разглядел, что Чернов в комнате был не один. Черный, полупрозрачный силуэт возвышался до самого потолка, как бы нависая над телом Саньки. В этой непонятной массе смутно угадывалась большая голова с неровными наростами.

Не понимая, что делает, Буров молча прицелился и отправил в силуэт три пули – одну за другой. В ушах зазвенело от выстрелов.

Тело Чернова резко полетело назад – окно разлетелось, разбрасывая осколки стекла и брызги крови.

В лицо ударил поток холода. Все стихло. В разгромленной комнате, помимо старлея, теперь не было никого.

* * *

– Быстро хватай Кулика и тащи в дежурку. Вместе с женой! Да мне насрать, что он подумает! Давай, Федотов, шевелись. И ждите меня.

Буров галопом мчался к дежурке, поскальзываясь на заледеневшей дорожке. Он запихал в карман телефон, хоть и не с первого раза – пальцы дрожали и плохо слушались.

– Такого не бывает. Херня какая-то.

Он не думал, что когда-нибудь увидит в Старо-Рыбацком окровавленный труп. Что будет разбираться с убийством – тут слишком мало народу, все друг друга знают. Но вот их уже три, этих трупа. Точнее – ни одного, потому что непонятно, где они сейчас, но они точно есть. А еще где-то есть тварь, которая все это учинила.

Старлей до сих пор не мог точно понять, что же он видел. Громадный силуэт, аморфный какой-то. Темный. Что это вообще? Неизвестная науке тварь или морок? Голограмма? Нет, голограмма такого не натворит.

Когда Буров с диким взглядом выбежал из квартиры Чернова, то перепугал весь подъезд. Поймал знакомого мужичка, наказал ему сторожить дверь и никого внутрь не пускать. Пострадал немного, хотя мужичок и так от него шарахался. Уже на улице Буров понял почему – когда достал телефон. В отражении на темном экране он смутно узнал свое ошалевшее лицо, забрызганное черновской кровью.

Старлей чуть не вывернуло. Он наскоро растер кожу снегом, с отвращением выкинул покрасневшие снежные комки. Пока бежал к дежурке – несколько раз оглядывался, словно ожидал, что эта тварь нагонит его и нападет сзади. Хотя, наверное, и правда ожидал.

Добираться до дежурки ему было куда дальше, чем Федотову от дома Кулика, поэтому он смутно надеялся, что увидит свет в конторе, когда наконец-то туда дотопают. Но понял, что

ошибся, заметив темные окна. С замершим сердцем достал телефон и набрал Федотова – еле получилось, пальцы просто не попадали по кнопкам.

Томительные гудки, и наконец в трубке раздался звонкий голос помощника.

– Да здесь мы уже, Матвей Иванович, вон я вам рукой машу.

И правда – три фигуры вынырнули из-за угла дома. Участковый выдохнул.

Тощий и длинный Женька Кулик понуро плелся за Федотовым, а рядом семенила его полненькая жена Светка.

– Так, быстро все внутрь! – замахал руками Буров. – Шевелитесь!

Федотов перешагнул через порог первым, потянулся к выключателю.

– Обожди! – Старлей схватил помощника за рукав и добавил чуть тише: – Пока без света обойдемся, понял?

Санька кивнул, но как-то неуверенно. В его глазах даже в полутьме хорошо читалось непонимание.

«Я тоже ничего не понимаю, Саня. Я тоже».

Кулика с женой усадили на лавку у стены, сам Буров схватил ближайший стул и поставил перед напуганными поселъчанами.

Тянуть не стал – сразу выложил все, что думал.

– Значит так, Жень. Времени у нас нет. Вчера пропал Ваня Петрухин, прямо из квартиры. Сегодня Слава Рылов. Но ты и так в курсе, правильно говорю?

Кулик сглотнул и мелко кивнул.

– Хорошо, – продолжил старлей, устало плюхнувшись на стул. – Так что спрашиваю сразу: ты чего-то знаешь? Вижу, что знаешь. Давай не будем тянуть кота за это самое и ты просто все расскажешь. Вперед.

Женька нервно взглянул на жену, на Федотова. В глаза Бурову он глядеть, похоже, опасался. Но все же выдавил:

– Не знаю я ничего.

Буров потер веки пальцами, придвинул стул поближе к Кулику.

– Короче, я только что от Чернова. Спрашивал его о том же, о чем и тебя. И знаешь что? Он больше ничего уже не расскажет. Никогда. – Старлей заметил, как от этих слов Женьку перекосило. – Понял меня? Ну и как? Тоже будешь ждать, когда от тебя одни ошметки на полу останутся? Ну?

В дежурке повисла тишина. Буров видел, что Кулик борется с собой. Он точно что-то знает. Старлей ткнул наугад, это понятно, но похоже, что не промахнулся.

– Да хер с ним. – Женька зло лупанул кулаком об колено. На Бурова он старался не смотреть. – Знаю я. Только ты не поверишь.

– Я сейчас в черта лысого поверю! Не тани уже!

– Ну... В общем, это с неделю назад было. Заработать мы хотели. Знаешь, на западе там, к норвегам ближе, от немцев всякие бункеры остались? В Великую Отечественную еще понастроили. Короче, мы оттуда металл тащили. Это третья ходка была.

– Так, погоди, – вмешался Буров. – Какой металл к едрене фене? Там туристов тьма каждый год, все уж облазили сто раз и стырили давно. Что вы там тащили?

– А вот то! Там одно место затопленное было. Ну и... Да не знаю, вода отошла или еще че, короче, Ванек заметил. Вскрыли дверь, полдня пилили. А там нетронуту все – трубы, провода. Вот и тащили. А потом...

Кулик остановился и закашлялся. Федотов протянул ему кружку с водой. Напившись, Женька продолжил:

– А потом еще кое-че нашли. Саня Чернов нашел. Но я брать не хотел! Говорю: пацаны, ну на кой? Че это за фигня?

– Что нашли-то? – не выдержал Буров.

– Да не знаю я! Тварь какую-то. Мелкую. Типа мумии. В тряпки завернута, с младенца размером. Рожа страшная, рога торчат. Но не разваливается, крепкая. В ящике лежала. Ну Санька и говорит: надо брать, у меня знакомый в Мурманске есть, ученым продадим. Вот. Дорого такое стоит, говорит. Я брать не хотел! Да кто ж меня слушает? Саня вытащил из ящика эту хрень и... Ну, плохо нам стало. Чую, прям так плохо, что хоть падай. Ванька по стенке сполз, Слава блеванул там вообще. И вот слышу будто голос в голове: не бери, плохо будет.

– Но вы взяли.

– Да не хотел я! А Саня да, все равно потащил. Вышли на воздух – отпустило вроде. Так и принесли в поселок. А вчера Ванька звонит, несет фигню какую-то. Что она скоро придет, он знает. Че знает? Я говорю: проспись, дурила! А утром уж услышал все...

Буров почувствовал, что перед глазами поплыло. Только сейчас он понял, как устал за этот день. Выгорел.

– Где она? Эта штука?

Женька тяжело вздохнул. Светка молча глядела на него пустым взглядом.

– В гараже у Сани. Домой ее никто брать не захотел.

– Где гараж? Ключи есть?

– У Сани ключи. Были... А гараж за ДК, пятнадцатый номер. Синий и мелкий такой. Могу показать.

– Какое показать, тут сиди! – Буров обернулся к Федотову: – Не выпускай их пока, свет не включай. И так все видно. Ждите, я скоро.

* * *

Дом культуры встретил его как обычно – неприветливо, хмуро, будто с укоризной глядя темными проемами глаз-окон. Но сейчас даже он казался Бурову не таким уж неприятным – да, все еще страшный, но свой. Привычный и понятный.

Пятнадцатый гараж нашелся быстро. На двери – старый навесной замок, который старлей без особого напряжения снес фомкой, прихваченной из дежурки. Внутри пахло пылью, землей и прелой бумагой. Полки были завалены старыми ненужными книгами, тряпками, банками не пойми с чем внутри.

А на полу у дальней стенки стоял деревянный ящик, прикрытый дерюгой. Даже от входа Буров ощутил едва уловимый, но знакомый запах, от которого сжалось сердце. Да, это оно.

Старлей не сразу решился сбросить ткань с ящика. Думалось, что как только он ее коснется, то нечто из ящика крепко схватит его за руку, вопьется острыми уродливыми когтями в плоть.

Буров замотал головой, прогоняя морок. Собравшись с духом, стянул пыльную дерюгу и посветил фонариком в ящик.

Кулик не врал. Эта штука и правда страшная – запавшие пустые глазницы на овальном черепе, обтянутом сухой коричневатой-желтой кожей. Вместо носа – две узкие прорези, рот широкий, буквально до ушей. А самих ушей нет, форма головы напоминает человеческую. Из черепа вверху торчат обломанные рога, не такие, которые рисуют у демонов или бесов в книжках. Скорее олени, что ли. Ветвистые и запутанные.

Остальное тельце скрыто пленкой. Только маленькие лапки торчат – скрюченные и, да, с когтями.

Первой мыслью было взять эту штуку с собой. Но участковый быстро одумался – зачем ее тащить куда-то, что это даст? Кроме него, Кулика с женой да Федотова о ней никто больше не знает. Лучше ее вообще не трогать. Но что тогда делать?

«Сжечь, да и все».

Это мысль, но отчего-то Бурову она не понравилась. Он и сам не понимал, что его остановило. Внутри все вопило – сжечь, хоть вместе с гаражом, поскорее! Но если не поможет? Что тогда? Обратно ее уже не вернуть.

Надо с кем-то посоветоваться. Но с кем? Не с Федотовым же. Кулик тоже ничего больше не знает. Хотя... Какие еще варианты?

Буров достал телефон, сфотографировал уродца. Кому бы показать?

Так ничего и не решив, старлей сунул телефон в карман, захлопнул дверь гаража и отправился обратно. Сил думать уже не было, к тому же его до сих пор донимала простуда, а однажды он поймал себя на мысли, что все ужасы последних дней – это просто глюки от температуры. Ну какие силуэты, уродцы-мумии? Откуда это здесь? Тут люди-то жить не хотят!

Если позвонить в город и все рассказать, его там просто сочтут сумасшедшим. Или бухим. Так что не вариант. Может, плюнуть на все? Пусть с Женькой Куликом будет то, что будет. А все дела потом достанутся людям из Большого города. Он сделал все, что мог.

С такими невеселыми мыслями Буров и вернулся в дежурку. Мрачный Кулик при его появлении оживился, вскочил с лавки.

– Ну, видел? Там оно?

– Там. Садись, сегодня тут ночуете.

Рукой поманил к себе Федотова, показал ему фото уродца. Саня задумчиво почесал репу и присвистнул.

– Это что за фигня?

– Знал бы – тебе бы не показывал.

За спиной хлопнула дверь, заставив сердце Букова провалиться в пятки. Резко обернувшись, он уже схватился за пистолет и хотел крикнуть Федотову уводить Кулика с женой хоть через окно, но быстро осекся.

– Маша, ты чего это?

Жена стояла на пороге, осторожно вглядываясь в полумрак дежурки непонимающим взглядом. Облегченно выдохнула, когда услышала голос старлея.

– Чего-чего, ночь на дворе, тебя все нет, телефон не берешь. Думала, случилось уже что.

Буров чертыхнулся про себя. Он настолько погрузился во всю эту хтонь, что забыл снять телефон с беззвучного, а вибрацию не почувствовал. Стало стыдно – Маша и Лерка наверняка переволновались.

– Все нормально, дел много. Свет еще отрубили. Вон и Федотов тут. Ты иди домой, когда все закончим – сразу соберусь.

Вдвоем они вышли на улицу, где их сразу же окружили крупные снежные хлопья. Снегопад все усиливался – если так пойдет и дальше, то опять нагрянет буря, а дороги не расчистят еще с неделю.

– Как там Лерка? Спит уже?

– Спит. – Маша поежилась, поплотнее запахнула куртку. – А это у тебя что такое?

Буров сообразил, что так и сжимает в ладони телефон с фоткой уродца на экране. В темноте светящийся дисплей выделялся, как яркая луна на чистом небе.

– Да так, не обращай внимания. Местные где-то откопали.

Маша нахмурилась, присмотрелась. Охнула, прикрыв ладошкой рот.

– Луот-хозик!

– Чего? – опешил Буров.

– Ну... Да показалось, наверное, – отмахнулась жена, но увидев настойчивый взгляд старлея, все-таки добавила: – Похоже на Луот-хозик. Ее так всегда рисуют. Отец мне в детстве про нее рассказывал. Это у саамов дух такой. Вроде божества. Да неважно.

Божество? Вот только божества ему еще не хватало.

– Расскажешь? – Старлей взял Машу под локоть, посмотрел ей в глаза. – Я потом объясню. Но мне это важно.

Маша заметно растерялась. Буров понимал, как глупо сейчас выглядит, но остановиться не мог.

– Да я не знаю больше ничего. Это у общины надо спросить, я только в детстве про нее читала. А знаешь... Спроси у нашего нойды.

– Нойды? Это который вроде шамана?

– Да какой он шаман! – засмеялась Маша. От этого звука на душе у Бурова стало полегче. – Это раньше шаманами были, а сейчас... Ну вроде старейшины. Но он точно должен знать.

Старейшина, значит. А, бес с ним, что еще делать-то?

– Ладно, где он живет?

IV

Буров чувствовал себя полнейшим идиотом, когда подходил к дому нойды. Еще пару дней назад он шпынял местных алкашей и разнимал пьяные драки, а теперь посреди ночи плелся к саамскому шаману поговорить о местном духе. Но при этом он понимал, что без дела сидеть все равно не сможет. Что он там недавно думал – плюнуть на все? Нет, не в его это характере. Уж если начал, то надо доводить до конца. Даже если это выглядит полным бредом.

Внешность нойды его удивила. Он четко представлял себе такого седовласого старца с мудрыми глазами в традиционных одеждах, восседающего в центре домика с бубном в руках и в окружении связок с сушеными травами и медвежьих шкур на стенах. Ничего такого не было – шаман оказался невысоким мужичком лет сорока, с добрым и простым лицом, а жил он в совершенно обычном доме – без трав, медведей и бубна. Это даже немного разочаровало.

Похоже, что сам нойда заметил растерянность в глазах участкового, понимающе улыбнулся, но ничего не сказал. Он легко согласился поговорить, хотя время к этому явно не располагало. Яков (или по-саамски – Ёак, как представился шаман) провел Бурова в небольшую комнатку с книжными полками и письменным столом в углу, усадил у обогревателя.

– Простите, что так поздно, но время не терпит. Вот, посмотрите, – Буров протянул нойде телефон с фотографией уродца на экране.

Шаман взгляделся в фото, медленно кивнул, узнавая.

– Да, похоже на Луот-хозик. У меня есть ее изображения. Хотите, покажу?

Яков порылся на книжной полке, достал невзрачный томик. Полистал немного, нашел нужное место, ткнул в него пальцем.

– Вот.

Со страницы на Бурова смотрела увеличенная копия мумии-уродца. Точно такая же голова, черты один в один. Лапы похожие, только мощнее, и когти больше. А еще... Ее фигура здорово напоминала силуэт, который старлей видел в квартире Чернова.

«Неужели это все реально? Какие духи, какие боги, елки-палки».

– Кто она? Ваша богиня?

Нойда улыбнулся, бросил книжку на стол.

– Нет. Это дух. Саамы верят, что они живут на земле вместе с нами: в воде и почве, в воздухе и в лесу. Много их, и у всех своя роль. Есть и боги: Пейве-солнце, Торден-громовержец, Сторюнкар – повелитель всего живого. Но Луот-хозик – дух. Ее зовут Оленьей хозяйкой. Олени всегда были очень важны для саамов, без них мы бы не жили, а потому и Луот-хозик почитали пуще всех других.

Буров потер пальцами виски. Оленья хозяйка... Это она устроила кровавую бойню? Дух оленеводства?

– Вижу, что не просто так вы пришли ко мне, – продолжил Яков тихим голосом. – Чую, что беда случилась, и она тому причина.

Старлей не знал, что на это ответить. Сил хватило лишь на согласный кивок.

– Да... Я так и думал. – Нойда задумчиво подпер подбородок ладонью. – Это сейчас у вас?

Яков указал на фото. Буров опять кивнул.

– Понятно. Луот-хозик – не злой дух. Но духи и вовсе не бывают целиком злыми или добрыми. Они живут так, как удобно им. Просто иногда мы для них тоже полезны. Луот-хозик присматривала за стадами, пока ей приносили жертвы и другие дары. Но те времена давно прошли.

– Что мне с этим делать? Сжечь? Выкинуть? Ей отдать?

– Это ее разозлит. Отдать... Пожалуй, но она озлоблена, ведь ее дитя украли. Я не позавидаю тому, кто осмелится отдать его.

Буров сам не понял, как выложил Якову все: о трех пропавших, о Кулике, о силуэте в доме Чернова. Просто не мог больше держать это в себе. И почему-то был уверен – здесь его поймут.

Яков на минуту задумался. Казалось, безумный рассказ совсем не удивил его – взгляд шамана остался ясным и спокойным.

– Понимаете, – вдруг начал он, – сейчас все не так, как раньше. Когда-то и нас было много, и духи были сильны. Их почитали, приносили им дары. Но теперь... Кто их помнит? Даже в нашей общине стали забывать, а иные и вовсе веру сменили. Вот и спят теперь духи. Ну как медведь зимой. Разбудили вы ее. Теперь и ходит она по тундре – злая и голодная, как тот же медведь-шатун. Но сил у нее мало. Иначе сразу всех четверых нашла бы.

– Так что мне-то делать? Эта тварь же тут весь поселок перебьет!

– Она злая, но не безумная. Нашла тех, кто коснулся ее плоти и крови. Кто украл дитя. Но само дитя не нашла. Оттого и... Разобралась с ними по-своему. Нужно вернуть дитя, только сделать это с умом.

Нойда опять повернулся к полке, вытащил откуда-то из заднего ряда потрепанный сложенный листок. Развернул на столе – Буров увидел давнюю, еще советских времен карту Старо-Рыбацкого.

– Смотрите, – сказал Яков и постучал пальцем по карте. – Вот тут есть сейда-камень. Это у саамов как алтарь. Туда раньше и приносили дары духам да богам. Много было таких камней в округе, да затерялись все. Только про этот и знаю. Туда вам нужно.

Буров внимательно посмотрел на точку, куда указывал шаман. На северо-востоке от поселка, пешком туда не дойдешь, тем более сейчас. На уазике можно быстро справиться, если не застрять где-нибудь по пути.

– Нужно ей показать, что ее все еще помнят и чтут. Иначе дитя получит, успокоится, но вас разорвет. А так... Она не дикий зверь. Должна понять. Да и не может она ничего без подношений – только на вере людей и живет. И еще...

Нойда вышел из комнаты, но тут же вернулся обратно, протянул Бурову брякающие мелкие косточки на веревке – жутковатое ожерелье.

– Это для нее, – пояснил Яков. – Ей кости оленей приносили или мясо. Нужно на сейда-камень положить. Сначала это, потом дитя. Понятно?

– Куда еще понятнее. Только чего она хочет? Ребенка вернуть? Он же мертвый давно.

– Не знаю. Может, не мертвый. Это же духи, а не люди – не забывайте. Или дитя оживить можно. Поговаривали, они умеют переселяться в другие тела. Даже в человеческие. То только Луот-хозик и ведомо.

Старлей закрыл глаза. Духи, переселяющиеся в другие тела... Это все не укладывалось в голове.

– Удачи вам. – Яков дружески похлопал его по плечу. – И не держите на нее зла. Это ее земля.

Когда участковый вышел из дома нойды, растерянно сжимая в кулаке костяное ожерелье, у него на душе воцарился странный покой.

«Да уж, не старейшина это, что бы Маша ни говорила. Шаман он и есть».

Возвращаясь к дежурке за машиной, старлей отстраненно подумал, что совсем забыл про время. Сколько сейчас? Утро уж, наверное, скоро. А доставать телефон лень.

Но все же пришлось – от звонка старлей чуть не споткнулся. Увидев на дисплее слово «Любимая», похолодел. Только бы чего не случилось...

– Матвей! Лерка пропала!

Буров присел в снег прямо на дороге. От биения сердца зашумело в ушах.

– Как – пропала?

– Так! Я от холода проснулась, смотрю – у нее окно настежь, а Лерки нет! Матвей, что делать? Я сейчас с ума сойду! Я все осмотрела, в доме, вокруг дома, орала до хрипа – нет ее!

– Так, спокойно, Маш, я уже бегу. – Буров заставил себя подняться и припустил по дороге, не чувствуя ног. – Следы под окнами есть? По следам ее не искала?

– Да нет там никаких следов! Я проверяла! Я ничего не понимаю, Матвей... А вдруг медведь? А?

– Да какой медведь! Из окна ее вытащил? С чего ты взяла?

– Тут шерсть какая-то у окна и зверьем воняет. Матвей, я больше не могу...

Шерсть и вонь. «Она злая, но не безумная». Значит, увидела его у Чернова и все поняла. Не важно как. И теперь хочет меняться.

– Успокойся и жди, – бросил в трубку. – Я знаю, где она. И скоро верну.

* * *

Ему не хотелось прикасаться к этой мерзости, но выбора не было. Засунув уродца под мышку (он оказался неожиданно легким), Буров выбежал из гаража, кинул сверток в машину и прыгнул за руль.

После разговора с Машей внутри у Букова не осталось ничего. Только пустота, никаких эмоций. Все сгорело, все, но это ему сейчас и было необходимо, иначе бы он так и остался сидеть в снегу, сжимая мертвой хваткой телефон и обливаясь слезами. И никому уже не помог.

Машина тряслась на дороге, скрипела старым металлом. Он старательно вглядывался во тьму перед собой, но припустившая пуще прежнего метель сильно мешала, запутывала. Старлей вел уазик почти интуитивно – все-таки он неплохо изучил местность за столько лет жизни в Старо-Рыбацком.

Мысли в полном беспорядке крутились в голове. Как эта штука вообще оказалась у немцев? Зачем она им? Изучали, что ли? А потом забросили. Или Луот-хозик их тоже покарала? Но тогда почему не нашла дитя?

Неужели она его не чувствует? Ведь нашла тех троих. Нашла его, Букова, хотя он эту тварь не крал. Так почему? Может, она его чувствует только тогда, когда он рядом с живыми?

Когда уазик выехал из поселка, Буров свернул на восток. Здесь еще была какая-никакая дорога, но буквально с километр придется ехать по чистой тундре, занесенной снегом. Ничего, недалеко. Если припрет – пешком по сугробам ползет. Найти бы только камень. Старлей примерно понимал, где его искать, но в темноте и в метель можно в метре от него пройти и не заметить.

Машину тряхнуло, словно ее толкнули сзади. Буров глянул в зеркало и сжал руль так, что побелели костяшки пальцев.

За уазиком по дороге неслась черная масса – она четко выделялась среди белых хлопьев снега. Бесформенная тварь опять боднула машину, да так, что у старлея еле получилось не вылететь в сугробы.

Нашла, учуяла. Может, отдать ей уродца? Нет, надо к камню, если сейчас заберет, может Лерку не вернуть. И его грохнет. Хотя черт с ним, пусть грохнет, но если Лерку не вернет...

Буров вперился взглядом в лобовое стекло, стараясь не спускать глаз с дороги. От утробного воя позади спина словно покрылась ледяной коркой.

Уазик снова подбросило – заднее стекло треснуло, а участковый подлетел на сиденье и на миг растерялся. Заорал от злости:

– Да что тебе надо, тварь!

Заднее стекло целиком вдавилось внутрь, в салон хлынул стылый воздух. Краем глаза Буров увидел в зеркале, как темная масса будто отравила конечность и впиалась когтями в борт. Старлей вжал педаль газа и резко вильнул рулем из стороны в сторону, сбрасывая тварь.

Дорога заканчивалась, пора было с нее съезжать. Машина влетела в свежий снег, разбрасывая белые комья. К счастью, такие сугробы уазуку давались неплохо, но Буров не знал, хватит ли везения до самого камня.

Сзади опять завывли. Черная масса теперь преобразилась в человекоподобный силуэт – старлей рассмотрел руки и ноги, а еще увенчанную жуткими рогами голову. Две красные точки блестели на месте глаз.

Вернулся страх – захотелось бросить все, как есть, и забыться. Лишь бы не видеть эту тварь, которая сверлила его полным ненависти взглядом, не чувствовать этот запах, предвещающий даже не смерть, а нечто похуже.

Мощный удар в очередной раз подкинул уазик, и Буров понял, что на этот раз ничего сделать не сможет. Машина сильно накренилась вправо, пошла юзом, и наконец мир перевернулся. Все закружилось перед глазами, старлей замотало внутри салона – он сильно ударился лбом и приложился носом к рулю.

Когда все затихло, он обнаружил себя сидящим вниз головой. Рядом валялся уродец в пыльной пеленке. Старлей схватил его, с трудом открыл дверь – ее перекосило, но хотя бы не заклинило полностью. Выбравшись наружу, Буров со спокойной отстраненностью понял, что жить ему осталось недолго.

Уазик на смятой крыше валялся посреди тайги. Камень был где-то рядом, но и тварь тоже – кто и куда доберется быстрее?

Наплевать. Он не будет стоять и ждать смерти.

Кровь из раны на голове заливала глаза. Буров протер лицо снегом – это даже немного освежило. И уверенно зашагал дальше, прижимая к груди сверток с уродцем.

Он глазам своим не поверил, когда впереди, сквозь снежную крупу, увидел его. Сейда-камень. Ошибиться сложно – здоровый булыжник возвышался в голой тундре, как скала. Шаман был прав.

Переставляя ноги из последних сил, Буров кинулся к камню. Несколько раз запинаясь непонятно за что, падал в снег, поднимался, но упорно приближался к алтарю. Когда до камня оставалась жалкая пара шагов, старлей понял, что идти больше не может.

Что-то вцепилось ему в горло ледяной хваткой. Потащило вверх, отрывая ноги от земли. Дыхание перехватило, сердце пронзило стужей и страхом.

Он почти ничего не видел из-за кровавой пелены перед глазами и плохо чувствовал тело. Перед взором замаячили два красных огонька.

Она все-таки успела быстрее.

Сначала Луот-хозик напоминала тот же самый темный силуэт, но через мгновение начала медленно проявляться. Буров смутно отметил поросшее густой шерстью тело, ветвистые, но какие-то хаотичные в своей переплетенности рога. И широкую смрадную пасть.

Но самое жуткое крылось не в этом. На уродливом лице старлей рассмотрел обычные человеческие глаза, которые теперь не светились красным – и это пугало больше всего остального.

– От... пусти, – прохрипел Буров. – Забирай.

Собрав последние силы, старлей вытянул руки со свертком. Его била дрожь, он боялся уронить уродца на снег, а потому настойчиво пихал его матери.

– Бери же!

Хватка на горле исчезла. Буров грузно свалился в снег, плюхнулся на спину, все еще прижимая к себе мумию. Уродливая тварь шагнула в сторону, странно двигая длинными тощими ногами. Старлей понял, чего от него ждут.

Все тело болело, он замерз, а рана на лбу дико саднила. Из носа тоже текло – его старлей рассадил об руль. Хотелось остаться на снегу и тихо умереть.

Рука нашарила в кармане костяное ожерелье. Надо собраться. Последний шаг – и все. Надо Лерку вернуть. Надо. А там можно и помереть.

Поднявшись на ноги, он шагнул вперед, потом еще раз. Наступил на что-то жесткое, глянул вниз и отшатнулся.

У камня плечом к плечу лежали три тела. У одного мертвеца не хватало руки, другой потерял ногу. Мертвые остекленевшие глаза слепо смотрели в снег.

Вот куда ты их унесла. Сама себе в жертву притащила.

Страх вновь ушел, остались только отвращение и злоба. Буров вытянул руку, нащупал холодный камень, стараясь не касаться обезображенных трупов. Бросил на алтарь ожерелье, аккуратно пристроил сверху мелкого уродца. Готово.

С трудом развернувшись, старлей уставился на тварь. Луот-хозик не двигалась.

– А теперь верни мне дочь. Ты получила, что хотела.

Страшный удар сбил Бурова с ног. Он отлетел в сторону, прокатился по сугробам, плечо разрезало сильной болью. Перед глазами потемнело.

Он отключился, но ненадолго. Смутно слышал жуткий вой где-то рядом, завывание метели и тяжелые шаги. А потом все стихло. Луот-хозик оставила его умирать.

Мышцы не слушались, но Буров все равно попытался сесть. Левая рука повисла плетью, корка крови стягивала кожу на лице. Мельком глянув на алтарь, старлей не увидел больше мелкого уродца и тел под камнем. Все забрала Луот-хозик.

Рядом тихонько заскрипел снег. Буров и хотел бы обернуться, но уже не мог. Будь, что будет.

Снег скрипнул ближе. Чья-то теплая ладонь коснулась лица.

– Папа?

Маленькое тельце прильнуло к нему. Буров неуклюже обнял дочку рукой, зарылся носом в ее волосы.

Пахло домом. А еще чем-то животным, сыростью и травой.

Дмитрий Лопухов. Черная аркада

Саша опаздывала. Она пробежала между стендов с приставками, на секунду задержалась у стойки со старыми журналами – увидела обложку «Страны игр», в которой когда-то напечатали ее первую статью, – и наконец попала в лекторий.

На разбросанных по комнате бинбэгах и ковриках сидели люди – все юные, моложе Саши. В глазах рябило от разноцветных костюмов и футболок. Стоял свойственный переполненному помещению со скверной вентиляцией запах – китайская синтетика, пот, дезодоранты, пыль.

По Саше скользнуло несколько взглядов – удивленных, озадаченных, неприязненных. Ей было не привыкать: среди обычных посетителей игровых выставок и фестивалей она заметно выделялась. Высокая – настолько, что в школьные годы ее всегда ставили на уроках физкультуры первой в ряду одноклассников. С копной рыжих волос. За рост и прическу ее долго дразнили одуванчиком и микрофоном. Хворосту в огонь добавляла и патологическая худоба. В детстве Саша налегала на выпечку в тщетной надежде поправиться, но, казалось, несметные калории шли не в объемы, а опять в проклятый рост.

Она была некрасивая, с длинным носом, тяжелой челюстью, тонкими губами, монгольским разрезом глаз. У Саши отпечталось в памяти, как громогласная соседка сказала маме: «Лицо – суть говнецо, воду с него не лакать, главное, чтоб сиськи проросли». Но и с надеждами на бюст тоже пришлось распрощаться – вопреки пророчествам книг для девочек-подростков, ее груди так и остались пологими холмиками, не пожелав делаться могучими горами...

Лектор скучно бубнил, а Саша протискивалась сквозь нагромождения пуфиков. Наконец она плюхнулась на бинбэг рядом с растрепанным брюнетом. Торчавшие во все стороны вихры, клочковатая щетина и измятая рубашка выдавали человека, то ли не слишком уважительно отнесшегося к мероприятию, то ли развлекавшегося всю предшествующую ночь.

– Климов, – кивнула брюнету Саша.

– О, Саша, – улыбнулся он ей в ответ.

У Климова недоставало куска переднего зуба, отчего улыбка выглядела немножко глупо.

– Ого, вот это потусил.

– А? Что? А!.. Ты про зуб... Да уж, вечеринка огненная была, конечно.

– Подрался?

– Ну так.

– Не поверишь, но смотрится довольно мило, как у ребенка. Ладно-ладно, молчу. Ты давно тут? Есть интересное? Про что будешь писать?

Климов вел блог про ретрогейминг – писал о старых игровых системах, об отживших свое аркадных автоматах, допотопном железе. Саша впервые увидела его на форуме, когда он яростно спорил о процессорных разъемах и чипсетах. Слова эти казались Саше тарабарщиной: она обожала футуристические дизайны забытых консолей, тактильные ощущения от джойстиков, простодушие игр ушедшей эпохи. Саше было неуютно в трехмерных онлайн-блестерах – зато нравился компактный комфорт изометрических лесов и лаконичное изящество пиксельных улиц. Она публиковала в журналах лиричные обзоры на старые RPG и бит-эмапы, – и читатели любили ее статьи. Единственное, с чем у нее были проблемы – это с «железом»; Саша плавала в вопросах аппаратной поддержки спрайтов, путала видеоконтроллеры, косячила с битностью процессоров и формой сигналов звукогенератора, называла прецизионную отвертку претенциозной.

Волнуясь, Саша сочинила искреннее письмо Климову, и, к собственному удивлению, – Климов с форумчанами общался высокомерно и недружелюбно – получила ответ. Так и завязалось их сотрудничество, похожее, по едкой характеристике Климова, на «союз расчетливых аутистов». Климов консультировал Сашу по техническим вопросам, правил матчасть статей и

настраивал эмуляторы консолей, а Саша называла Климова экспертом в области ретро-железа и постоянно ссылалась на его блог...

– Не о чем тут писать, – поморщился Климов, – одно барахло, я на свалку более ценные железяки выносил. А подписи – это, блин, капец. Лежит Matrox Millennium II, под ним бумажка: «Самый быстрый 3D-ускоритель своего времени». Тут, блин, просто бальзамируй и закапывай. Дебилы.

– Понятно, – Саша кивнула.

– И вообще, ты глянь вокруг – какие тут, блин, гики. Хипстеры насмотрелись «Теории большого взрыва», купили футболок с худи и слетелись позировать для соцсетей. Я видел, как пацан в толстовке «Атари» показывал девочке с синими волосами – вон, кстати, она сидит – Panasonic 3DO и говорил, прикинь, что это видеомагнитофон для... – Климов сделал трагическую паузу, – для игр. Видеомагнитофон, блин, для игр.

Сидевшие вокруг люди с неодобрением посматривали на Климова; парень с дредами, глядя Саше прямо в глаза, укоризненно покачал головой. Саша почувствовала себя виноватой.

– Во-первых, ты не можешь знать точно. Возможно, тут полно таких, кто отлично шарит. А даже если и нет, – горячо зашептала она Климову, – что плохого, если людям нравится воображать себя гиками? Я в детстве тоже много кем себя представляла...

– Принцессами? Не смейся, здесь другое. Некоторые, вообще-то, за это, ну, за свою гиковость, жестко огребали. Ты знаешь, что это такое: урок физкультуры в общеобразовательной школе, когда ты самый мелкий и хилый в классе, увлекаешься только компьютерами, а все остальные...

– Какой еще общеобразовательной школы, Климов? Ты же в лицее учился.

– Блин, ну я не совсем про себя, я... образно!

Со всех сторон зашикали, и Климову пришлось замолчать.

Лектор тем временем продолжал свой заунывный рассказ: от историй про динозавров и терапсид перешел к человеческому мозгу.

– ...Мы знаем, что шумерские клинописные знаки были, так сказать, пиктографическими, то есть изображали окружающие человека объекты. Знак «бык» буквально был головой быка – перевернутая равнобедренная трапеция с двумя рогами. А «бог» – это, так сказать, схематичный рисунок звезды...

Климов затих и прислушался, и у Саши появилась возможность оглядеться. Тут оказалось много девушек с разноцветными волосами и пирсингом – миленьких, вовсе не плоских дылд с копной сена на голове, – и некоторые из них нарядились в костюмы игровых персонажей; парни были в гиковских футболках, каждый третий с дредами или с маленьким пучком-гулькой на затылке. Да, большинство из них совершенно не походили на забитых ботаников, но что в этом такого уж плохого, Саша не понимала: в конце-то концов мода уже переварила и гранж, и панк, и контркультуру, так чего бы ей не переварить и это.

– ...И для клинописных знаков мозг начал использовать нейронные цепи, которые ранее нужны были для распознавания объектов. Произошли, так сказать, радикальные изменения в области зрительных ассоциаций, моментально сформировались дополнительные связи со зрительными областями в затылочных долях и языковыми в височных и фронтальных. Мозг адаптировался: из-за пиктограмм человек стал, так сказать, сверхчеловеком.

Под монотонный голос лектора Саша едва не задремала, но вспомнила, что ей нужно будет написать обзор фестиваля. Она полезла за смартфоном, чтобы занести в заметки тезисы: «притворяются гиками», «Panasonic 3DO называли видеомагнитофоном» и «пиктограммы – сверхчеловек», но случайно открыла телефонную книгу.

«Мама» – и невидимые руки сдавили грудь, стало тяжело дышать. Саша не смогла заставить себя удалить номер из памяти сим-карты, и теперь он, словно безмолвный призрак, перебирался из каждого ее старого телефона в новый.

Мама в одиночку растила дочь в тяжелые девяностые, пахала на трех работах и была самой лучшей и единственной подругой. Несчетное число раз Саша рыдала ей в плечо: «Я длинная, мама, я плоская, я „одуванчик“, мама, урод с шапкой дурацких волос, зачем я вообще?» А мама обнимала, утешала, тащила в кафе и в кинотеатр. Одноклассники не звали Сашу на дни рождения и никогда не приходили к ней – хотя Саша и пыталась раздавать приглашения и даже, поборов ужас, звонить – но мама всегда устраивала такие праздники, что Саша на целый день забывала, что она одинокий «микрофон» и плоская «доска». Как-то под самый Новый год мама принесла пахнущую морозом и чудесами коробку с «Денди» – и они так заигрались, что прошляпили и Ельцина, и бой курантов, и праздничный концерт.

Мама умерла, когда Саше только-только исполнилось восемнадцать: оторвался тромб. Они шли по улице, и мама вдруг остановилась, словно вспомнила о чем-то неотложно важном, а потом осела в затянутую корочкой льда лужу. В памяти застыли грязное пятно на бежевом мамином пальто, серые брызги на машине скорой и всеохватывающее чувство беспомощности. Сбылся самый большой Сашин кошмар – она осталась одна.

– ...чтобы работать с условными объектами из игр, точно так же начали по-новому использоваться старые связи и нейронные цепи. То есть геймер по сравнению с обывателем – это тоже, так сказать, сверхчеловек. И с этим я вас всех с удовольствием и поздравляю!

Климов пихнул Сашу локтем и обвел рукой зал:

– Не, ну ты только погляди, блин, на этих сверхлюдей!

Лекция закончилась.

* * *

Они сидели в фуд-зоне фестиваля. Саша придумывала, о чем же ей все-таки написать. Типовую статью про выставку, костюмы, атмосферу сочинять перехотелось. В воображении вдруг родилась задумка сделать материал, который мог бы понравиться маме и маленькой Саше. Такой, словно из детства, когда они вдвоем листали, хохоча и вырывая друг у друга из рук, свежий номер «Великого Дракона».

Мимо прошли двое парней, один орал и размахивал руками:

– И это, прикинь, мой шланг... Нет, шлангище! Не! Шлангенциркуль!

– Сверхчеловек, – с пониманием кивнул Климов.

– Слушай, ну не все же они такие, – раздраженно ответила Саша.

– Да знаю, – неожиданно смиренно сказал Климов. – Это я так, бухчу просто. Чего такая кислая-то? Статью обдумываешь?

– Ох... – Саша не знала, как рассказать все то, что у нее сейчас вертелось в голове. – Да, статью... Я, знаешь, хочу написать как-то по-другому. Чтобы не просто, ну, то-се, выставка, приставки, лекции, люди с гуйками, косплей, а как-то... Мне, что ли, знак какой-то нужен, озарение...

Климов внимательно слушал, а Саша не могла подобрать правильные слова.

Кто-то деликатно кашлянул за их спинами.

– Вы простите, что я невольно подслушал... – Это был лектор, зануда в мятом, подбранном не по размеру пиджаке, нелепых очках и с порошей перхоти на плечах. Выглядел он лет на шестьдесят – довольно необычный возраст для таких мероприятий. – Вы, так сказать, журналисты и ищите тему для статьи, верно?

Климов закатил глаза, но Саша, наоборот, вся обратилась в слух: вдруг это как раз тот самый знак?

– Напишите про страшные игровые легенды. Столько там мифов. Мозг человека уникальный, везде ищет жуткое для удовольствия – так уж натренировались нейронные цепи, да. Вот, так сказать, и все. Простите. – Лектор несколько раз нервно кивнул головой, почесал

висок – перхоти на плече сразу же прибавилось, – потом неловко приподнял и опустил руку, прощаясь, и пошел к выходу.

– Это что такое было? – восхитился Климов. – Во фрик-шоу!

– Ты же сам хотел настоящих гиков, – парировала Саша. – Вначале говоришь, что вокруг одни позеры, а потом видишь человека с... коммуникативными проблемами, и все, сразу фрик. Я, знаешь ли, тоже разговаривать с людьми нормально не умела, и перхоть у меня бывает.

– Да ладно, чего ты, – Климов успокаивающе поднял ладони, – я же больше так, ну, просто брюзжу...

– И идея хорошая, – продолжала Саша, – я видела какие-то заметки про страшные компьютерные легенды на форумах и в «Даркере», но большой материал в журнале – точно нет. Знаешь, я хочу сделать такую статью – с расследованием, поисками, фотографиями, чтоб прямо дух захватывало. – Идея из тлеющего в сознании Саши уголька обращалась в бушующий пожар. – Чтобы какая-нибудь девочка вместе с мамой ее читала, кутаясь в плед, и от страха и удовольствия прям дрожала. Чтобы...

– Как в детстве, – догадался Климов.

– Да, – воинственно кивнула Саша, и копна волос всколыхнулась, как пламя на ветру.

– Слушай, те статьи так мощно пробирали именно потому, что мы были маленькими. Стояли, как бы это сказать, времена, прости за пафос, цифровой невинности, никакого еще тиктока, ютуба, мемов...

– Напишем в соавторстве? – Саша не слушала Климова, в ее голове уже начинали формироваться наброски для будущей статьи. – Я про игры, а ты – про железо, всякую чертовщину с процессорами и джойстиком. Нам ведь давно уже надо было что-то сделать вместе, а то все эти ссылки, консультации... Пора!

Климов сглотнул – Саше показалось, что тому стало тяжело дышать, – а потом отчаянно и быстро, словно боялся упустить момент, закивал.

* * *

– Большинство историй очень так себе, – расстроено говорила Саша, – слушай, я даже и не знаю, почему эта идея показалась мне хорошей.

Уже несколько дней они с Климовым рылись в Интернете и опрашивали людей в соцсетях, но ничего отличающегося от набора классических страшилок не накопили.

– А как ты хотела? Чтобы мы, не знаю, как Малдер и Скалли надели огромные пальто и отправились в забытое богом село ловить деда, который припаял к корове джойстик и побил мировой рекорд в «Пэкмене»?

Саша пожала плечами. Она попыталась восстановить в памяти ощущение, будто залезла с ногами на диван, а рядом мама читает ей вслух статью из журнала, но... ничего не получилось.

– А вообще же можно не искать, а просто придумать, – предложил Климов. – Вот смотри. В восьмидесятых «Нинтендо» планировала сделать сеть электронных лотерей для своей приставки NES, но там мутноватая ситуация была, им запретили – дети и азартные игры, всякое такое. А могла бы получиться штука, сильно обогнавшая свое время. Что, если написать, будто какой-то концерн, корпорация, неважно, выкупили эти разработки, довели до ума и сделали многопользовательскую игру, для которой вообще не нужно было бы подключение к телефонной линии.

– И?

– Да погоди, я думаю! Пусть бы они выпустили ее на черном картридже без наклейки, и каждая приставка, на которой игру запускали, становилась частью демонической схемы. Похищения, странные жертвоприношения, а потом все, как всегда, замаяли и забыли. И вот, типа, к нам в руки попал один такой картридж...

– Крипипаста какая-то. – Саша поморщилась. – И вообще – сочинять в журналистике неэтично.

– И что? Люди такое любят. Нафотошопили бы скриншотов: пентаграммы всякие, пиксельные фото, пропавшие дети. Ты бы написала, как во время игры раздался звонок телефона, и ты не сразу сообразила, что городской номер отключен уже пять лет...

– Издеваешься?

– Есть немного.

– Ладно, я поняла. Действительно, пора завязывать. Вон, ты из-за этой чуши не можешь свой тусовочный зуб починить. Отбой.

– А?.. Тусовочный зуб? Ах да. Слушай, может, что-то еще подвернется. Здорово же работаем. Давай еще пороем, а если ничего, то дальше, ну, как сама уже решишь. Я, если что, всегда могу выдумать пару историй про дьявольский шестисотшестидесятишестиразрядный – еле, блин, выговорил – процессор или про школьника, который обнаружил новую таинственную расу в третьих «Героях», из-за глюка перенесся бы в игру, возликовал, а потом...

– ...Стал самым слабым юнитом в этой расе и бессмысленно помер, убитый крестьянином?

– Смотри-ка, у тебя и самой отлично получается.

– Ага. Высокие журналистские стандарты.

И они засмеялись.

* * *

...Это был уже пятый раз, когда Саше и Климову рассказывали про сатанинский аркадный автомат. Впервые это случилось на очередном конвенте. Парень с дредами и в футболке с «Теорией большого взрыва» («Блин, Саш, это же просто комбо!» – восхищался Климов) уточнил, не они ли собирают жуткие игровые байки.

– Мы, мы... – усмехнулся Климов.

Однако оказалось, что такой истории они с Сашей еще не слышали.

Когда-то давным-давно некие партийные чины этого города заинтересовались оккультизмом. И им потребовалось умертвить шестьсот шестьдесят шесть детей («Куда ж без этого», – кивал Климов). И жертвы должны были пойти на этот шаг добровольно. Инженер собрал аркадный автомат – абсолютно черный, с черными кнопками («И черными проводами и платами», – кивнул Климов, а Саша строго на него зыркнула). Автомат запускался, на экране загоралась надпись: «Готов пожертвовать собой во имя человечества?» И советские подростки, воспитанные на героических историях и мечтах о подвигах, конечно, нажимали «Да». Начиналась игра, очень сложная, увлекательная. Но победить в ней было невозможно и бросить играть тоже. А проигравшего убивало ударом пропущенного через панель управления тока. Партийцы загубили шестьсот шестьдесят пять подростков. А потом в ДК случился пожар, заговорщики погибли, автомат пропал.

– История шикарная, – восторженно говорила Саша, – в ней есть все, что нужно для страшилки. И сатанисты, и заговор, и злые чиновники – воплощение недоверия к властям, и исчезающие дети, и загадка – пропажа автомата.

– Моя любимая вариация, – отвечал Климов, – когда от лица свидетеля. Помнишь: «Мы с другом приехали во Дворец культуры, друг сыграл, его убило, на экране загорелось шестьсот шестьдесят пять, и я задумался...» Серьезно, он задумался! Странно, кстати, что я в детстве не слышал такую страшилку. Явно новодел.

– Я тоже не слышала. И в Интернете не нашла. Наверное, это какое-то локальное творчество. Тем интереснее! Твой тусовочный зуб еще потерпит? Работаем?

– Тусовоч... А, да, конечно, потерпит.

– Ну и отлично, вообще я уже привыкла к тому, как ты шепелявишь и по-дурачки выглядишь. Это правда довольно мило.

В дверь отчаянно колотили. Сашу выбросило из мутного сна – снились пожирающие людей аркады и сочащиеся кровью приставки, – и она ошарашенно села на кровати. Потом, как была, растрепанная, с голой грудью и в пижамных штанах бросилась в коридор. «Затопила! Соседей затопила!» – трепыхалась пугливая мысль.

За дверью стоял Климов:

– Ты чего не отвечаешь, трубку не берешь? – заорал он. – Надевайте свое оверсайз-пальто, агент Александра, выезжаем расследова... Ой, блин!

Климов, казалось, сперва и не понял, что Саша стоит перед ним полуголая, потом до него дошло, и он зажмурился.

– Не смотрю!

– Климов! – заорала Саша. – Я подумала, что пожар, теракт какой-нибудь или еще хуже – соседей затопила. Там такой лютый дед живет. Ты не мог позвонить? – негодовала она, натягивая майку.

– Да я звонил, писал еще, блин, со вчерашнего вечера, – оправдывался Климов.

– Елки, да, – Саша взяла мобильник, – на беззвучном, а я что-то затупила. Ладно, рассказывай, чего там за расследование?

Оказалось, что Климов еще вчера опубликовал в блоге просьбу помочь с легендой про черный автомат. И помимо кучи шуток неожиданно получил адрес. Отправитель утверждал, что именно там, в ветхой брежневке, хранится сатанинская аркада. Хозяин – создавший автомат инженер – будет рад ее показать. Идти надо завтра – то есть уже сегодня – утром.

– Ого. И ты поверил? – Саша металась по квартире, чистила зубы, пыталась привести в порядок копну волос и на ходу мастерила бутерброд.

– Нет, конечно. – Климов засмеялся. – Но какое же это, блин, охренительное продолжение истории: послание от незнакомца, загадочный адрес. Идти надо обязательно.

– А вдруг там расчленитель какой-нибудь? – Саша уже обувалась.

– В обычной халупе на Ломоносова? В этом доме «Пятерочка» и детский сад, старушки небось на лавочках сидят, откуда там расчленитель.

Старушки у подъезда не сидели, но где-то неподалеку шумели и галдели дети. На козырьке над входом росла трава. Одно из окон почему-то было заложено кирпичами. «Наверное, сдали под склад», – подумала Саша.

На этаже оказалось чисто, хотя и пахло кошками и вареным луком. Дверь открыл молодой мужчина – Саша его сперва не узнала, но, когда тот отступил в глубину коридора и попал под свет лампочки, вспомнила. Это был неопрятный лектор с фестиваля – тот, что рассказывал про кинописные знаки и посоветовал тему статьи.

Вид с порога открывался удручающий: пожелтевшие двери с обломанными пластиковыми ручками, покосившийся шкаф, рваный палас. Стены со вспучившимися обоями были облеплены фотографиями улыбающегося мальчика.

Саша почувствовала себя неловко: они приперлись с какими-то глупостями к человеку, которому явно нелегко живется. Приключение перестало казаться веселым; картинка с женщиной, читающей вслух дочери статью, поблекла.

– Меня, так сказать, зовут Петром. А вы, дайте угадаю, из-за аркады?

– Офигеть! – Климов ошалело уставился на Петра. – Автомат существует?

Петр улыбнулся.

– Господи, нет, конечно. Это же городская легенда. Вообще, я и вправду работал инженером на радиотехническом заводе. Мощное было производство, прямо у нас собирали аркады «Морской бой» и «Звездный рыцарь»... Ох, чего это я, вы проходите, а я чай поставлю. Пол холодный, тапочки вон там стоят... А это сынок мой, сейчас бы был вашим ровесником. Уже двадцать лет как умер.

– Простите, нам так жаль... – Саша рассматривала фотографию, на которой Петр играл в приставку с сыном: нелепые свитера, смешные прически, очень друг на друга похожи. Саша вспомнила, как точно так же играла с мамой, и на грудь тотчас словно лег тяжелый камень.

Петр нацепил огромные очки с толстенными, как бутылочные донышки, стеклами – глаза его сразу сделались комично большими – присмотрелся и всплеснул руками:

– Ох, вы же журналисты с фестиваля? Простите, без очков все расплывается, не признал. Взялись все-таки за статью, да?

– Да, спасибо за идею. Мы вас обязательно упомянем. И как вдохновителя, и как, если не возражаете, одного из героев легенды...

– Да-да. Вы проходите пока, а я все-таки чаю, так сказать...

Саша разулась – Петр скользнул по ней взглядом, потом чуть пожевал губами, в глазах его на мгновение отразилось удивление, будто он не ожидал, что девушка и без каблуков останется столь же высокой. Саша улыбнулась – она к такому уже давно привыкла.

Саша и Климов двинулись прямо по коридору, прошли мимо запертой двери, ведущей, очевидно, в маленькую спальню, и попали в комнату побольше. Там они обнаружили телевизор с выпуклым кинескопом, мебельную стенку, потрепанный диван, журнальный столик в пятнах, два неудобных кресла.

– Боже, мы как будто во времени перенеслись. Я таких бабушатников уже лет десять не видел, – покачал головой Климов.

– Как ты сказал? Бабушатников?

– Ну запущенных советских квартир: горка, серванты, старинный телик... А, пардон, вот почему такой. Мужик шарит, на жэкашке-то нормально не погоняешь, – Климов указал на стоявшую возле комода приставку.

– О, Nintendo 64, – удивилась Саша. – И, вроде, в отличном состоянии. Картриджи, четыре джойстика. Интересно, зачем ему четыре?..

В комнату вошел Петр.

– Я поставил чайник, – сказал он, потом увидел, что Саша и Климов рассматривают приставку и добавил: – Приставка сына. В те годы такую достать было непросто.

– Еще бы, – Климов кивнул. – Я бы году в девяносто восьмом душу за нее продал. А это еще и лимитка. А картриджей сколько...

– Вы, ребят, не смотрите, что я сейчас такой, – начал Петр, присаживаясь на диван. – Я ведь хорошим инженером был. Хохму хотите? К нам на завод в конце восьмидесятых Аракава приезжал...

– Минору Аракава? Глава американского подразделения «Нинтендо»? Серьезно?

– Он самый. Его тогда много куда возили, какие-то, что ли, контракты подписывали. Пришел он в наш отдел, а я-то особо не знал, чего они там у себя ворочают, совсем еще зеленый, дай, думаю, похвастаюсь. И показал ему игру «Ну, погоди». Мол, мы тут тоже не лаптем компьютеры собираем. Он в руках покрутил, запустил, гуд, говорит, вери гуд. А я ж и не знал, что это, так сказать, точная копия их Game&Watch... Ох и отчебучил! Но все хорошо сложилось: я и в командировки к ним ездил, и работал в Японии, в Канаде, много где. Оттуда и привез сыну, вот, приставку...

– Чумовая история! – восхитился Климов. – А все-таки, что там с аркадой, которая током убивала? Откуда вообще эта байка взялась?

– Да городская легенда же. Ко мне часто приходят, спрашивают... А мне и приятно поговорить с молодежью. Вы, кстати, не хотите поиграть? – Петр указал на приставку. – Мы с сыном постоянно рубились, аж глаза красные, что у меня, что у него делались. Смотрим в зеркало, смеемся: ну точно два вампира.

Саша скользнула взглядом по нелепым очкам Петра, по его заштопанной жилетке и шерстяным носкам и ощутила приступ жалости. Ее мама, наверное, сейчас была бы примерно такого же возраста.

– Во что играем? – с преувеличенным воодушевлением спросила она, стараясь, чтобы не задрожал голос.

– Отлично, – похвалил Петр после того, как они сыграли десяток партий в «Бомбермена». – А то бывают, знаете, такие: я великий игрок, все на свете прошел, а на деле и джойстика в руках не держали, посмотрелись видео в Интернете. Или в современное не пойми что играют...

– О! – обрадовался Климов. – Позеры! Блин, меня от них тоже воротит.

– Я за чаем. – Петр суетливо выбежал из комнаты.

– Слушай, чумовой мужик, – признался Климов. – Вот вообще не думал, что так душевно посидим. Надо ему помочь, что ли, как-то. Написать про него. Может, будут чаще с лекциями звать, а то у него явно с деньгами неладно.

– Да, – Саша кивнула. – Как странно получилось, искали материал, а нашли человека.

Петр вернулся с подносом. Вкус чая Саше показался неприятным, но расстраивать хозяйина она не захотела. Климов тоже морщился, но пил. Потом беседовали: Петр вспоминал о работе, поездках и сыне. Было уютно, спокойно, и Саша не заметила, как внезапно отключилась.

* * *

Саша пришла в себя и первым делом ощутила холод. Она покрутила головой – рядом сидел Климов, его запястья были пристегнуты хитрой системой из ремней и карабинов к ручкам кресла, глаза закрыты. Саша дернулась пару раз и поняла, что тоже обездвижена.

Когда глаза привыкли к полумраку, она обнаружила, что находится в комнате с закопаченным оконным проемом. Вдоль стен – вытянутые коробки, соединенные паутиной проводов, а сами стены и потолок покрыты бугристым картоном. За спиной – источник приглушенного света. Жужжали кондиционеры.

– Это безэховая камера. – Саша вздрогнула от неожиданности, а потом поняла, что слышит голос Климова. – Смотри, у этого урода комната обшита лотками для яиц. Есть дебильная легенда, что это лучшая на свете звукоизоляция.

Саша невольно подумала, что все как в старых играх: солнышко, облака и клумбы, гуляет мальчик с собачонкой, открывается дверь домика – внутри темнота и бродят скелеты.

– Психопат, блин, – выругался Климов, потом попробовал крутнуться на своем кресле, и у него получилось. – Ох, е...

Саша тоже попыталась повернуться и сразу же увидела то, что так потрясло Климова. На огромном столе лежала куча соединенных между собой устройств, потрескивали маленькие вентиляторы, светился монитор. От этого нагромождения, выглядящего как распотрошенный вивисектор робот, тянулись провода к стоящим вдоль стен ящикам.

– Климов, что это? Чего он тут собрал? – Саша с трудом сглотнула слюну, во рту пересохло. Она пару раз прикусила губу, проверяя, не сон ли это.

– Не знаю, – голос Климова дрожал. – Безумие какое-то, случайный набор железа. Я вообще не понимаю, зачем и как он все соединил. Вперемешку материнские платы, контрол-

леры, сетевые карты, приставочные порты, графические ускорители, все жутко старое. Да он же просто шизофреник! Это как из нормальных букв писать абракадабру.

– Слушай, а если он возомнил себя сатанистом и пытается собрать черную аркаду?

– Да что же вы говорите такое. – Дверь на мгновение открылась, и в комнату вошел Петр, Саша заорала, но полоска света тут же исчезла и крик беспомощно утонул среди картонных клеток для яиц. – Никакой я не сатанист. Черная аркада – нелепица, я ее придумал, чтобы заманивать геймеров. Двадцать лет назад я их в компьютерных клубах отслеживал, а потом вот сочинил байку, и она уже дальше сама, так сказать, жить пошла... Я очень тоскую по сыну, простите меня, пожалуйста. Я объясню.

Петр сел за стол, начал что-то быстро набирать на клавиатуре. По монитору побежали буквы. Потом он обернулся к Саше и расстроенно сказал:

– Вы такая высокая... Плохо-то как, не уместитесь. Максимум сто семьдесят семь заходит. Я думал, это из-за каблучков, а вы и сама вон какая каланча. Простите. Зато с вами полный порядок, – Петр посмотрел на Климова.

– Да что же это такое! – простонала Саша.

– Имеете право знать, имеете, – закивал Петр, экран монитора отразился в его нелепых очках. – Не знаю, слышали ли вы, но «Нинтендо» еще в восьмидесятых пыталась создать сеть на основе приставок. Якобы для лотерей и медицинских тестов...

– Да елки-палки! – почти восхищенно выкрикнул Климов. – Я же прямо про это недавно и говорил, там вот явно что-то не так было!..

– На самом деле там использовались такие, как бы это, не очень этичные наработки из сферы биологической обратной связи... Многие из, так сказать, плодов раскупили медицинские компании. Слыхали, может, про слуховой стволомозговой имплантат? Все это появилось, когда пытались сделать контроллер на основе волн мозговой активности. А впрочем, простите, это опять во мне занудный лектор пробудился.

«Попробовать выскользнуть из ремней? У меня тонкие запястья...» – размышляла Саша. Попыталась – не вышло.

Климов, казалось, заслушался рассказом Петра.

– Вы же помните мою лекцию? Мы проверяли энцефалограммами, делали МРТ – все реально. Как когда-то мозг изменился, чтобы понимать клинопись, так и сейчас перестроился мозг геймера. Образовались дополнительные связи со зрительными областями. Вот тут, тут и тут, – Петр потыкал пальцем себе в голову. – «Нинтендо» исследования свернули и распродали патенты... А я из командировок целый мешок чипов привез.

«Кресло очень старое, что, если начать извиваться? Может, не выдержит? Надо сказать Климову. Только бы псих отошел...»

– ...И вот этому я уже не могу найти никакого объяснения. Как человек науки и техники, я просто решил закрыть глаза. Как закрывают на все чудные, так сказать, до поры до времени феномены. Этот интерфейс позволяет мне видеть сына.

– Да вы совершенно, абсолютно, бесконечно сумасшедший. Это такой же бред, как и черная аркада или черный, блин, картридж.

– Да какой же сумасшедший, вот, смотрите... – Петр подтащил кресло с Климовым к монитору и торжественно нажал на пару клавиш. Экран заполнил белый шум, сквозь который обрисовался контур чего-то похожего на искаженную голову. Изображение дрожало.

– С каждым разом все лучше, – пояснил Петр.

– Это паразитный шум, трансляция с чьей-то камеры, блин, какой бред! – Климов уже просто орал. – Еще не поздно...

– Так я докажу! – обрадовался Петр. – Смотрите. – С этими словами он достал микрофон, одновременно похожий на огромный венчик и на прическу Саши, и прошептал в него: – Коля? Коленька? Ты там?

Нечеткий контур на экране дернулся, голова словно бы кивнула, и изображение тут же пропало.

– Вы видели? Видели? Еще несколько лет, и мы сможем общаться, а там дальше, глядишь, и... Это же такое будет открытие! Я так много ему должен сказать. – Петр вдруг обессиленно опустился на стул и зарыдал. – Боже, мне так стыдно... Но как иначе? Мне так больно быть одному.

– Вы псих, сумасшедший идиот, – бормотал Климов. – Это случайный контур среди белого шума, это же просто...

– Я хочу воды, – громко сказала Саша.

– Ох, да, конечно, извините, – засуетился Петр. – Вы же после препарата, представляю, какая жажда... Я сейчас, сейчас. – С этими словами он нажал на несколько клавиш – контур исчез, открылся экран с кодом – и выбежал из комнаты, на ходу вытирая слезы.

– Саша, он точно психопат. Знаешь, на чем все это написано? – Климов смотрел на монитор. – Это, блин, «Бейсик»! Не «Вижл», обычный «Ку-бейсик» – тут миллионы строк кода. Это не может работать даже в теории. Чтобы обращаться ко всей этой гуче устройств и интерфейсов, нужен, не знаю, язык ассемблера...

– Климов, слушай внимательно, я сейчас попробую сломать кресло, а ты... – Саша не успела договорить, в комнату вернулся Петр со стаканом и каким-то сложным медицинским прибором в руках, напоминающим одновременно стетоскоп и ножницы.

– Это для невролиза, – пояснил Петр, поднося Саше ко рту стакан. – Я подключу вашего друга к системе...

– Что? – не поняла Саша. – Подключите к системе?

– Да-да, как остальных. Сейчас покажу, сразу поймете, – закивал Петр, метнулся к стене и открыл один из стоящих там ящиков.

Внутри лежал ссохшийся человечек – возможно, подросток. В тусклом свете сложно было что-то разглядеть, но казалось, что к его телу и голове через дырки в ящике идут провода и трубки.

– Он не страдает, не волнуйтесь. Он мертвый, по сути, – успокоил Сашу Петр. – Работают только несколько участков. Это знаете, как соленоиды, катушки индуктивности в белом веществе. Нервные волокна вроде сердечников, а миелиновая оболочка, так сказать, обмотка. А остальное я все выключил. Капельницами поддерживаю функ...

– Это что такое? – Саша чуть не задохнулась.

– Саша, – простонал Климов. – Этот шизоид делает интерфейс из плоти. Он подключает железо к головам этих...

– Верно! – подхватил обрадованный Петр. – Как раз к зрительным и затылочным долям. Там у геймеров и образовались нужные связи. И вот с их помощью...

Саша не могла проверить в реальность происходящего: обоссанный кошками подъезд, щебечут птицы, в соседней квартире сидит у телевизора старушка, диван затянут в целлофан – чтобы бедовые внучата не испортили, на полках коллекция куколок из соломы, а за покрытой яичными лотками стеной безумец мастерит интерфейс из плоти.

– Не понимаю... как это, что... – У Саши плыло перед глазами.

– Саша, он же проверял нас на «Бомбермене»! – Крик Климова вернул Сашу в реальность. – Вот почему он не любит позеров и тех, кто шпилит в мыльное кинцо! У них не сформировались связи – в новых играх мало условностей, все объекты как настоящие. Он таких не может подключать! А мы с тобой... Он же специально идею подкинул. И адрес этот стопудово он сам прислал. Он же, блин, как на рыбалку на фестивали ходит.

– Точно! Я и прислал, да. – Петр радовался как ребенок. – Вы понимаете. Тут только настоящие геймеры старой закалки. – Он с гордостью обвел рукой ящики. – Некоторые уже почти двадцать лет работают.

Потом он повернулся и шагнул к креслу.

– Будет больно, – извиняющимся голосом сказал он и принялся расстегивать Климову пуговицы на рубашке.

– Отвали от него! – завизжала Саша и начала неистово дергаться, пытаясь расшатать ветхое кресло.

– Простите, простите, – твердил Петр, залезая под стол и с трудом вытаскивая оттуда похожий на гроб короб. – Хорошо, что вы, так сказать, низенький. Я когда их заказывал, еще и не думал, что взрослые так много играть станут и тоже сгодятся. Черт его знает, что мне с вашей подругой делать. Ноги разве что ампутировать, у меня тут есть для этого...

– Саша, – Климов всхлипнул. – Сашенька.

– Климов, я сейчас, сейчас! – закричала Саша и увеличила амплитуду движения.

Петр тем временем обрил машинкой висок Климова, вогнал туда толстую иглу, включил что-то жужжащее.

– Саша, – голос Климова стал тише. – Зуб мой, тусовочный зуб...

Саша дергалась и кричала с такой яростью, что у нее опять закружилась голова.

– Я не на тусовке его... Это я дома случайно кружкой себе заехал. Я вообще и не хожу на вечеринки, мне не с кем... – Климов застонал и умолк. Петр возился в его голове, как механик во внутренностях автомобиля. – А ты сказала, что я со сколом милый, ну я и решил... пусть остается... Лишь бы ты... Я бы их все себе... переломал, чтобы... – Щелкнули хирургические ножницы, и Климов замолчал теперь уже навсегда.

Саша обернулась: в голубоватом свете монитора рана на виске Климова выглядела как жерло вулкана с подтекающей пиксельной лавой – словно на горном уровне старой приставочной игры.

– Вот и все, теперь подключаем, уже ему не больно, так сказать, уже ему и никак, – суетился над телом Петр.

Саша перестала извиваться. Все вдруг стало ей кристально понятно – и отчего едкий Климов всегда был с ней так мил, и почему соглашался помогать ей в авантюрах, и то, как он смотрел на нее, и даже то... У Саши перехватило дыхание – она опять потеряла человека, который был с ней – с «одуваном», «микрофоном» и «доской» – на одной волне.

Петр уже упаковывал Климова в коробку и скреплял стяжкой пучки трубок и проводов. Саша бросила взгляд на усталое лицо безумного инженера, на его слезящиеся глаза под нелепыми очками, на заштопанную жилетку и рваные шерстяные носки крупной вязки, и такая ярость наполнила вдруг ее тело, что от следующего нечеловеческого рывка старое кресло развалилось.

– Это вы чего... – начал Петр, но не успел договорить. Саша схватила со стола первый попавшийся острый инструмент и с размаху всадила его Петру в глаз. Что-то брызнуло ей на онемевшие от ремней руки, Петр нелепо охнул и осел.

– Гад! – орала Саша. – Доставай его! Быстро!

– Уже нельзя, нельзя, – скулил Петр, пытаясь удержать в глазнице вытекающую кашицу. – Я подключил, он теперь только так... Он же мертвый по факту. Да и как я тогда с сыном-то буду? Простите меня, простите...

Саша со всей силы ударила коленом в голову Петру, тот жалобно крикнул и распластался на полу. Потом она безвольно опустилась в кресло и закрыла глаза.

Саше чудилось, что сегодняшнее утро – когда она почти голая, ничего не соображающая, открыла Климову дверь – случилось целую вечность тому назад. Зато день, когда мама беззвучно осела в покрытую ледяной коркой лужу, казалось, был еще вчера.

«И вот я опять совсем одна», – подумала Саша.

Она открыла глаза, достала из кармана мобильник, чуть поколебалась и набрала полицию. А потом представила, как удаляет мамин номер из контактов, как становится офлайн в

болталке Климов, как мир делается бесформенным пятном на бесконечном бежевом пальто. Саша зажмурилась, услышала в трубке голос и... сбросила звонок.

* * *

Успокаивающе гудели вентиляторы. На экране дрожали два отделенных друг от друга изображения – сегодня это удалось впервые. Пристегнутый к креслу Петр набирал что-то на клавиатуре – все пальцы на его руках, кроме мизинцев, были неаккуратно ампутированы. Рана на месте правого глаза уже давно зажила, но Саша заметила, как из-под повязки что-то сочится. «Ох, не осложнение бы», – подумала она.

Саша поставила сумку на пол, положила на стол пачку йогурта и батон – ей предстояло накормить Петра и сводить в уборную, но к этим процедурам она давно уже привыкла. Тем более, Петр старался развлекать ее байками из своей инженерской жизни. Саша стыдилась, что покровсала для перестраховки Петру руки – он явно ничего дурного бы не предпринял, не сбежал и не напал, а с целыми пальцами печатал бы куда быстрее. Казалось, что месяцы, проведенные в таком состоянии, Петра совершенно не расстроили – он старательно работал над кодом, а когда Саша уходила, мог в награду потратить немножко времени и на сына.

Саша взяла микрофон, взгляделась в нечеткие контуры, потом сказала:

– Привет, мама, я тебя люблю. Я не уверена, слышишь меня или нет, и вообще ты ли это, но с некоторых пор я стала неисправимой оптимисткой. Мама, я очень по тебе скучаю, вот правда, каждую минуточку... Я не говорила это, когда должна была, так что постараюсь исправить хотя бы сейчас.

Она чуть-чуть помолчала, потом перевела взгляд на другую фигуру.

– Климов... Ох, Климов... Прости, что я тебя во все это втянула. – Голос ее задрожал. – Ты вообще офигенный, хотя и невероятный зануда, конечно. Не нужно было придумывать про какие-то тусовки, потому что я и без того...

Изображение поплыло, силуэты стали похожи на искаженные вороньи головы, а потом пропали.

– Связи все равно не хватает, кодом не получается выправить. Мы ведь трех человек теперь, так сказать, транслируем, – расстроился Петр. – Нужно мощности...

– Да-да, – кивнула Саша. – Как раз этим занимаюсь.

Донесся приглушенный звукоизоляцией звонок. Саша махнула Петру и вышла из комнаты.

На пороге стоял упитанный подросток в очках, его круглое лицо было взрыхлено прыщами разной спелости.

– Никому не говорил? – спросила Саша строго. – Переписку удалил? Другам не разболтал?

– Божечки, нет! Удалил! – заверил он. – Родителям ни слова, а друзей у меня и нету... Неужели тут правда хранится черная аркада? Ух, какая ты высокая... То есть прости, я не это...

Саша понимающе кивнула.

– Аркада в той комнате. Но покажу ее, только если побьешь меня в «Бомбермена». Ты взаправду хорош в старых играх?

– Да я вот с таких пор!.. – возмутился парень, показывая ладошкой на высоте колена. – Я, если хочешь знать, твои тексты уже много лет читаю! С них все и началось. А статья про черную аркаду – это чистый космос. Мы с мамой и папой на вылазку ездили, в палатке от дождя прятались, вслух читали – ух, жуть! А вообще, – парня прорвало, словно он наконец-то встретил того, кто готов был его выслушать, – меня в школе травят, типа, не рублю в рэпе, шмотки из колхоза, жиртрест, задрот прыщавый...

– Я поняла, – Саша успокаивающе похлопала его по плечу. – Иди в комнату, включай приставку, а я пока... – Она заколебалась, сердце как будто прижало тисками, слова застряли в горле, вспомнились удушливые школьные дни, «одуваны», «доски», «микрофоны»; почудилось правильным сейчас же прогнать парнишку, закончить все, вернуться в пустой мир к пятну на бежевом пальто и...

– Чего? – нетерпеливо уточнил пацан.

– ...а я пока заварю нам чай.

Артем Гаямов. Десятый вал

1

Лед расползлся по стене. Искрился инеем и выпускал все новые морозные щупальца, жадно вгрызающиеся в крашенный бетон. Зловеще потрескивал, подбираясь сразу и к загаженной плите, и к заваленной грязными тарелками мойке, и даже к едва успевшему вскипеть чайнику. А мобильный в этот самый момент, будто поддразнивая, запел голосом Цоя: *«Белый снег, серый лед»*.

– Аллю.

– Жилин, у меня проблемы.

– Поэтому ты сменила номер? Опять.

– Сменила, не сменила – они все равно находят.

– Кто *они*?

– Коллекторы. Кто же еще?! Названивают, гадости говорят. К матери заезжала, так там весь подъезд исписан – должница, сука, мразь и так далее. Сколько у тебя денег?

– У меня? Нисколько. Сегодня пенсию сниму.

– Жилин, ну что ты как дед?! Пенсию – слушать противно. Тебе всего сорок.

– Так что теперь? Пенсию не получать?

– Да получай, получай свою пенсию. Только я тебя про *деньги* спрашиваю. Тыщ двести хотя бы.

– Откуда их взять-то? Работы нет. Каждые пять минут всех на удаленку отправляют. Здоровому не устроиться, не то что с инвалидностью.

– Жилин, что ты сопли развел?! Сам два метра в длину, метр в ширину, чисто шкаф, а туда же – пенсия, инвалидность. Не поможешь – так и скажи. Хочешь, чтоб твою жену, мать твоих детей изнасиловали и убили вонючие коллекторы – так и скажи!

– Бывшую жену. А детей у нас нет. Да и как я помогу? Ну, хочешь – приеду, морды набью?

– Нет, Жилин, это мы уже проходили. Мне нормальная помощь нужна. Нормальная, понимаешь? Законопослушная помощь. Продай чего-нибудь или кредит возьми.

– Это мы уже тоже проходили.

– Ну не знаю тогда. Старуху какую-нибудь охмури.

– В смысле?

– В смысле, бабке одинокой мозги запудри. Они щас все зашуганные с этой самоизоляцией. Прикинься волонтером. Помоги там с продуктами, с лекарствами неделю-другую, а она на тебя квартиру переписшет. Только обязательно говори, что ты привитый.

– Я и так привитый.

– Ой, Жилин, какой ты правильный! Аж зубы сводит! Ладно, пока.

Жилин косо глянул на стену – ледяные щупальца слабели и таяли, поблескивая каплями воды, холод стремительно отступал, капитулировал.

– Ир, поговори со мной еще чуть-чуть.

– Вот еще! Поможешь, тогда поговорим. Чао!

2

На лестничной клетке под открытым настежь окном яростно металась швабра. Пахло морозом и гнилью в равных пропорциях. Жилин хмуро поежился и, указывая на распахнутую створку, многозначительно заметил:

– Не май месяц.

– Ште?

Швабра замерла, узкие глаза зло уставились снизу вверх. Под этим колючим взглядом Жилин машинально оправился и как можно солидней повторил:

– Я говорю – не май месяц.

– Ни май. Декабр.

– Вот именно, а вы – окна нараспашку. У меня на кухне стена, смежная с лестницей, – вся ледяная.

– Прямо льдом накрылась? – Уборщица коротко оскалила серые зубы, а потом картинно поморщилась и пояснила: – Ваняет. Вес падъест праванял. Нада праветриват.

Тряпка смачно плюхнулась в ведро, грязная вода выплеснулась Жилину на ботинки, и швабра снова заелозила по полу. В груди что-то возмутилось, разгорелось, забурило. Захотелось выматериться, разораться, проклятое окно заколотить гвоздями, а уборщицу с серыми зубами хорошенько макнуть в ее же серое ведро. Но уже через секунду запал пропал сам собой. Жилин шагнул в распахнувшуюся пасть лифта и нажал шершавую, исцарапанную единицу.

Кабина бодро рванулась вниз, но вдруг замедлила ход, задумалась, а потом и вовсе застыла, повиснув между этажей. Лифт ломался так часто, что давно было пора ходить по лестнице, но Жилину, в общем-то, нравилось застревать. Нравилось представлять, что железная паскуда заглотила его живьем и теперь неторопливо переваривает. Вот-вот с потолка польется разящий машинным маслом желудочный сок, пол покроется блестящей слизью, а металлические стены задрожат и примутся жадно сосать из Жилина все, что только можно, – витамины, микроэлементы, силы, мысли, чувства и воспоминания. До тех пор, пока не останется одна лишь куча дерьма. И тогда двери откроются.

– Ой!

Продрав глаза, Жилин обнаружил, что стоит, привалившись к стене. Из открытых дверей растерянно тарасилось морщинистое лицо с честными голубыми глазами. Увидев, что человек очухался, старушка поспешно натянула маску.

– Ничего, я привитый.

Жилин сам не понял, зачем это сказал, и, выходя из лифта, рассеянно почесал макушку.

– А я тоже, я тоже, – с готовностью подхватила старушка. – Вакцинировалась и хожу себе спокойно – и в магазин, и в аптеку, и за пенсией. А вот деда моего не заставишь – сидит сиднем и слушать не желает. Ни про ковид, ни про прививки, ни про что.

Она старательно вглядывалась в Жилина, будто пыталась вспомнить, как его зовут, хотя знакомы они не были. Сталкивались иногда в лифте или у почтовых ящиков, но никогда раньше не разговаривали.

– У вас на этаже не воняет?

– Ой, не знаю. – Старушка на миг задумалась и дернула плечом. – Может, воняет, может, нет. А должно, да? Может, я приняхалась?

– Мусорник забит, – твердо заявил Жилин. – Службы прочищать должны. А *эта*, – он махнул рукой вверх, – только и знает, что проветривать.

– Ну проветривать тоже надо, – добродушно закивала старуха, входя в лифт. – Я своему деду вечно твержу – открой, мол, окошко, подыши воздухом. А он хоть бы что – в телевизор уткнется, и как с гуся вода.

Она все талдычила про своего деда, даже когда кабина уже закрылась и, гудя, понеслась наверх. А Жилин сбежал по ступенькам и столкнулся в дверях подъезда с уборщицей.

– Как? – Он удивленно остановился. – Вы ж только что наверху мыли.

– Ште? – Узкие глаза зло уставились снизу вверх.

3

– Мужчина, вы кого ждете?

– Я в сто двадцатый, к Иван Игнатичу.

– В сто двадцатом санобработка, а Иван Игнатиш принимает на втором этаже. Кабинет двести семь. С табличкой «офтальмолог».

Медсестра сказала это с интонацией «какие же все тупые», и Жилин почувствовал себя неловко, а по дороге в искомый кабинет даже покраснел. Действительно, почему было самому не догадаться, что его лечащий психиатр перебрался на этаж выше и заделался офтальмологом?!

– Заходите, милости просим. Что ж вы, мой хороший, опаздываете? А часики тикают, доктор ждет. Присаживайтесь.

Иван Игнатиш, лысый круглолицый коротышка, всегда держался крайне радушно, вечно улыбался и коверкал слова уменьшительно-ласкательными суффиксами. Жилину он казался таким тюзовским Дедом Морозом, под маской которого прячется усталый, пьющий актер, ненавидящий и свой театр юного зрителя, и всех юных зрителей в придачу.

– Ну, как поживаете? Как здоровьице? А то таблеточки сильные принимаете – побочечки могут высказывать. Галлюцинациями не страдаете?

– Нет.

– Настроеньице не скачет?

– Нет.

– Мысли странненькие не посещают?

– Нет.

– Сонливость внезапная?

– Нет.

Жилин машинально твердил это «нет», уже даже не слыша вопросов, и опомнился, только когда Иван Игнатиш ласково пожурил:

– Милый мой, кончайте отнекиваться, выключайте автопилотик. Раз у вас все так хорошо и радужненько, давайте просто поговорим. О вещах отвлеченных, нейтральных. К примеру, что вам снится?

– Снится? Мне? Ну так, – Жилин пожал плечами и принялся яростно скрести ногтем сиденье своего стула, а когда проковырял обивку насквозь, смущенно прикрыл дырку рукой. – Ирка снится, Чечня снится. Снится, что иду без маски, а вокруг все заразные – кашляют, чихают, сморкаются, да еще орут – слюной брызжут.

– Ну такое щас многим снится. – Психиатр беспечно отмахнулся. – А вот как насчет чего-нибудь странненького? – Скрипнув креслом, он подался вперед. – Такое, что вроде и ваше, а вроде и чужое какое-то. Необычное, понимаете меня?

– Необычное? – Жилин почесал затылок, а потом, словно забыв, где находится, встал и прошел к окну. Сказал не оборачиваясь: – Волна снится. Огромная, размером с дом. Набегает издали и так ме-е-едленно, будто в рапиде. А люди сидят и смотрят. Как в театре, только вместо сцены – волна. Она уже прямо над ними нависла, а они все сидят и смотрят.

– Кошмар, значит?

– Кошмар? – задумчиво повторил Жилин и покачал головой. – Да нет, наоборот. Во сне волна кажется чем-то хорошим. Будто бы накроет, проглотит, и тогда станет как-то... Полегче, что ли?

Он отошел от окна и сел обратно за стол, стараясь не встречаться глазами с психиатром и уже сожалея о своей внезапной откровенности. Иван Игнатиш с полминуты молчал, задум-

чиво напевая под нос нечто среднее между Jingle Bells и «В лесу родилась елочка», а потом заключил:

– М-да, тревоженько. Амитриптилинчик придется удвоить. Щас выпишу рецептик, внизу шлепнете печать.

– А я вот читал, – прозвучало робко, сипло, и Жилин кашлянул, прочищая горло. – Читал в Интернете, что в Израиле контузию насовсем вылечивают. И не таблетками, а физиотерапией там, массажами.

Маска вдруг соскользнула с лица психиатра и растворилась в воздухе. Улыбка Ивана Игнатича стала неприятной, взгляд – ледяным, а губы, едва шевелясь, как у чревовещателя, произнесли:

– Может, вам в Интернете и лечиться? Или в Израиле.

На пару секунд повисла тяжелая пауза, а потом психиатр будто опомнился, нацепил снова привычную, разношенную маску и затараторил:

– И не хмурьтесь, не унывайте. Как говорят – здоров, не хвор, а хвор – не приговор. Всего доброго вам! Ко мне придете уже после праздничков. Да, почти через месяц. А до тех пор буду занят. Нагрузочку мне лишнюю навесили. Сами понимаете – ковид.

– Ковидик, – машинально поправил Жилин, выходя из кабинета.

4

Денег, конечно, не дали. Рыжий, похожий на гигантского хомяка парень битый час что-то вбивал в компьютер, а потом, деловито шепелявя, сообщил:

- К сожалению, в кредите отказано.
- А если в другом... – начал было Жилин.
- Нигде не дадут, – оборвал рыжий. – У вас кредитный рейтинг – красный.

Красный! А каким еще он мог быть после пяти совместных лет с Ирккой?! Это с древнегреческого «Ирина» переводилось как «мир» и «спокойствие», но у древних греков, видимо, были свои, совсем другие Ирины.

Жилин шел по серым улицам, бездумно мусоля грязный, обжигающий пальцы снежок. Потом кинул его в ворону и нырнул ладонью в подвернувшийся по пути сугроб, зачерпывая еще снега. Новый снежок ни с того ни с сего растаял в руке. Да так быстро, будто попал на раскаленную сковороду. Ледяная вода скользнула между пальцев, а ладонь вдруг оказалась перепачканной кровью. Жилин вытаращился и воровато сунул руку в карман.

- Простите, вам помочь?
- Что?
- Мне показалось, у вас кровь.

Девушка стояла в паре метров. Невысокая, стройная, в коротком полушубке, джинсах и высоких сапогах. Взгляд карих глаз беспокойно метнулся в сторону спрятанной в карман руки. Лицо показалось знакомым, и Жилин прищурился, всматриваясь. Но неожиданно в этот самый миг густо посыпал снег, и девушка оказалась отделена белой завесой.

- Да нет, ничего страшного. Все нормально.
- Точно? А то я тут рядом в школе работаю, в отделе кадров. Можем дойти, вас в медкабинете перевяжут.
- Не надо, спасибо. В отделе кадров, вы сказали?
- Ну да. А что?
- Возьмете меня на работу?

Жилин тут же устыдился своего вопроса, но девушка не растерялась.

– Конечно, – она вдруг хихикнула. – Вы такой видный мужчина. Приходите завтра к девяти с паспортом и трудовой. Охраннику скажете, что в отдел кадров. К Ирине. Будете у нас обэже преподавать.

Карие глаза тепло блеснули сквозь белую пелену, и девушка исчезла в пучине снегопада. Жилин осторожно вытащил руку из кармана – крови не было.

5

Утро началось с чистого листа. В шесть часов, как в армии. И сразу зарядка, дыхательная гимнастика, контрастный душ, бритье до синевы, а затем комплексный завтрак из каши, сосисок, яичницы и крепкого кофе. В итоге к девяти Жилин был уже в отличной форме – чистый, бритый, сытый, пышущий жизнью.

– Я в отдел кадров. Меня ждут, – дерзко заявил он на входе, нависнув над седым охранником.

Старик на голову ниже Жилина под напором такой первобытной силы отступил и буркнул:

– Налево по коридору, третья дверь.

Но вчерашней девушки за нужной дверью не оказалось. Среди бесчисленных гераней, фиалок, кактусов и бог знает чего еще сидела пожилая, интеллигентной наружности женщина, уставившись куда-то сквозь монитор.

– А? Вы ко мне?

– Вообще я к Ирине. На девять.

– К Иришке? – Женщина вздохнула и скорбно покачала головой. – Иришку с ковидом госпитализировали. На ивээле лежит. Поражение легких – восемьдесят процентов. Ее делами я сейчас занимаюсь. Мария Максимовна меня зовут. А вы по какому вопросу?

– Да нет, я... Ни по какому. Спасибо. Извините.

Жилин вышел в коридор и тут же понял, что надо вернуться. Узнать номер больницы и контакты родственников, созвониться, связаться, встретиться и расспросить, что требуется, чем помочь. Ведь эта Ирина еще только вчера сама хотела помочь, и теперь нужно было сделать для нее все возможное. Ну и что, что ивээл?! Ну и что, что восемьдесят процентов?! Человек жив, а значит, надо бороться, надежда есть. Надежда умирает последней, верно? Но даже когда умирает, оставляя от себя лишь призрак, даже тогда...

– Мужчина, вы пьяный?!

– Что?

Жилин открыл глаза и обнаружил, что завалился на стену, а перед ним стоит – руки на поясе, ноги на ширине плеч – шарообразная дама с химической завивкой а-ля восьмидесятые.

– Вы зачем хулиганите?! – строго спросила она.

– В смысле?

– В смысле, ворвались в учебное заведение, обманули Федор Соломоныча, – дама кивнула в сторону седого охранника. – Кто, интересно, вас ждет в отделе кадров, хотелось бы знать? К кому вы?

– Я к Ирине. На девять, но... Мария Максимовна мне уже все рассказала. Так что я теперь, наверно, в больницу и...

– Это правильно, – дама ядовито закивала. – В больницу. Лучше в психиатрическую. Потому что никакая Ирина и никакая Мария Максимовна у нас не работают, а отдел кадров – это я, – для наглядности она хлопнула себя ладонью по груди. – И с вами мы ни о чем не договаривались. Так что покиньте учебное заведение.

– Как это не работают?! – в тон даме возмутился Жилин.

Он заглянул в кабинет и удивленно застыл – ни интеллигентной женщины, ни даже гераней с кактусами внутри теперь не было. Да как это так?! Захотелось возмутиться, взбунтоваться, рассердиться, заспорить. Упереться рогом и потребовать, чтобы и женщину, и кактусы вернули на прежние места. Но через секунду все прошло. И Жилин, рассеянно почесывая затылок, прошагал под конвоем Федор Соломоныча к выходу.

Снаружи снег творил, что хотел. То кружил медленно, спокойно, как в новогоднем мультфильме. То начинал яростно мести прямо в лицо, мигом превращая вальсирующие снежинки в злобный колючий рой. А то и вовсе обращался ледяным дождем, отчего все тротуары и дороги тут же – на радость детям и на беду старухам – становились сплошным катком. В общем, снег бросался из крайности в крайность, и будь он пациентом Ивана Игнатича, то наверняка получил бы ударную дозу амитриптилина.

Жилин шел, то и дело поскальзываясь, а встречные прохожие опасливо шарахались, понимая, что падение двухметрового амбала ничем хорошим не кончится. На углу местного супермаркета, где под навесом разместился елочный базар, послышался знакомый голос:

– Сынок, а помоги до дому донести. Сама-то не дотащу – вон какой гололед. А мой дед вообще сиднем сидит, никуда не ходит.

– До дому, бабуля, это еще тыща сверху.

– Да что ты, сынок? Тыща за елочку, тыща за «донести»?! Рядом ведь живу!

– Ну если рядом, то и сама дотащишь, бабуль, – шербатый парень-продавец ухмыльнулся. – А цены не я устанавливаю.

– Давайте-ка помогу, – вмешался Жилин, решительно забирая у старушки елку. – Благо живем рядом. А ты, коммерсант, – бросил он в сторону продавца, – прокисни.

Парень повернулся, уже открыв рот, чтобы как следует ответить, но уткнулся взглядом в широкую грудь, потом поднял глаза на квадратную челюсть. Рот закрылся сам собой, ухмылка исчезла с лица.

– Спасибо, спасибо. Дай вам бог здоровья! – зачастила старушка. Она, похоже, все силилась вспомнить имя Жилина, а честные голубые глаза над медицинской маской светились надеждой и благодарностью.

6

За предновогоднюю неделю отношения более чем наладились. Жилин стал «Олежкой» и тем, кого «Господь послал», а старуха была теперь то «бабой Любой», то просто «Никитишной».

– С моим именем-отечеством нужно сразу старой рождаться, – повторяла она и смеялась.

Они с Жилиным вообще как-то легко нашли общий язык и теперь часто смеялись. Пока шли в магазин, пока стояли очередь в аптеке, пока следили за электронным табло в Сбербанке – благо пенсию получали оба.

И пусть старушка не слишком хорошо слышала, не все понимала, но неизменно чувствовала, когда Жилин пытался пошутить, и с готовностью хохотала. А потом принималась болтать. Разглагольствовала об отварах, которые помогут «и от контузии, и от всего», ругала врачей, Минздрав и соцработников, а еще сетовала, что «Басков уже не тот», и, конечно, то и дело поминала своего деда.

– Привет ему, – каждый раз говорил Жилин, но ответного приветов так ни разу и не получил.

Старик, судя по всему, был совсем не так доверчив, как жена. Нелюдимый, желчный, подозрительный – вот каким он заочно виделся Жилину. Такой мог стать проблемой, помехой на пути к заветной цели. Причем *благой* цели. Ведь старухиной квартиры с лихвой бы хватило, чтобы Ирка расплатилась со всеми кредиторами – и с нынешними, и с будущими. Может, еще бы и на лечение в Израиле осталось. Но об этом Жилин думал скорее мельком. Важно было, что сказать Ирке, чем обнадежить, когда она позвонит с очередного незнакомого номера. Но обнадежить пока было нечем, и оставалось только вздрагивать, если в кармане запевал Цой.

«Белый снег, серый лед...»

– Олежка, звонка от кого-то ждешь? – участливо поинтересовалась баба Люба по дороге в магазин.

– Да нет. Так.

Конечно, он ждал. Да еще как ждал! И в супермаркете, среди снующих масочников и антимасочников, решил повысить ставки – купил старухе большую банку красной икры.

– Вот. Это вам на Новый год.

– Олежка, я не могу. Ты что?! Такие деньжищи!

– Берите, берите. Отмечать надо как следует. Особенно теперь.

– Что ж, – баба Люба смущенно спрятала банку к себе в сумку, помолчала немного, будто на что-то решаясь, а потом твердо произнесла, почти приказала: – И ты приходи.

– Куда? – Жилин притворился, что не понял.

– Как куда? К нам, на Новый год. А то что ж я, одна буду эту икру есть?

– Почему одна? С мужем. Он, кстати, не рассердится, если я приду?

– Муж обьелся груш, – проворчала старуха, но тут же смягчилась. – Он у меня щас все больше жиденьким питается – кашки, кефирчики. Но от икры небось не откажется. А рассердиться... пусть только попробует. Приходи, обязательно приходи, – она кивнула в сторону кармана с мобильным и лукаво подмигнула. – С барышней приходи.

У Жилина даже рот приоткрылся – баба Люба подкинула отличную идею. Как же он сам не догадался, что напрашиваться в гости нужно было не одному, а с Ирккой?! Эта бестия могла расшевелить и очаровать любого мужика, даже угрюмого деда. К тому же ей, как никому другому, полагалось участвовать в начатом предприятии и быть заинтересованной в его успешности. А еще – и это самое главное – Жилин горячо желал встретить Новый год именно с Ирккой. Как раньше. Как в старые добрые времена. Несмотря ни на что.

Вот только ни по одному из своих многочисленных номеров она не отвечала, и Жилин решился на крайнюю меру – навестить Иркину мать.

7

Иркина мать была не в своем уме. Мягкая, интеллигентная, спокойная на вид, она наглядно иллюстрировала пословицу «в тихом омуте черти водятся». Потому что мысли в ее голову приходили совершенно безумные, а отстаивала их Иркина мать прямо-таки с одержимостью.

– Олежек, здравствуй. Проходи-проходи.

– Да нет, я на минутку.

– Да нет, ты проходи-проходи. Щас тапочки достану.

– Я там внизу видел, надписи посмывали, да? Позвонили б мне – я помог бы.

– Какие надписи?

Иркина мать всегда смотрела куда-то сквозь собеседника. Даже сейчас, когда настороженно повернулась к Жилину.

– Какие надписи?

– Ну, Ирка мне сказала, что коллекторы в подъезде понаписали гадости всякие и... В общем, черт с ним! Стерли – и хорошо. А с коллекторами мы порешаем, не волнуйтесь.

– Олежек, – взмолилась женщина. – Ну не надо. Прошу!

– Да нет-нет, не бойтесь. Без мордобоев, ничего такого. Уладим финансовые проблемы финансовым путем. Только мне Иркина помощь нужна, а все ее эти новые номера не отвечают. Вот я и подумал, что, может, вы чего-то знаете. Она, когда последний раз звонила, сказала, что вас иногда навещает, и...

– Хватит! Хватит, Олег! Замолчи! – крикнула Иркина мать и болезненно скривилась. Позабыв про тапочки, она вцепилась Жилину в рукав пуховика и потащила в комнату. Усадила в кресло, часто зашептала на ухо: – Я же все помню. Помню, как ты Иришку любил. Да и она в тебе души не чаяла. С самой первой вашей встречи. Мне еще говорила, мол, такой видный мужчина к нам устроился, обэже будет вести. И смеется – ему самое то, говорит, у него как раз инициалы – О. Б. Ж.

– Мария Максимовна, я...

– Подожди, Олежек. Помолчи. Послушай. Досталось тебе, понимаю. И так-то жилось нелегко с контузией, с инвалидностью, а тут еще Иришка. Вот уж кто умел проблемы находить. А отдуваться тебе, верно? Мужчина, муж. А ты человек крепкий, горячий. Я ведь помню, как вы тогда ночью ко мне приехали. Оба бледные, ни живы ни мертвы, и руки у тебя в крови. Но ведь обошлось! Бог миловал! Нет, не того мерзавца, конечно, но *тебя* миловал. А то, что Иришка потом на развод подала, не думай, выбрось из головы. Она ведь не тебя боялась, а за тебя. Боялась, что в другой раз тебе уже сухим не выйти, отвечать придется.

– Мария Максимовна, послушайте...

– Нет, Олежек, ты послушай. Я все помню. Помню, какое у тебя лицо было, когда ты приехал, а я сказала, что Иришка на ивээл. Дурочка моя ненаглядная! А еще ведь до того-то тебя подкалывала. Привился, мол, Жилин, весь такой правильный, зубы сводит. Но ведь это она не со зла. Любя. Любя, понимаешь? А ты прими, Олежек. Ради бога, прими как есть. По-другому уже не будет!

Жилин, грустно усмехаясь, покачал головой. Можно было догадаться, что этим все кончится. Нет, он, конечно, не осуждал Иркину мать и даже жалел в глубине души. Разве человек виноват, что в голове у него все перепуталось, ум зашел за разум, а навязчивые идеи полностью завладели сознанием?

Жилин поднялся из кресла и подошел к окну. Встал у подоконника, заставленного бесчисленными геранями, фиалками, кактусами и бог знает чем еще. Потом задумчиво прошагал

к серванту и взгляделся в одну из их с Иркой совместных фотографий. На Красной площади, у ГУМ-катка.

Вот они – Давид и Голиаф во всей красе. Ирка – на две головы ниже Жилина, стройная, красивая, покрасневшая на морозе – стояла в коротком полушубке, джинсах и высоких сапогах. Карие глаза тепло блестели.

Рядом с сервантом на стене висела репродукция Айвазовского в дешевой «позолоченной» раме под старину. «Девятый вал». Вершина творчества прославленного живописца, жемчужина Государственного Русского музея, выдающееся полотно о борьбе со стихией и т. д. и т. п. Несколько человек, потерпевших кораблекрушение, отчаянно вцепились в обломок мачты, а на их головы вот-вот обрушится мощная, разрушительная волна. А там, позади волны, из-за туч уже выскальзывает солнце, но увидят его лишь те, кто выстоит, выдержит натиск природы.

– Девятый вал, а за ним – надежда, – задумчиво произнес Жилин.

Он снял картину и перевернул, прочел на обороте – «Ирке от Жилина. Июнь 2015».

– А что, если нет надежды? – глухо спросила Иркина мать. – И после девятого вала десятый. А потом одиннадцатый. И ни спасения, ничего.

– Ладно, Мария Максимовна. – Жилин повесил картину на место. – Вы простите, я пойду. Ирке надо помочь, и если вы не знаете, где она, то...

– Знаю. Знаю, где она. На кладбище. Ириша на кладбище.

Даже эти страшные, безумные слова она сказала, глядя куда-то сквозь. Сказала глухо, без выражения, безразлично. А вот Жилин такого уже не выдержал – терпение лопнуло, лицо перекосило злобой.

– Дура! – яростно выкрикнул он, подскочил к Марии Максимовне и замахнулся, собираясь ударить.

А та только зажмурилась, сжалась в комок, как собачонка, и все так и стояла, когда Жилин уже захлопывал за собой дверь.

8

Снегопад бушевал весь день, и к вечеру город оказался погребен под белой толщей. Дороги сровнялись с тротуарами, во дворах будто сами собой выросли снеговики, а припаркованные вдоль домов машины оказались забаррикадированы метровыми снежными насыпями, оставшимися после проезда снегоуборщика.

Цивилизованный григорианский мир готовился встречать Новый год, и всё вокруг притихло в томительном ожидании. В окнах мигали гирлянды и телевизоры, на темных балконах вспыхивали огоньки сигарет, где-то за домами уже вовсю грохотали фейерверки, бесцеремонно руша волшебную «михалковскую» тишину.

«Говорят, под Новый год, что ни пожелается...»

Навстречу в продолжение стихотворения показался метр с кепкой мужичок в костюме Деда Мороза. Весь вываленный в снегу, с перекошенной белой бородой и зажатой в руке красной шапкой, он удивленно уставился на Жилина снизу вверх, словно на какого-то ледяного тролля, а потом с пьяной искренностью посетовал:

– Из-за леса, из-за гор навернулся я в сугроб.

Жилин ничего не ответил, только оттолкнул пьяного в сторону. Тот повалился в снег, но не обиделся и, лежа на спине, затыкнул «Кабы не было зимы».

– Мама, смотри – Дедушка Мороз! – обрадовался какой-то карапуз у подъезда. Чуть подумал и добавил: – Отдохнуть прилег. А он к нам, да?

– Надеюсь, что нет, Лешечка. Идем домой.

Жилин пребывал в отвратном настроении, совершенно не понимая, что делать дальше. Дозвониться до Ирки по-прежнему не получалось, а ее дура-мать чуть не заставила поверить в свои сумасшедшие бредни. Может, безумие было заразным, как ковид? Или еще заразнее? Может, важнее надевать не медицинскую маску, а шапочку из фольги? Или что там теперь носят конспирологи и параноики? Хотя нет, вряд ли. Как говаривал Папа из Простоквашино – с ума поодиночке сходят, это только гриппом все вместе болеют.

В подъезде привычно пахло морозом и гнилью. Жилин успел сунуть ногу в закрывающиеся двери лифта, и внутри увидел вездесущую уборщицу с пухлым пакетом в руках. Поначалу даже не узнал ее без швабры, а когда узнал, то не нашел ничего лучше, чем буркнуть:

– Опять окна пооткрывали.

– Ваняет. Нада правятриват.

Неприязнь явно была взаимной, находиться в обществе друг друга не хотелось ни Жилину, ни уборщице. Поэтому, когда поднимающийся лифт дернулся и замер с закрытыми дверьми, оба встревоженно вздрогнули, уборщица – сильнее.

– Нелся, нелся, ни смагу, – пробормотала она и застучала пальцем по кнопке диспетчера. – Але. Лиф сасрял. Сасрял лиф!

– Застрял лифт? Принято. Высылаю мастера, – деловито отозвалась диспетчер и почему-то хихикнула.

– Ага, – хмуро заметил Жилин. – Высылает она, конечно. Пьют, небось, с этим мастером, а нам здесь час сидеть.

– Нелся час! Ни смагу! – перепуганно вылупилась уборщица.

Растерянно засуетилась, заметалась на месте, а потом вдруг кинула пакет в угол и, безостановочно твердя «нелся» и «ни смагу», принялась раздеваться.

– Эй, ты что?! Чокнулась?!

– Нелся. Ни смагу.

Под ноги полетела зимняя спецовка с наименованием жилконторы, следом серая шерстяная кофта, а поверх нее вишенкой на торте упал лифчик. «Уборщицы топлес» – такой сло-

ган годился для рекламы какого-нибудь элитного жилого комплекса, но совсем не скрашивал нынешнюю ситуацию.

– Да стой, дура! Прекрати раздеваться!

Чувствуя себя абсолютно по-идиотски, Жилин инстинктивно отступил и вжался в стену. Брезгливо подумал: «Еще и горбатая», словно, кроме горба, его все устраивало. А уборщица согнулась в три погибели на манер гюговского Квазимодо и, взглянув на Жилина, жалобно выдавила:

– Ни магу тирпет.

Она схватила свою спецовку и торопливо закусила рукав, когда горб вдруг шевельнулся. Уборщица взвыла и скрутилась в комок. Тощие обвисшие груди прижались к коленям, лицо исказилось невыносимой мукой, серые зубы болезненно оскалились. Горб шевельнулся снова, наливаясь – ему явно хотелось чего-то большего.

– Глюки. Просто глюки. От таблеток, – задыхаясь, прошептал Жилин и, не переставая тарашиться на скрюченную уборщицу, застучал наугад по всем кнопкам сразу.

– Але. Да. Я же сказала – мастер идет, – включилась диспетчер. Прозвучало это довольно пьяно.

Горб тем временем с нарастающей силой рвался наружу. Яростно бился под кожей, а та все натягивалась и натягивалась, пока наконец с хрустом не лопнула. Уборщица снова взвыла, не разжимая зубов, и из ее спины плюхнулся на пол сгусток плоти. Зашевелился, задержался, разбухая и обрастая очертаниями.

Тут Жилин уже не выдержал и зажмурился. Застыл, будто перепуганный ребенок, с ужасом вслушиваясь, как что-то гадко чавкает, сипит, хрипит и булькает. И совсем уж диким в сочетании с этими мерзкими, болезненными звуками показался голос диспетчерши. Она, похоже, забыла выключить связь и теперь игриво, с придыханием убеждала кого-то в динамике, что «не такая».

Когда Жилин решился открыть глаза, уборщиц в лифте было две, и обе торопливо одевались. Одна, с окровавленной спиной – в свое, разбросанное. Другая, поблескивающая слизью – в одежду из пакета. Точно такие же штаны, шерстяную кофту и спецовку с наименованием жилконторы.

– Ни нада... – начала первая.

– Пажалста, – попросила вторая.

– ...никаму гаварит.

– Это...

– ...ниабхадимаст.

– Па-другома...

– ...ни справитса.

– Не скажу, – буркнул Жилин, опасливо переводя взгляд с одной на другую.

Теперь, когда обе оделись, очень хотелось убедить себя, что они просто близняшки. Самые обычные близняшки.

– Не скажу, – повторил он. Чуть подумал и добавил: – А вы окна не открывайте. Суки.

С потолка вдруг хлынула жгучая, кислая жижа. Жилину ошпарило глаза, он вскрикнул, поперхнулся и потерял сознание.

9

«Белый снег, серый лед...»

«Прям ледом пакрылас?»

«Здоров, не хвор, а хвор – не приговор».

«Вакцинировалась и хожу себе спокойно... А вот деда моего не заставишь...»

«А над городом плывут облака...»

«Мне нормальная помощь нужна. Нормальная, понимаешь?»

«У вас кредитный рейтинг – красный».

«А я вот читал, что в Израиле...»

«...По имени Солнце».

«Девятый вал, а за ним надежда».

«Ириша на кладбище».

«Надежда».

«На кладбище».

«Надежда».

«Белый снег, серый лед...»

Поначалу Жилин даже не понял, что у него звонит мобильный. Решил почему-то, что песня играет по радио. А когда сообразил и рванулся рукой в карман, телефон уже затих. Номер был незнакомый. Жилин торопливо перезвонил – тишина. Ну то есть *буквально* тишина – ни гудков, ни сообщения о том, что «абонент не абонент». Ирка, наверняка Ирка.

Жилин стоял, прислонившись к какой-то двери, а когда всмотрелся, понял, что это дверь его собственной квартиры. Отпер ключом и, рассеянно почесывая затылок, вошел. На куртке обнаружили следы рвоты, во рту отдавало кислятиной. Значит, его просто вырвало в лифте и все?

«Таблеточки сильные принимаете – побочечки могут выскакивать».

– Таблеточки сильные, – повторил Жилин вслух и неожиданно понял, что будет делать дальше.

Не подумал, не предположил, даже не решил, а именно понял. В мыслях все уже было сделано, со всем покончено, и теперь оставалось только повторить это на практике.

Жилин стремительно прошагал в кухню. Из холодильника достал непечатую бутылку водки, из аптечки – пузырек антидепрессантов. Водку открыл и выковырнул ножом дозатор, а таблетки растолок массивным гранитным пестиком и высыпал получившийся порошок в бутылку. Коротко покосился на стену – ледяная.

Ну ничего, ничего. Скоро все кончится. Не будет ни льда, ни амитриптилинчика. В Израиле все подлечат. Хотя при чем тут Израиль? Все это ради Ирки. Только ради Ирки.

Жилин несколько раз встряхнул бутылку, размешивая порошок. Наступало время встречать Новый год.

10

– Олежа! Пришел! Вот молодец! Дед, у нас гости! Ну заходи, не стой! Дед, Олежа пришел! – Баба Люба радостно засуетилась в дверях, а потом выглянула на лестничную клетку и с тревогой спросила: – А барышня где ж?

– Да вот никак созвониться не можем.

Жилин вошел внутрь и тут же мысленно поклялся дышать только ртом – в квартире даже сквозь маску воняло просто невероятно, аж глаза слезились.

– Созвониться не можем. Она позвонила, я взять не успел. Теперь я звоню, она не берет, – в доказательство он вытащил мобильный и показал старухе историю звонков.

– Олежа, так у тебя ж он выключен.

– Да? – Жилин рассеянно повертел телефон в руках, разглядывая черный экран. – Разрядился наверно, а я не заметил.

– И у меня, – с готовностью закивала баба Люба, – и у меня такое без конца случается. Чего-то не заметишь, перепутаешь, а потом смотришь и думаешь – вот же дура ты старая, Никитишна! Шас вон в студень вместо яиц скорлупу положила, сижу теперь вылавливаю. Студень, конечно, вчера надо было варить, а так я запаматовала про Новый год, сегодня спохватилась. Ну ничего – как супчик похлебаем, верно?

– Верно, верно, – согласился Жилин. Он взмахнул зажатой в руке бутылкой водки и заговорщически понизил голос. – Я тут беленькой захватил, чтоб с вашим дедом отметить. Надеюсь, не откажет. Как его, кстати, по имени-отчеству?

– Да какое там отчество?! Деда Вова и все. А насчет беленькой... Ну не знаю. Предложи, конечно, только он у меня больше как-то сладенькое любит. Вот йогурт малиновый сегодня кушал.

– А мы с ним выпьем горькой, чтоб стало сладко, – неуклюже пошутил Жилин, и старуха радостно рассмеялась.

– Ладно, иди-иди, поздоровайся, – она подтолкнула его в сторону комнаты, – а я пока на кухне салатiki дорежу.

Амитриптилин с алкоголем, особенно крепким, категорически не сочетался. Жилин знал, что сам-то он сдюжит. В конце концов, «два метра в длину, метр в ширину, чисто шкаф», как любила повторять Ирка. Но вот старику практически гарантировался инсульт. А дальше либо смерть на месте, либо госпитализация в новогоднюю ночь – прямо в лапы пьяных усталых врачей. Да и вездесущий ковид для непривитого деда никто не отменял.

Жилин понимал, что все эти страшные мысли не его, чужие, а сам он будто думал их со стороны. Тем легче было сделать вид, что все нормально. Притвориться доброжелателем и втереться в доверие к старику.

– Здравсьте, деда Вова, – бодро начал Жилин еще из коридора. – Давно хотел с вами познакомиться. А меня Олегом зва... – Он растерянно застыл в дверях с окоченевшей на губах улыбкой и застрявшим в гортани «ть».

Свет в комнате не горел. Только гирлянда бешено мигала то красным, то зеленым, то синим, освещая сидящего в кресле старика. Освещая его пустые глазницы, и безжизненно приоткрытый, будто оплавленный рот, и едва держащийся на своем месте нос, и просвечивающие сквозными ранами щеки.

Окно было нараспашку, в комнате стоял мороз, поэтому тучи жирных мясных мух пребывали в некоей дреме – сидели, облепив стены, и время от времени прыгали с места на место или падали вниз. От вони мороз, впрочем, не спасал. Забывшись, Жилин случайно вдохнул носом и пошатнулся, чуть не потеряв сознание. К горлу прилила тошнота. Бутылка выпала из руки, стукнулась об пол, но не разбилась.

– Что ж ты, Олежка?! Раскокаешь! – воскликнула баба Люба, ловко протиснувшись в комнату. – А ты, дед, сидишь, как не у себя дома! Новый год вот-вот. Телек включай!

Она вытащила из-под руки старика пульт, щелкнула по кнопкам. Экран вспыхнул, и на всю комнату запело что-то задорно-праздничное.

– Страсть как любит всякие программы, – старуха весело ткнула пальцем в сторону телевизора. – Особенно Малахова. Сядет, уставится, не оттащишь. Ой, да что ж это я, дура старая?! – Она хлопнула себя ладонью по лбу. – Деда ж надо в порядок к застолью привести. Как Новый год встретишь, так и проведешь. Верно, Олежка? Щас приду, щас приду.

– Глюки, – прошептал Жилин. – Просто глюки. От лекарств.

Баба Люба тем временем вернулась, держа в руках небольшую миску и столовую ложку. Прошла в комнату, наклонилась к труп, расстегнула надетые на нем рубашу, брюки и старательно заскребла ложкой по телу, скидывая что-то в миску. Продолжалось это, наверное, добрых пять минут. Мухи сонно гудели, снег залетал в открытое окно, снаружи трещали петарды, из телевизора звезды шоу-биза наперебой желали всего наилучшего.

– Во, видал! – Старуха вернулась к Жилину и сунула миску ему под нос. Внутри копошились опарыши вперемешку с кашеобразной гнилой плотью. – Приходится эти штучки убирать. Ну а что сделаешь? Старость не радость. Это щас их еще поменьше стало. – Она тряхнула миской с опарышами. – Раньше жуть как много было, а теперь уже не так. Значит, стало быть, на поправку дед пошел, да? И вот проветриваю – тоже помогает. Как ведь говорят? Солнце, воздух и вода.

Старуха расхохоталась, Жилин тоже засмеялся. Засмеялся и тут же забыл, что заставило его смеяться. Рассеянно почесал затылок, покрутил в руках бутылку водки, отвинтил крышку, сделал несколько глотков. Горькая! Чуть подумал и отхлебнул еще.

– Да куда ж ты?! – возмутилась баба Люба. – Раньше времени-то! И деду не предложил. Дед! Водочки с нашим гостем выпьешь?

Она подошла и наклонилась ухом к самому рту трупа, напряженно прислушиваясь.

– Что говорит? – глухо спросил Жилин.

– Что? – Старуха на миг растерялась, часто заморгала честными голубыми глазами, но тут же нашлась. – А что тут говорить? И так ясно. Сначала нужно президента послушать, а потом уже пить эту вашу отраву. И окошко пока закрой, Олежка. А то тебя вон уже от холода всего колотит. Закрой, закрой совсем.

Жилин осторожно, стараясь не тревожить мух, прошел через комнату. У окна, подставив лицо обжигающему ледяному ветру, снова хлебнул водки. Всмотрелся вдаль и за домами, за фейерверками, за стеной снегопада увидел исполинскую волну. Почти не удивился и не испугался, а скорее обрадовался – наконец-то!

– Олежка. А я все правильно делаю?

Прозвучало робко, боязливо, и Жилин представил, как старуха смотрит ему в спину своими честными голубыми глазами. Кивнул не оборачиваясь.

– Правильно.

Волна приближалась, набегала. Неслась, уничтожая все на своем пути, сотрясая землю, круша дома, заглатывая взмывающие в небо фейерверки. Гигантский хищный гребень яростно пенился, будто зараженный бешенством. В комнате погас телевизор, потухла гирлянда и даже мухи зашевелились, почуяв неладное. А Жилин расставил руки в стороны, встречая волну и собираясь обнять ее, как старого приятеля.

На губах уже играл вкус моря, гул разъяренной воды нарастал, давил на уши, распирали изнутри, становясь невыносимым. И последнее, что удалось расслышать, было:

«Белый снег, серый лед...»

«Белый снег, серый лед...»

0

*«Белый снег, серый лед
На растрескавшейся земле...»*

- Жилин...
- Толька, молчи. Береги силы.
- Жилин... а как... радио... уцелело?
- Молчи, говорю. Не знаю, как. Советское, наверно, еще. Взрывоустойчивое.
- Жилин... не смейся... не могу... смеяться.
- Не смейся. И не говори. Береги силы. Тебе крепко досталось.
- Жилин... а ты... как?
- Я ничего. Нормально. Только башка гудит.
- Не храбрись... Ты... блевал... только... что.
- Поблевал и перестал. Молчи, Толька. Заткнись наконец. Потерпи, к нам уже летят.
- Жилин... а я... на море... хочу.
- Поедешь. Еще поедешь. Только молчи.
- Знаешь... сесть... на берегу... и рисовать... как... Айвазовский... Девятый... вал...
- Волна... а за ней... солнце... надежда...
- Нарисуешь еще, Толька, все нарисуешь. И получше Айвазовского. Все еще наладится.
- Я... знаю... Жилин... наладится... обязательно... нала...

Дмитрий Карманов. Колпашевский обрыв

30 апреля 1979 года, город Колпашево, Томская область

– Труп, – подтвердил Ушков.

Хотя это было очевидно всем троим. Лицо в воде, руки неестественно вывернуты, ноги запутались в кустах прибрежного ивняка – живым такой человек быть не мог.

Григорьев сопел и переминался с ноги на ногу. Он не хотел лезть в ледяную воду, но чувствовал, что придется. А Нина Павловна стиснула зубы и подумала: «Ну почему именно в мою смену?»

Нет, она не первый год работала следователем. И в Томске почти каждую весну вылавливали из Томи «поплавок-подснежников», сгинувших подо льдом зимой и выплывающих с ледоходом. Но тут, в крохотном Колпашево, в ее первую весну, да еще и накануне праздника...

– Ну, – кивнул Ушков Григорьеву, – полезли?

Здесь, в районе речпорта, Обь разлилась широко, и рыжие плети тальника оказались наполовину в воде. Сверху казалось, что труп лежит на мелководье, но, едва спустившись, Ушков сразу ухнул по пояс в мутную жижу. Выматерился, но вполголоса – все-таки наверху женщина. Он вообще как судмедэксперт не должен сам тягать клиентов, но что поделать, если вся опергруппа – он, сержант-водица да эта новенькая.

– Григорьев, ет-тить тебя, давай помогай!

Вдвоем они вытащили тело на берег. Оно оказалось неожиданно легким, почти невесомым, как высохший майский жук. И здесь же, еще до погрузки в машину, Ушков понял, что с трупом что-то не так. Мужчина? Женщина? Не понять – голова будто в известке, сожравшей и волосы, и черты лица. Но судя по одежде – холщовые кальсоны и грязная рубаша-косоворотка – все-таки мужчина. Косоворотка? Однако. И вдобавок полотенце – обычное вафельное полотенце на шее, свернутое валиком и завязанное на узел.

Но это еще не все. Труп был сдавленным, словно угодившим под пресс – между льдин его, что ли, зажало? И кожа. Коричневая, задубевшая, как у мумии. Все это совсем не походило на обычных утопленников – белесых, разбухших, тяжелых. Пожалуй, никогда прежде Ушкову не доводилось видеть таких мертвецов.

– Причина смерти? – Нина Павловна отвела взгляд от трупа.

– Вскроем – и увидим. Хотя...

Ушков присел на корточки и пригляделся к голове покойника. Затем натянул перчатку и очистил его затылок от грязи. В задней части черепа виднелась аккуратная дырочка.

– Похоже, огнестрел.

В отделении творился дурдом. Нина Павловна пыталась дозвониться в горпрокуратуру, но утыкалась в короткие гудки. Потом телефон у нее отобрали, а майор Семин тут же выловил ее из кабинета:

– Ниночка, милая, хватит линию занимать. У нас тут все с ума посходили – три вызова, один дурнее другого. Весеннее обострение у них, что ли... Возьми внизу у дежурного адреса, пробегись по ним. Только надо сегодня. Конец месяца, завтра Первомай, сама понимаешь.

– А что за вызовы, Сергей Петрович?

– Да ерунда какая-то. Якобы мертвые по городу ходят.

– Мертвые?

– Ну да. Чепуха, конечно. Но люди звонят, сообщают. И заявления. Надо реагировать. Возьми бланки, опроси.

Семин махнул рукой и пошел к себе.

Шагая в дежурку, Нина Павловна подумала, что майор прав и ходячие покойники – это, безусловно, ерунда. Но все-таки хорошо, что он сказал ей об этом уже после возвращения с места находки прибрежного трупа. Тот коричневый мертвец все никак не выходил у нее из головы.

Учительница русского языка и литературы, степенная дама с седым пучком на голове, поджимала губы после каждой фразы.

– Урок сорван. Полностью.

Молчание. Поджатые губы.

– Кем сорван? Почему? – Нине Павловне приходилось вытягивать ответы чуть ли не силком.

– Заглядывал. В окно.

И снова пауза и рот, похожий на куриную гузку.

– Кто заглядывал?

– Мертвец этот.

Нина Павловна вздохнула:

– Опишите его, пожалуйста. Как можно подробнее. Что вы запомнили?

– Голый череп, черные глазницы.

– Все? Больше ничего не помните? В какое окно он заглядывал? Сюда, на второй этаж?

– Сюда, да.

Нина Павловна подошла к окну. Рамы и стекла целы. Внизу – ни уступов в стене, ни следов.

– Но как он сюда забрался?

– Не знаю. Залез как-то.

– А вы что? Что предприняли?

Учительница напряглась еще сильнее:

– А что я? Я по инструкции. Дети перепугались, девочкам у окна плохо стало. Всех вывела, сообщила завучу. Скорая... Милиция... Все как полагается.

Нина Павловна покачала головой и достала бланк опроса. Похоже, ничего больше здесь не узнать. Четвертый месяц она в Колпашино, все здесь друг друга знают, а она – чужая. Чужая для всех.

Но все же. Мертвец в окне второго этажа?

Нина Павловна распахнула дверку милицейского «бобика-канарейки» и взвизгнула от неожиданности. На переднем сиденье скалился свернутой набок челюстью человеческий череп.

А на водительском сиденье скалился лучезарной улыбкой сержант Григорьев.

– Не пугайтесь, товарищ следователь!

Нина Павловна почувствовала, что щеки горят, наливаясь пунцовым стыдом. Товарищ следователь, ага. Визжит, как глупая трусливая баба.

– Что это, Григорьев?

– Череп, Нина Павловна. Экспроприрован в качестве вещественного доказательства!

Надуваясь от гордости, сержант рассказал, что пока следователь возилась с опросом учительницы, он наскоро поспрашивал любопытную детвору, окружившую милицескую машину, и выяснил, что Пашка и Мишка Степановы раздобыли где-то человеческий череп («Настоящий!» – восклицали первоклашки), насадили его на палку, а после пошли пугать друзей и знакомых. И конечно, добрались до школы.

Палка, второй этаж – картинка мгновенно сложилась. Нина Павловна потрогала череп. Нет, не муляж. И действительно человеческий. А вот челюсть явно не родная – больше по

размерам, да и другого оттенка. К верхней части ее прикрутили обычной проволокой, так, чтобы рот можно было открывать и закрывать. Получилось жутковато.

Она перевернула череп. Дырка. Маленькая круглая дырка сзади.

Дом был небедный. Стены в коврах – не типовых советских, а плотных, набитых, пахнущих настоящим югом. Лакированный сервант с баррикадами хрусталя за мутным стеклом, цветной «Рубин», часы с кукушкой, кресло-качалка, телефонный аппарат – все говорило о том, что у хозяина жизнь, в целом, сложилась. Разве что – Нина Павловна подметила это сразу – ни на стенах, ни на столе, ни на шкафах не было фотографий. Вообще никаких.

– Садитесь, – старик подвинул стул.

Пожалуй, он еще старше, чем показалось ей вначале. Одуванчиковые волосы, седая щетина и выпцветшие глаза, выражение которых не разобрать за толстыми линзами очков. И руки. Морщинистые трясущиеся руки. Что это – старческий тремор? Или, может быть, страх?

Нина Павловна присела. Терпко пахнуло землей и рассадой, выставленной на подоконнике.

– Это я звонил. Воробьев моя фамилия. Алек... – его голос прервался, – Алексей Антонович.

Старик достал паспорт и положил перед следователем. Пальцы по-прежнему мелко дрожали.

Нина Павловна ждала продолжения.

Воробьев молчал. Он то раскрывал рот, чтобы что-то сказать, то снова его захлопывал, становясь похожим на рыбу, выброшенную на сушу.

– Алексей Антонович, сегодня вы звонили в отделение?

Старик мелко закивал.

– Сообщили о том, что к вам кто-то пришел, верно?

Он зажмурился. Сквозь очки были видны пигментные пятна на старческих веках.

– И кто же это был? Кто к вам пришел, Алексей Антонович?

Старик дернул кадыком и прошептал:

– Они...

– Они? Кто – они?

Воробьев помотал головой, будто отгоняя наваждение. Вопрос повис в воздухе. Нина Павловна вздохнула.

– Вы не возражаете, если я от вас позвоню?

В горпрокуратуре опять было занято. Зато на Кирова ответили сразу же, как будто майор Семин только и ждал ее звонка.

– Ниночка, ты где? Опрашиваешь? В Песках? Бери Григорьева и машину и дуйте к нам, немедленно!

– Что-то случилось, товарищ майор?

– Случилось, Ниночка! Еще как случилось! Тут такое творится!.. – Голос вдруг заглох, как будто трубку зажали рукой.

– Товарищ майор?

– Да, тут я. Скажи Григорьеву, пусть на Ленина не суется, едет по Портовой и Пушкина. А то там люди... Толпа людей. И трупы...

– Трупы?

– Да, трупы! Очень много! Больше, чем нас...

9 мая 1979 года, город Томск

Этих двоих Иван Ефимович приметил еще в Моряковке. Они ходили по пирсу, рассматривая теплоходы и останавливаясь у каждого, и у маленьких «трехсотых» толкачей, и у кургуzych «восьмисотых» буксиров, пока не прилипли к его любимцу, родному дому и верному товарищу – мощному «ОТ-2010», красе и гордости Западно-Сибирского речного пароходства.

Не то чтобы они были необычными, эти двое. Наоборот, внешне они были такими же, как все вокруг, – посмотришь, и глазу не за что зацепиться. Слишком обычными. Поэтому он их и приметил.

А здесь, в томском речном порту, они оказались уже на его судне. Деловито, никого не смущаясь, протопали по лестницам на самый верх, в рулевую рубку. Как знали, что капитан Черепанов сейчас именно там.

Иван Ефимович вовсе не хотел подслушивать, о чем эти двое говорили с капитаном. Да и не слышны со второй палубы были их голоса. Но вот густой бас Владимира Петровича до старпома иногда долетал.

«...Это речной теплоход, он не предназначен...»

«...Да как я вам это сделаю? Как вы себе представляете?..»

«...Вы не понимаете, товарищи...»

«...Все так серьезно? ЧП? Ах, даже катастрофа?..»

«...А что с пароходством? Согласовали?..»

Потом капитанский рык стал тише, и слов уже было не разобрать. То ли его попросили понизить тон, то ли он сам решил, что предмет разговора не стоит доносить до ушей экипажа.

Вскоре он вышел, недовольный, багровый, но притихший.

– Я в партком. Вызывают. – Он стрельнул глазами в одного из визитеров. – Ефимыч, за главного.

Вернулся он злым и молчаливым. Поймал вопросительный взгляд старпома и отмахнулся:

– Потом, Ефимыч.

– В рейс-то идем? В Каргасок?

– Да, с составом. Четыре баржи гравия. Утром выходим.

Иван Ефимович кивнул, решив, что капитан все расскажет, когда сочтет нужным. Но тот остановился и добавил:

– Организуй каюту, у нас два пассажира. И еще. Скажи Копейкину, чтобы проверил буксирный трос. Должен быть готов к работе.

Пассажирами, конечно, оказались те двое, что наведывались на теплоход еще днем. Они поднялись на борт вечером, все такие же неприметные и скромно одетые, с совершенно одинаковыми чемоданами. На ужин не вышли – повариха принесла им еду в каюту.

И лишь поздно вечером, когда Иван Ефимович курил последнюю перед рейсом папиросу на корме, к нему подошел один из них.

– Не возражаете, Иван Ефимович? – поинтересовался он, вставая рядом и опираясь ладонями на фальшборт.

Старпом пожал плечами и слегка подвинулся.

– Меня зовут Петроченко, Николай Иванович, – представился пассажир. – Могу показать удостоверение, но, полагаю, это лишнее.

Иван Ефимович опять промолчал. И лишь мысленно попытался угадать звание собеседника. Судя по возрасту и манере держаться, майор или полковник. Впрочем, порядки в той организации, которую представлял Петроченко, могли и измениться с тех пор, как Иван Ефимович сталкивался с ней в последний раз.

– Сегодня у нас был разговор с вашим капитаном, Владимиром Петровичем. Беседовали в кабинете начальника речпорта в присутствии товарищей из парт-организации. Черепанов дал согласие на участие теплохода в одном важном мероприятии.

– И что за мероприятие? – поинтересовался Иван Ефимович.

– Об этом вы узнаете позже. Или не узнаете. Мы настоятельно рекомендовали Владимиру Петровичу не брать вас в этот рейс, оставить в Томске.

– Что?! – на этот раз Иван Ефимович действительно удивился.

– Для вашего же блага, – поспешно заверил майор или полковник.

– И что ответил Черепанов?

Комитетчик вздохнул:

– Он сказал, что «ОТ-2010» либо идет с вами, либо не пойдет вообще.

Иван Ефимович помолчал, переваривая информацию. Папироса горчила, и он щелчком пальцев отправил ее за борт. Красная искорка прочертила дугу и исчезла в темной воде Томи.

– И зачем вы мне это рассказываете?

– Мне кажется, Иван Ефимович, вы могли бы и сами отказаться от участия в рейсе. По собственному, так сказать, желанию.

– С чего вдруг?

– Дело в том, что по пути в Каргасок теплоход сделает остановку. Думаю, на несколько суток. В Колпашево.

– Колпашево?

Сердце, казалось, пропустило удар. Конечно, нельзя работать на Оби и миновать Колпашево. Но всякий раз проходя мимо, вглядываясь в излучину реки, ему хотелось надеяться, что этого места больше не существует. Что Колпашево оказалось страшной сказкой, кошмаром далеких лет, который ему всего лишь приснился.

24 сентября 1937 года, поселок Колпашево, Нарымский округ

Пароход подходил все ближе, и Иван жадно вглядывался в очертания поселка, который теперь должен стать его домом. Крутые берега, подмываемые Обью, глиняные откосы, чахлые кусты, уже пришибленные осенними морозами – и домишки. Буро-коричневые, сплошь деревянные, наклепанные над рекой, как птичьи гнезда, грязные, беспорядочные, унылые. Глазу не за что зацепиться – серая влажная плоть реки, серый клочковатый ватин неба и втиснутое между ними глинистое недоразумение, в котором почему-то живут люди.

В котором теперь будет жить и он.

Почему же он здесь? Почему не в Томске, с семьей?

Иван вспомнил бревенчатый дом на окраине города. Черемухи под окном. Высокие зеленые ворота, на которые вечно залазили кошки. Скрипучие сени с запахами засушенных с лета трав. Вспомнил, как вся семья собиралась за ужином – большой кастрюлей картошки, сладковатой, перемороженной, но как же хорошо, если эта картошка была.

У Ивана и братьев было право сидеть за общим столом в комнате. А вот женам и детям места не хватало – и они ждали на кухне. Ждали, когда в комнате поедят и принесут им. Кроме братьев за главным столом сидели дядя Гриша, худой, морщинистый, со спитым лицом и водянистыми глазами, дядя Миша, толстый, одышливый, трясущий щеками-брылями, и конечно, Дед.

Иван не знал отца. От матери остались лишь смутные детские воспоминания или, скорее, ощущения. Но Дед был всегда – суровый, негиббемый, держащий власть в семье стальной хваткой. И не дай бог было кому-то прогневать Деда и получить от него ложкой по лбу – такой удар мог свалить и взрослого мужика.

Чем он, младший, тщедушный Ванька, не пошедший в Деда ни статями, ни характером, мог помочь семье прокормиться? Все друзья детства, с которыми они когда-то гоняли

по переулку, оказались в могилах или в лагерях либо готовились туда отправиться. Остался Витька, весь синий от наколок, водившийся с местными медвежатниками и шниферами. Да еще Антоха, который когда-то учил Ваньку резаться в ножички, а нынче ловко орудовал остро заточенной «бабочкой» и собирал молодежь, чтобы подмять под себя весь Мухин Бугор.

Ивана же никогда не привлекала воровская романтика. Он потыкался по городским заводам – сходил на соседнюю «Красную Звезду», Дрозавод, Лесозавод, на южные кирпичные заводы и даже на городскую бойню, но понял, что не возьмут. Город хирел, работы не было. И тогда кто-то посоветовал ему пойти в Дзержинку. Там людей не хватало.

Курсы подготовки промелькнули быстро, потом была стажировка – он даже носил в дом какие-то деньги и все до копейки отдавал Деду. А после грянуло распределение – и где-то в Новосибирске решили, что он, Иван, будет служить не в родном городе, а в поселке в трехстах верстах ниже по течению Оби. В Колпашево.

Семья осталась в Томске, с Дедом. Тащить их было некуда, Ивану самому нужно было обжиться на новом месте и хоть как-то встать на ноги. Он даже не плакал, прощаясь. Лишь после, когда редкие огни города скрылись в речном зябком тумане, на глаза навернулись слезы. Наверняка от стылого осеннего ветра, предвещавшего скорые сибирские холода.

Иван поднялся по деревянной лестнице, скользкой от глины. Площадь над пристанью была полна народу – пароход встречал чуть ли не весь поселок. Он смотрел на лица колпашевцев – мрачные, землистые, с глазами, будто спрятанными под шапками – и не мог представить, что он сам может стать таким же. Веселились только дети – они носились в толпе, одетые в безразмерные пальтишки и старые отцовские кепки.

И вдруг, ощупывая взглядом одинаковые хмурые физиономии, Иван наткнулся совсем на другое лицо – светлое, задорное и веселое. Белобрысый парень широко улыбнулся, шагнул к нему и протянул руку:

– Александр. А ты, как я понимаю, Иван.

– Да... А откуда...

Александр с заговорщическим видом подмигнул:

– Работа такая – все знать. – И тут же рассмеялся: – Да ладно, не напрягайся. Карточку твою видел в личном деле. Послали тебя встретить. Пошли в контору. Вещей много?

Иван мотнул головой и подхватил свой неказистый чемоданчик.

– Далеко идти?

– Да ну, ты что. Это ж Колпашево, тут все рядом. Вон там, за углом, широкая улица – видишь? Это Стаханова. А по ней пару шагов до Дзержинского, и там, на углу, наш городок. Поселим тебя сначала там, в общежитии. Ну а потом – сам выберешь дом. Любой.

И он вновь подмигнул, будто призывая оценить шутку. Иван ради приличия улыбнулся.

Знакомство с новым начальником не задалось. В просторном, но захлавленном кабинете Ивана встретил лысый человек с неподвижным, будто парализованным лицом и внимательными глазами. Он не стал представляться, но Александр еще по дороге рассказал, что всех новичков первым делом смотрит сам Николай Иванович Кох, главный инспектор колпашевского спецотдела, царь и бог для обитателей городка на углу Стаханова и Дзержинского, а то и всего округа.

– Что умеешь? – быстро спросил Кох, закончив разглядывать прибывшего.

– Наружное наблюдение, учет, регистрация и контроль, борьба с германской разведкой, – начал перечислять Иван сданные дисциплины.

Кох поморщился и дернул рукой. Иван замолк.

– Наган в руках держал?

– Н-нет...

– Плохо. Сейчас научим.

Он достал пистолет, открыл барабан, вставил патроны и защелкнул застёжку.

– Все просто. Вводишь курок, целишься, жмешь крючок. Понятно?

Иван повторил те же действия и кивнул.

– Отлично, – Кох растянул губы в улыбке. – А теперь пойдем.

Они прошли по этажу и спустились вниз, к ряду железных дверей со смотровыми окошками. Кох заглянул в одно из них, отпер дверь и вошел.

В камере воняло потом и мочой. На голой шконке сидели двое – бородатый мужик в крестьянской одежде и парень в линялой гимнастерке. Они едва успели поднять головы, как Кох от самой двери, не целясь, уложил бородатого.

Иван замер, оглушенный.

В мгновение тишины, последовавшей за выстрелом, бородач обмяк и повалился назад, на железные прутья кровати. Пуля вошла ему четко в середину лба.

– Стреляй, – приказал Кох.

Иван поднял пистолет.

– Ну, давай. Как учил.

Молодой парень вскочил, бросился в угол камеры и забился там в истерике.

– Ну же! – крикнул Кох.

Заклоченный кричал почти по-звериному, закрывая голову ладонями и пытаясь вжаться, втиснуться в угол.

– Да стреляй же, твою мать!

Ивану казалось, что еще чуть-чуть – и он сам потеряет сознание. Рука, держащая наган, онемела – он не чувствовал ни крючка, ни пальца.

Кох сплюнул и выстрелил сам. Крик прекратился.

Обратно шли молча.

– Двое в пятой, – бросил Кох охраннику в конце коридора. – Прибери.

1 мая 1979 года, город Колпашево, Томская область

Еще не дойдя до кабинета, Нина Павловна нос к носу столкнулась с Ушковым. Судмед-эксперт выглядел задумчивым.

– Как там наш труп? – спросила Нина Павловна. – Вскрыли?

– Какой труп? – Ушков озадаченно почесал голову.

– Ну тот, вчерашний. Которого мы из воды вытащили в Песках.

Он развел руками:

– Так нет его уже, этого трупа.

– Как нет? Куда делся?

– Исчез. Прихожу утром проводить вскрытие – и нет его. Спросил у Сан Саныча, тот не в курсе, никаких распоряжений не давал. Записей в журнале тоже никаких, что совсем странно.

– Может быть, КГБ?

Ушков пожал плечами:

– Наверное. Если не они, то останется предположить, что труп сам встал и ушел.

Не смешно. Нина Павловна вошла в кабинет и сразу же набрала горпрокуратуру. Удивительно, но Вадим Миронович был на работе, несмотря на праздник. Она рассказала про казус с пропавшим трупом и попросила справиться в КГБ, не забирали ли его они. Тот пообещал уточнить.

Уточнить... КГБ, как известно, справок не дает, но прокуратуре могут и ответить. Нина Павловна достала папку с документами, твердо решив заняться делом и плотно поработать. Но остановилась, едва коснувшись веревочных тесемок. Мысли были заняты другим. Тем, что

творилось там, на углу Ленина и Дзержинского. Там, где берег обрывался и круто уходил в реку. Там, куда она не пошла вчера. Но ей, черт возьми, надо наконец пойти и увидеть все собственными глазами.

Повернув на Ленина, она удивилась обилию людей. Конечно, на первомайскую демонстрацию вышел почти весь город, но сейчас, когда марши и лозунги отгремели, а трибуны перед горисполкомом начали разбирать, толпа не редела.

И лица. Обычно после демонстраций встречаешь совсем другие лица – веселые и чуть хмельные, даже у тех, кто не пил. Сейчас же горожане казались мрачными, испуганными и целеустремленными. И все, все до единого, шли в одном направлении.

Туда же, куда и она.

Оцепление. Ну конечно, всех ребят сегодня вытащили, но милиции не хватило, и где-то синяя форма разбавлялась штатскими рубашками и куртками, на рукавах которых краснели повязки дружинников. А там, дальше, уже строили забор, строили наспех, сколачивая из обычных досок. И отдельной стопкой лежали заготовленные для развешивания объявления: «Опасная зона!»

А люди все подходили. Сзади напирали. И чем ближе к оцеплению, тем плотнее становилась толпа. Нина Павловна искала глазами знакомые лица среди милиционеров, нашла парня, который мелькал у них на Кирова, но тот ее не признал. Пришлось показывать корочку, как чужой.

– Вы осторожнее там, у края, – предупредили ее дружинники, пропуская за оцепление, – осыпается.

Она и не собиралась рисковать. Здесь берег высокий, до реки – метров пятнадцать, если сорваться вниз – это как с пятиэтажки хлопнуться. Но любопытство брало верх. Аккуратно, маленькими шажочками, она подошла к кромке обрыва и заглянула за нее.

Конечно, ей все рассказали – те, кто побывал здесь вчера. Она была уверена, что шока не будет, что она взрослая женщина, многое повидавшая, а вовсе не впечатлительная юная особа. Но к такому она все-таки готова не была.

Объ в этом месте подмывала берег снизу, и в этот раз в реку сошел большой земляной пласт, обнажив все уровни почвы, будто коржи гигантского слоеного пирога. Только вот пирог этот был с человечиной.

Сверху примерно на метр все было укрыто землей, потом проглядывала полоса извести, а дальше – трупы. Изломанные, сплюснутые, спрессованные друг с другом человеческие тела, слой за слоем, слой за слоем, разделенные тонкими участками дерна и извести. Их было много, очень много, слишком много для Колпашево – сотни, а то и тысячи безымянных мертвецов, чью гигантскую могилу потревожила река. И если верхние покойники почти истлели, оставив лишь кости и черепа, то чем ниже к воде, чем глубже в песчаный берег, тем лучше сохранились тела. Объ обнажила не скелеты, а людей, мертвых людей с застывшими растопыренными пальцами, согнутыми локтями и даже лицами, сохранившими мимику и эмоции. И на всех этих лицах отражалось одно и то же – бесконечный, инфернальный ужас.

Часть могильника уже обрушилась, и внизу, у кромки воды, образовалась глинисто-песчаная груда, из которой торчали обломки, кости, руки, ноги, старые валенки, рукава, штанины и просто обрывки ткани.

– Феденька! Феденька! – заголосил вдруг где-то сзади надтреснутый старушечий голос. – Вон там мой Феденька! Люди, смотрите! Что ж это такое!.. Заплата вон там у него, заплатка! Я же сама ее пришивала, сама! Сорок лет назад, но помню! Все помню!..

Причитания резко прекратились. Наверное, старушку увели. Точнее, «приняли». Нина Павловна поморщилась – слишком неуместен был профессиональный жаргон здесь и сейчас,

когда она смотрела на могильник, не в силах отвести взгляд. И ей казалось, что лица, мертвые лица, тоже смотрят на нее.

За плечо тронули. Она вздрогнула всем телом и быстро обернулась. Сзади стоял сержант Григорьев.

– Нина Павловна, – сказал он, – нужно ехать. Срочно вызывают. В горком партии.

Добирались долго. Лавировали между людьми, запрудившими улицы. А сирену Григорьев то ли не додумался включить, то ли просто не решился. Так что начало речи Шутова – первого секретаря городского комитета КПСС – они не услышали. Но все и так было понятно.

– Таким образом, товарищи, необходимо тщательно довести до населения, что в найденном захоронении трупы принадлежат военным дезертирам, скрывавшимся в наших краях во время Великой Отечественной...

Григорьев, внимательно слушавший выступающего, тряхнул головой, как обескураженный пес.

– Откуда столько дезертиров? – прошептал он в ухо Нине Павловне. – Их же там больше, чем все население Колпашево во время войны!

Она шикнула на него, чтобы не мешал слушать.

– Оснований для паники нет, товарищи, – продолжали вещать со сцены. – В сложившейся ситуации всем вам, нашему партийно-хозяйственному активу, необходимо сохранять спокойствие и успокаивать население. Пресекать слухи и авторитетно заявлять о расстрелянных дезертирах...

– Ну какие, какие дезертиры?! – Григорьев вновь не удержался и зашептал. – Вы же видели, Нина Павловна! Там женщины, видели? Там даже детские трупы есть!

– Близо к обрыву не подходить, есть вероятность дальнейшего обрушения. Для предотвращения этого мы предприняли ряд действий, направленных на изоляцию данного места. Также хотелось бы отметить, что входить в контакт с трупами запрещается. Есть, так сказать, опасность заражения. Санэпидемстанция проинформирована, готовят дезинфекцию.

Оратор потянулся к графину с водой, налил половину стакана и выпил.

– Есть ли вопросы, товарищи?

Зал безмолвствовал. Вопросов, конечно, ни у кого не оказалось.

Расходились тоже молча. «Как на похоронах», – подумала Нина Павловна и передернулась от сравнения.

Уже выйдя на улицу, она заметила Вадима Мироновича и подошла к нему, поздоровалась.

– Как там запрос по нашему трупу? – спросила она. – Ответили что-нибудь в Комитете?

– Да, ответили, – кивнул прокурор. – КГБ про ваш труп не в курсе, никаких изъятий не делали. Да и вообще им сейчас некогда отдельными трупами заниматься, когда весь город на ушах...

Григорьев, стоявший рядом, попробовал пошутить:

– Значит, наш таки сбежал?

Нина Павловна веселье не поддержала, Вадим Миронович тоже промолчал и сухо попросился. Григорьев же как будто ничего не заметил.

– Ну что, едем? – спросил он. – На Кирова?

В машине ожила рация. Из отделения передали, что опять поступают сообщения о ходячих трупах. Григорьев перешучивался с дежурным, а Нина Павловна ехала, размышляя о том, что массовый психоз в такой ситуации совсем не удивителен.

Погрузившись в свои мысли, она чуть не пропустила действительно важное сообщение.

– Найден мертвым в своем доме? – переспрашивал Григорьев. – Воробьев? Кто это?

Нина Павловна вдруг вспомнила. Дом, кресло-качалка, рассада на подоконнике. И старик в очках с толстыми линзами.

– Я знаю, кто это, – сказала она.

11 мая 1979 года, город Колпашево, Томская область

Крепились долго. На берегу заранее вкопали в землю «мертвяк», большое бревно, к которому привязали канат. А уже за него зацепили буксирный трос с теплохода.

Копейкин посмотрел на эту конструкцию, покачал головой и вынес вердикт: «Лопнет».

Так и случилось. Стоило «ОТ-2010» дать полный ход, как трос повело в сторону, да так сильно, что сверху, на берегу, снесло забор, огораживающий территорию. И всем вдруг стало очевидно, что надежды удержать большой «двухтысячник» перпендикулярно такому течению реки всего одним тросом не оправдались.

Пару минут теплоход балансировал, как гигантский налим на туго натянутой леске, а потом со звонким треском трос лопнул. Махину понесло по течению, а наверху, в рубке, Черепанов матерился так громко, что, наверное, было слышно даже на берегу.

– Ефимыч, ты какого хера стоишь там?! Уснул?! – крикнул он старпому, высунувшись из рубки.

Иван Ефимович и в самом деле пребывал в странном состоянии. Внутри как будто все оцепенело, замерло, мешало двигаться и действовать. Еще вечером, когда они поставили баржи на якорь у Колпашево, а сами двинулись к пристани, он будто стал чужим сам себе. А сейчас им сказали крепиться напротив того самого места.

Над рекой поднимался высокий обрыв, который он хотел забыть, но, конечно, не смог. И пусть наверху все поменялось, пусть Обь отождрала у города десятки метров, пусть не высился там деревянный дом с забором, колючей проволокой и сторожевыми вышками, место было то самое.

Прав оказался Петроченко. Надо было остаться в Томске.

К ночи подогнали еще один буксир, поменьше, всего лишь «восьмисотый», который тоже зачалили к берегу. С его помощью организовали вторую точку крепления – трос зафиксировали на носу «ОТ-2010», так чтобы Обь не сносила его по течению.

Теплоход подошел вплотную к яру, кормовые прожекторы ударили в оголенный срез обрыва – и тут Иван Ефимович увидел все в мельчайших деталях. Хотелось закрыть глаза. Хотелось проснуться. Хотелось рухнуть на колени и заплакать. Но он стоял и смотрел.

Дизеля взревели и дали полный ход. Туша теплохода содрогнулась, винты загребли обские воды, и мощная струя ударила под песчаный обрыв.

Сначала не происходило ничего. Но потом нижний слой, из-под которого отбойной волной вымывало песок и талый грунт, стал обваливаться. Полетели в воду мерзлые глыбы, а вслед за ними – первые трупы. Одиночные и сцепленные, в одежде и почти голые, они падали в воду, всплывали, и водовороты волн захватывали их, кружа в медленном танце. А потом, после второго, третьего, четвертого круга, людские тела затягивало, наконец, в винты теплоходов, которые перемалывали их, как в гигантской мясорубке, выплевывая на поверхность мириады пузырьков, лоскуты одежды и куски, обломки, ошметки того, что когда-то было людьми.

Из-за рева машин и грохота винтов было не слышно, как подошел Петроченко – тот самый то ли майор, то ли полковник. Иван Ефимович повернулся к нему, раздвинул онемевшие губы:

– Вы же говорили, это всего лишь санитарная операция?

Петроченко кивнул:

– Да. А что это, по-вашему?

– Вы же уничтожаете... Вы убиваете их повторно.

Петроченко пристально посмотрел в глаза старпому. Долго, не отводя взгляда.

– Это и есть санитарная операция. Мы всего лишь убираем за вами, Иван Ефимович.

Обвалился очередной пласт, обнажив новые темные прямоугольники. Иван Ефимович посмотрел вверх. Будут еще. Он знал, что за ними появятся другие ямы, заполненные мертвецами. А потом – новые и новые.

Из воды, как поплавок, вынырнул один из трупов. Он был словно высушен и будто из-под пресса, но лицо – лицо сохранилось полностью. Густая темная шевелюра, белая – до сих пор белая! – рубаша и бледно-розовые, в аляповатый цветочек, подштанники.

Иван Ефимович зажмурился.

3 ноября 1937 года, поселок Колташево, Нарымский округ

Хотелось зажмуриться. Но Иван понимал, что нельзя. Не положено.

Промахи случаются. Особенно у новичков. Для того и выдают запасной патрон. Один запасной патрон на десять приговоренных. Один раз из десяти можно промахнуться.

Можно. Но как же трудно, когда человек, в которого ты стреляешь, вдруг все понимает. Он идет по дощатому настилу якобы в баню. Но там, в конце пути, никакой бани нет и никогда не было. Там только яма, яма с мертвецами. И вот ты стреляешь из укрытия, стреляешь близко, наверняка – и он умирает, так ничего и не поняв. А если промахнешься, если он обернется, если взглянет тебе в глаза...

Иван промахнулся. Человек на настиле вздрогнул, сгорбился и медленно, очень медленно стал оборачиваться. Густая черная шевелюра, ярко-белая рубашка, выделяющаяся в полумраке двора, и эти дурацкие розовые в цветочек подштанники. Наверное, их смастерила жена, перешила из старого платья или наволочек...

Иван оборвал эту мысль. Не думать, не думать о тех, кто по ту сторону прицела. Есть запасной патрон, и второй выстрел должен быть точным. Только бы он не закричал, только бы не заметался по двору – в таких попасть трудно. А еще один промах – и станет гораздо, во сто крат сложнее...

– А что, если я промахнусь дважды? – спросил Иван еще тогда, в первую неделю. Спросил у Сашки Карпова, того парня, что когда-то встречал его у парохода.

– А на этот случай, Ваня, есть особый порядок действий. Петля и мыло.

Иван затряс головой:

– Я не смогу...

– Сможешь. Патроны – штука ценная, и мы должны экономить их для нашей Родины, а не тратить на врагов народа и прочее отребье. Да не тушуйся, Ванька, – он толкнул его в плечо, – тебе даже понравится. Вот мы с ребятами как-то...

И он подробно, во всех скабрезных деталях рассказал, как они тренировались на молодой парочке влюбленных, которых привели на расстрел, но пообещали помиловать, если те на глазах у надзирателей совершат половой акт со связанными руками. Пара сделала все, что им приказывали, а сразу после обоим на шеи накинули петли и задушили.

Иван до сих пор ни разу не использовал петлю, хотя она была приготовлена. И сейчас, глядя на оборачивающегося мужика в розовых подштанниках, он мысленно молился, чтобы и в этот раз его пронесло.

Мужчина обернулся. Мужчина поднял глаза и увидел, откуда стреляли. Он все понял. Он не стал метаться или убегать, не стал плакать или просить пощады. Он выпрямился во весь рост и взглянул в лицо смерти, спокойный, гордый и даже величественный, несмотря на свои нелепые подштанники.

В этот раз Иван не промахнулся.

1 мая 1979 года, город Колташево, Томская область

Дом не изменился ничуть. Все те же ковры, сервант, хрусталь, телевизор, часы с кукушкой и кресло-качалка. Нина Павловна профессиональным взглядом пыталась найти отличия от картинки, которую сохранила память, – и не находила. Все осталось на своих местах – точно в таком же порядке, как и вчера, в их первый приезд.

Только место хозяина за столом пустовало. А с потолка тянулась петля. И старик, неподвижно висящий в ней, был больше похож не на человека, а на предмет. На неодушевленный пыльный мешок.

– Очки, – сержант Григорьев кивнул на повешенного.

Нина Павловна посмотрела в лицо старику. Да, он был в тех же очках с толстыми линзами, что и вчера.

– Кто же, собираясь вешаться, наденет очки? – спросил Григорьев.

Нина Павловна хмыкнула. Сержанту явно не терпелось чем-то заняться – они в доме уже час, а ничего не происходит.

– Сходи-ка опроси соседей. Может, кто что видел.

Фотограф закончил снимать. Тело сняли с веревки, но не удержали – и старик завалился на пол. Ушков достал перчатки, неторопливо надел их и присел на корточки у мертвеца.

Все молчали. За окном ходил от дома к дому Григорьев, стучась в соседские двери. Он лучезарно улыбался, будто на променаде в санатории, а не на выезде с трупом.

– Посмотрите-ка, товарищ следователь.

Нина Павловна присела к судмедэксперту. Он аккуратно повернул голову старика. Открылась морщинистая шея в синяках и с багровым следом от веревки. Хотелось поморщиться, отвести взгляд, но нельзя давать слабину. Такая уж это работа. И не думать, не думать о том, что еще вчера она прямо здесь разговаривала с этим человеком.

– Видите? – Ушков приложил свою ладонь к пятнам на шее. – Вот здесь – след от большого пальца, тут – средний, мизинец. Почти совпадает, да?

Нина Павловна неуверенно кивнула. Подняла взгляд на эксперта:

– Вы хотите сказать, что он был не повешен, а задушен? А потом его, уже мертвого, повесили? Инсценировка?

Ушков встал, стянул одну за другой перчатки и только после этого ответил:

– Я, товарищ следователь, пока ничего не хочу сказать. Сделаем вскрытие и все увидим.

– Хорошо. Тогда ждем, дело не закрываем.

Дверь хлопнула, и в дом почти ворвался Григорьев, возбужденный и довольный, как пес после прогулки.

– Есть свидетель!

Свидетелем оказалась сухонькая старушка из дома напротив. Родилась она, судя по всему, еще до революции, хотя точный возраст ее так и не смогли выяснить – сама она не помнила, а паспорт искала четверть часа, пока Нина Павловна не махнула рукой и не разрешила записать данные со слов.

– Так кого вы видели, Татьяна Михайловна?

– Кого-кого... Игната и видела. Пришел к Лешке, ходил-ходил вокруг дома...

– Игнат? Что за Игнат? И примерное время не помните?

Старушка сбилась, замолчала. Поскребла седые волосы.

– Ну как время... Ну вот как, значит, я суп-то поставила, в окошко гляну – ходит.

– Хорошо. Ходил у дома, а что потом произошло?

– Потом в окошко стучал к нему, Игнат-то. Стукнет-стукнет, ждет. Еще стукнет – опять ждет. А Лешка-то – он того... Ни гугу... Не открывает, не выходит.

– Так-так.

– Ну вот, значит. Потом я отвлеклась, суп подоспел... Да и больно уж долго стучал он, Игнат-то. Ну а потом слышу – вроде все, не стучит. Дверь открылась, закрылась. Ну и все...

– Больше ничего не видели? Как выходил?

– Нет, не видала. Чего не видала, того не видала, врать не буду.

– Татьяна Михайловна, а что вы про Игната этого знаете? Фамилия? Где живет?

– Фамилию-то помню. Ермошкины они. Точно Ермошкины. И Игнат, и жена его... Дай бог памяти... Марина вроде. Ну, она еще раньше его померла. А жили они...

– Стоп-стоп. Что значит, раньше его померла?

– Ну то и значит. Марина-то эта года за два до Игната преставилась. А Игната еще до войны забрали. Ну и... того... Расстреляли. Все знают. Старики-то, кто остался, все знают...

13 мая 1979 года, город Колпашево, Томская область

Мыли уже третьи сутки. Обрыв крошился, земляные комья падали и падали в реку, в береге образовалась уже целая бухта, куда смог бы поместиться весь теплоход, а трупы все не кончались.

Привели второй «двухтысячник», чтобы ускорить работу. Несколько раз буксиры срывало, тросы не выдерживали. Как выдерживали люди, Иван Ефимович не понимал.

Помогал спирт. Его стали выдавать сразу. А на второй день, когда куратор из Комитета заметил, что в рационе отсутствует мясо, на камбуз завезли свиные полутуши.

Иван Ефимович спирт в рот не брал, да и на мясо смотреть не хотелось. Даже когда ветер дул в другую сторону и запаха, идущего от могильника, не чувствовалось.

Впрочем, мясу не радовался никто. Особенно после того, как поварихе стало дурно и она в полузабытье выволокла на палубу и выкинула за борт еще не тронутую свиную полутушу. Та плюхнулась в реку и присоединилась к безмолвному танцу трупов в воде, увлекаемых течением от винтов и к винтам. Пока и ее не размолотило лопастями, выбросив на поверхность куски свинины вперемешку с кусками человечины.

В мясорубку под теплоходами попадали не все трупы. Многие, сделав несколько кругов между буксирами, вырывались на волю, попадая в течение Оби и уплывая куда-то дальше, на север. И когда Иван Ефимович выходил на палубу, он долго вглядывался в тела, пытаясь – и боясь – узнать кого-то еще.

Подошел Копейкин, встал рядом, достал беломорину и с наслаждением затянулся. Закашлялся, показал папиросой на уплывающие тела:

– По всей области разнесет, ей-богу, Ефимыч! Я тут в городе был, разговорился с местными.

– И что говорят?

– Да что... Говорят, трупы находят везде – в заводях, в кустах, на заливных лугах... В сетях вот. Один мужик с Каргаска сказал, что на налимов теперь долго не будут рыбачить – мимо них несло мертвецов, к которым налимы присосались, по несколько штук к каждому.

Копейкин перегнулся и сплюнул за борт. Качнул головой, поморщился:

– Дерьмовая работа у нас нынче, да, Ефимыч? Но тем ребятам в лодках еще херовее...

– В каких лодках?

– А вон, видишь? Цепью стоят.

Иван Ефимович пригляделся, напрягая все свое стариковское зрение. И вправду – ниже по течению виднелась цепь моторок с людьми.

– Зачем они?

– Так ловят. Этих, – он показал папироской на танцующих в воде мертвецов, – кто от нас уплыл. Им выдали багры, да железных чушек подвезли со «Вторчермета». Тащат этих из воды, привязывают к ним железяки и топят. Говорят, они мокрые, склизкие, в руках разваливаются, но топить надо... Та еще работенка.

– Бывает и хуже, – пробормотал Иван Ефимович.

25 февраля 1938 года, поселок Колпашево, Нарымский округ

– Работа есть для тебя, – Кох держал в руках листок серой бумаги. – Пришла шифрограмма из Новосибирска. Надо заготовить двадцать быков.

Иван недоумевающе воззрился на начальника, пытаясь понять, всерьез он или опять шутит. Но застывшее лицо Коха оставалось непроницаемым.

Зато Сашка Карпов понимающе ухмыльнулся.

– Делите, – бросил Кох. – Пятерых я возьму на себя, по пять – Сашке и Лехе, а еще пять быков – с тебя, Иван.

Он достал из шкафа толстые книги в самодельных переплетах и водрузил на стол. Посмотрел на непонимающего Ивана и пояснил:

– Здесь списки жителей всего округа, со сведениями. Выбирайте.

Только теперь до Ивана стало доходить, что речь идет не о крупном рогатом скоте и не о заготовках мяса. И мясокомбинатом, бойней и одновременно скотомогильником служит их организация. А заготавливать надо не говядину, а человечину.

Четверых он кое-как, мучаясь и сомневаясь, но нашел. Одного якобы видели при армии Колчака, другого характеризовали как кулака и противника коллективизации, еще двое – поляки, подозреваемые в шпионаже. Пятого же Иван, хоть тресни, не мог определить.

Сашка Карпов, легко справившийся со своей порцией, заглянул ему через плечо:

– Ну и чего тут думать? Бери Смирнова. Он директор школы, шибко грамотный, работал еще при прежней власти. По-любому в чем-то да виноват!

Тут Лешка Воробьев, доселе молчавший, поднял голову и неожиданно возразил:

– Смирнова? Михаила Георгиевича? Не надо его. Он хороший человек.

Карпов взвился:

– Чего ж в нем хорошего? Он меня на второй год оставлял, кровосос!

– Значит, так учился, – не сдавался Лешка. – А мне он помог. У меня, когда мать умерла, никого не осталось. А Михаил Георгиевич мне все сделал, понимаешь? И талоны на питание, и на работу устроил... Эх... Мировой мужик, не трогайте его! Дочки у него две...

– До-о-очки, – передразнил Карпов. – Ладно, Ваня, не тяни резину. Списки к утру нужны – если не сдашь, впишем директора школы. Дочки там или не дочки – разберутся...

Всю ночь Иван мучился, думал, перебирал фамилии и характеристики. В поселке он уже многих знал в лицо, и они, эти лица, вставали перед ним. Хотелось схватиться за спасительную мысль, что если он выберет невинного, то там, дальше – разберутся, расследуют, отпустят. Но он понимал, что ошибка – его ошибка – может стоить кому-то жизни.

Утром он сдал список, включив в него незнакомого священника из соседнего поселка Тогур. Доносов на того не было, но поп есть поп, как любил говорить Карпов. Разберутся и отпустят. Наверное.

Кох хмуро взглянул на фамилии, забрал листочки и помахал перед ними еще одной шифрограммой.

– К восьми утра завтра – с нас еще двадцать быков.

Иван охнул. Кох вопросительно посмотрел на него.

– Николай Иванович, так где ж их взять-то?

Кох перевел взгляд на Сашку:

– Карпов, объясни товарищу.

– В настоящий момент ведется проработка контрреволюционной националистической организации, созданной по заданию японской разведки, – отрапортовал он.

Кох поморщился:

– Хватит уже японцев, наелись. Что там у нас еще?

– Готовимся к раскрытию эсэро-монархической повстанческой террористической организации, действующей на территории Нарымского округа.

– Неплохо, – Кох щелкнул пальцами. – Работайте.

Хуже всего было в «расстрельные» дни. Когда приходила баржа с новыми заключенными, собранными со всего округа и даже дальних городов области – Новосибирска, Томска, Кемерово и Сталинска. И здесь, во дворе тюрьмы, приговоренные шли один за другим, как на конвейере, ступая по доскам, заскорузлым от вьёвшейся крови. Иван не смотрел на них. Он видел одни лишь затылки. Он целился в затылки. Он не хотел никого узнать.

И лишь после, когда приходилось спихивать в яму тех, кто не упал в нее сам, когда свежую партию нужно было поливать известкой и закидывать землей, он невольно видел. Видел Михаила Георгиевича, школьного директора, которого так хотел спасти Лешка. Видел начальника пристани, у которого в гостях он совсем недавно пил чай с сушками. Видел знакомых и почти знакомых. Видел женщин. Видел подростков. Видел детей.

– Николай Иванович, но почему женщины? Почему мы расстреливаем и их?

На каменном лице Коха невозможно было что-то прочесть. Лишь глаза наполнились укоризной.

– А что, Фанни Каплан, которая стреляла в Ленина, была мужчиной? Или заслуживала снисхождения из-за своего пола?

Иван потупился. Вопрос действительно был глупым. Однако его мучило и другое.

– А как же дети? Почему дети?

На сей раз скулы начальника дрогнули. Его гипсовое лицо как будто вдруг пошло трещинами. Деформировалось, исказилось. Не сожалением. Не состраданием. Ненавистью.

– Почему дети? – рыкнул Кох. – А ты сам, Ванька, не понимаешь? Не понимаешь почему? Чему тебя там вообще учили, в этом твоём Томске?

Сашка Карпов замер. Лешка Воробьев вжал голову в плечи. Лишь Иван набрал воздуха в грудь, чтобы что-то ответить, но не успел. Кох продолжил гневную тираду:

– Это же звереныши! Ублюдки! Драконье семя! Оставишь детей – детей врагов народа – и они вырастут. Они начнут мстить за отцов и матерей. Не-е-ет. Нет, Ванька! Нужно очистить! Нужно выжечь все, выжечь под корень! Чтобы потом – потом – нормально строить светлое будущее!

Начальственный голос отгремел, и стало тихо. Каждый боялся пошевелиться.

– Вопросы? – Гипсовая маска вновь вернулась на лицо Коха. – Нет вопросов? Работаем. Он вышел. Тоскливо стучали ходики на несгораемом шкафу с документами.

Первым подал голос Карпов:

– А он прав. Во всем прав. Мы сейчас эти, как их... Ассенизаторы! Говномесы то есть. Расчистим все говно – и заживем нормально.

Он уселся расслабленно, заложив ногу на ногу. Улыбнулся мечтательно:

– Я вот в лес уйду. Справлю избу где-нибудь и начну жить нормально, охотой. Я ведь и на лыжах хорошо умею, даже соревнования выигрывал – вон Леха подтвердит. И белку бью влет, и соболя... Могу – ей-богу – сесть на пенек, взять вот такую палку, один конец на землю, второй – себе на грудь. И засвистеть по-особому. Бурундуки слышат и бегут по мне. Ползут по палке к самому лицу, а я их ловлю. Петелькой такой хитрой, из конского волоса...

Он засвистел, показывая. Молодцевато тряхнул светлым чубом.

– А ты, Лешка, что будешь делать после?

Воробьев вздохнул, поправил очки с толстыми линзами. Иван подумал, что он отмолчится, но того, видимо, тоже потянуло на откровения:

– А я пойду в сельскохозяйственный учиться. В Новосибирске недавно открылся. Стану селекционером, как Вавилов, буду новые сорта выводить. А если нет... То хотя бы рассаду...

Карпов хихикнул. Леха покраснел, но продолжил:

– А что такого? Мамка научила... Любила она это дело... Справлю дом, огород обязательно. Куплю себе кресло-качалку, заживу нормально...

– Кресло-качалку? – Карпов уже не мог сдержать смеха. – Кресло-качалку, вот умора!

2 мая 1979 года, город Колпашево, Томская область

Трупы. И звонки. Опять трупы. Звонки о трупах. Этот май точно запомнится всему личному составу колпашевской милиции трупами и звонками.

– Нина Павловна, еще звонок!

Ей вдруг остро, нестерпимо, до боли в висках захотелось наорать на дежурного. Просто наорать, истерично, по-бабски, взалхлеб. Но товарищ следователь лишь устало повернулась к пареньку у телефона.

– Шульгин, я же говорила. Уточняешь, есть ли дырка в задней части черепа. Если есть – фиксируем место обнаружения, сообщаем дружинникам, те разбираются. Если мы будем выезжать на каждый...

– Нет-нет, – дежурный мотнул головой, – тут другое...

Нина Павловна приняла трубку:

– Слушаю.

– Мне... нужна... помощь...

От голоса веяло даже не страхом, а жутью. Холодной, отчаянной жутью. Как будто звонили не из дома, даже не из могилы, а чуть ли не из ада.

– Что случилось?

– Они... пришли... Они... лезут ко мне... Стучали в дверь... Весь день стучали в дверь... А теперь – в окна... Заглядывают прямо в окна...

– Кто – они?

Звонивший замолчал. И от этой тишины кожу Нины Павловны – от спины до шеи – продрало морозом.

– Диктуйте адрес. Выезжаем.

Она передала трубку дежурному – аккуратно, двумя пальцами, как ядовитую змею.

Уже на выходе она столкнулась с Ушковым.

– Как там наш вчерашний? Этого хоть вскрыли, не убежал?

– Вскрыли, Нина Павловна.

– И что? Как результаты? Самоубийство?

Ушков покачал головой.

– Результаты странные, но однозначные. На шее – не только травмы от веревки, но и... Помните, те синяки? Так вот, это частичное обморожение тканей. Как будто его жидким азотом хватали.

Нина Павловна замерла.

– Так смерть от обморожения? Или удушения?

– Ни то ни другое. Причина смерти – нарушение целостности миокарда в результате острого инфаркта. Разрыв сердца, проще говоря. Сильный испуг.

14 мая 1979 года, город Колпашево, Томская область

На корме, у самого борта, рядом с буксировочным тросом, стояли двое. Женщина – кажется, молодая, хотя со спины не разобрать. И девочка лет, наверное, четырех или пяти.

Иван Ефимович дернулся, как от зубной боли. Поднялся в рубку, толкнул дверь.

– Свечников! Что за бардак на судне?

Вахтенный поднял опухшее от недосыпа лицо:

– А что такое?

– Пассажиры на корме. Метр от троса, ни касок, ни хера! Тебя кто технике безопасности учил? Сорвет опять – и что? Под суд пойдешь?!

Свечников хмыкнул и выскочил за дверь. Заглянул капитан:

– Ефимыч, ты чего разбушевался?

– Грубое нарушение техники безопасности, Владимир Петрович. Мама с дочкой рядом с тросом.

– Какие еще, на хер, мама с дочкой?! На борту? Кто разрешил?

Рядом мгновенно появился Петроченко, куратор от КГБ. Капитан стрельнул на него глазами:

– Ваши?

Тот покачал головой. И пристально посмотрел на Ивана Ефимовича.

Вечером старпом поймал такой же взгляд и от капитана.

– Разобрались с пассажирами, Владимир Петрович?

Черепанов вздохнул:

– Свечников все перевернул – никого.

– Не нашли?

– Никого на борт не пускали. Да и откуда им взяться – посреди Оби. Разве что из этих...

Он кивнул за борт. Кто такие «эти», было понятно и так. Другими словами мертвецов, танцующих в воде между буксирами, не называли.

– Завязывал бы ты со спиртом, Ефимыч.

– Я не пью, Владимир Петрович.

Сон не шел, хотя вахта кончилась час назад, и Иван Ефимович просто валился от усталости. Но дошел до койки – и ни в одном глазу.

Рык дизелей из машинного отделения всегда успокаивал. Но не в этот раз. Иван Ефимович лежал и помимо воли прислушивался. Потому что сквозь ровный шум двигателей пробивалось что-то еще.

Шаги. Шаги за переборкой каюты. Взрослые, но легкие. И еще одни. Совсем детские, частые.

Капитан прав. И если женщину с берега теоретически мог притащить кто-то из команды, такие случаи бывали, то ребенку на борту делать нечего. Это не пассажирский теплоход, а рабочий буксир.

Но ведь кто-то ходит прямо сейчас, там, на палубе. Шаги приблизились и притихли. Теперь они совсем рядом, за стенкой. Тихий-тихий скрежет. Скребутся в окно? Или он засыпает и ему только чудится?

Стук. Легкий, но явственный. Настоящий стук в окно.

Иван Ефимович встал. Прокрался к стеклу. Выглянул.

Никого.

А шаги уже с другой стороны – у двери. Все те же – легкие взрослые и быстрые детские. Подошли. Остановились. Ждут.

Он шагнул к двери и распахнул ее настежь.

И снова никого.

Прямо за дверью – никого. Но там, дальше, на палубе, они все-таки стояли. Стояли спиной к нему, держась за поручни и смотря куда-то за горизонт. Женщина, молодая, с короткой и небрежной мальчишеской стрижкой. И девочка. Да, совсем маленькая, и пяти нет, наверное.

Женщина как будто не заметила ничего и продолжала смотреть вдаль. А девочка – то ли услышала, то ли поняла, то ли как-то почувствовала, что Иван Ефимович открыл дверь. И медленно-медленно, как во сне, стала оборачиваться на него.

12 сентября 1938 года, поселок Колпашево, Нарымский округ

День начался как обычно. Ведро, тряпка, хлорка и десять метров досок, пропитанных кровью. Доски должны быть чистыми, чтобы те, кто по ним идут, думали, что это действительно путь в баню.

Но запахи. Все портили запахи. Запах крови, которой пропиталось все вокруг. И трупный смрад, которым несло из ям. Их было не перебить – ни хлоркой, ни карболкой, ни тем, что после каждой партии ямы присыпали известью и землей.

Что думают те, кто идут по этим доскам, насквозь пропитанным кровью, идут к смердящим ямам, заполненным во много слоев свежей, протухшей и совсем уже гнилой человечиной?

Потом была партия. Обычная, самая стандартная партия в десять человек. И одиннадцать патронов.

Бритые затылки. Одни лишь бритые затылки в прицеле. Он – рабочий на конвейере, по которому двигаются детали, заготовки для наполнителя ям. Он должен делать свою работу. И делать ее качественно.

На четвертом по счету затылке произошел сбой. Производственный брак. То ли Иван немного отвлекся, то ли осужденный невпопад дернулся, но пуля не попала в голову, а лишь чиркнула по уху, раскрывавив всю раковину.

Он остановился, обернулся и крикнул: «Мама!» И Иван вдруг понял, что это парень лет пятнадцати, совсем еще ребенок, с яркими, совсем не в цвет сентябрьского неба, голубыми глазами.

На него и ушел запасной патрон.

Пятый, шестой, седьмой и восьмой номера прошли без осечек и промахов. А девятый и десятый вышли вдвоем.

Молодая женщина. Несуразная, худая, неровно бритая под мальчика и одетая в какие-то тюремные обноски. И ее дочка. Лет четырех или пяти, тоже одета в не пойми что и худая настолько, что идти сама, не держась за руку мамы, она не могла.

Потому и пустили их вдвоем, а не как обычно.

Иван замер от неожиданности. Потом встряхнулся, привычно взял затылок в прицел и снова задумался.

В кого стрелять раньше? В девочку – и мама осознает, что дочь мертва? Или в женщину – и тогда она умрет на глазах у ребенка?

Три секунды. Всплыло из учеббы: минимальное время между выстрелами – три секунды. Плюс прицелиться...

А они все шли, взявшись за руки. И уже – уже сделали пять лишних шагов. А каждый шаг увеличивает дистанцию и шанс промахнуться. И запасной патрон истрачен. Если что – придется душить. Эту тонкую женскую шею или детскую цыплячью – собственными руками.

Руками, которые вот-вот начнут дрожать.

Все. Больше медлить нельзя – ни единого мига. Он взял в прицел женщину и нажал спусковой крючок.

Точно. Она упала на доски.

А девочка... Девочка, трясая мамину мертвую руку, медленно, почти как во сне, стала оборачиваться на Ивана.

2 мая 1979 года, город Колпашево, Томская область

– Карпов, Александр Данилович, – продиктовала Нина Павловна сержанту, старательно заполняющему бланк.

Мужчина, сидящий напротив, был крепким, моложавым пенсионером. И дом у него был под стать хозяину – крепкий и надежный. Медвежья шкура вместо ковра, ружье на стене.

– Вы охотник, Александр Данилович?

– Да, с детства хожу. Медведь, волк, рысь. Ну, понятно, лисы-зайцы всякие. Бурундуков вот даже умею по-особому приманивать, свистом...

– Ясно. Так кто к вам стучал-то?

Лицо пенсионера мгновенно посерело, от улыбки не осталось и следа.

– Мертвецы, – прошептал он севшим голосом.

Нина Павловна подняла бровь.

– Я понимаю, звучит глупо, – пенсионер заговорил быстрее, словно опасаясь, что его прервут. – Но это правда, товарищ следователь. Там, на обрыве... Ну вы знаете, на Старой Милиции... Там вскрылся могильник, и они вылезли... Сорок лет ждали, а теперь пришли мстить...

– И где же они? Григорьев, вы осмотрели территорию вокруг дома?

– Так точно, Нина Павловна, – отозвался сержант. – Ни живых, ни мертвых не обнаружено.

– Спрятались, – зашептал старик. – Вас увидели... Я не сумасшедший, поверьте. Я ведь не один такой, к кому они... Лешку, Лешку Воробьева уже взяли... Вчера... Вы же должны знать, да?

– Товарищ Воробьев умер от естественных причин, – произнесла Нина Павловна уверенным тоном, хотя у самой перед глазами всплыли пятна обморожения на шее повешенного.

– Нет, не верю, – он замотал головой. – Спасите меня, а? Заберите к себе в отделение, там же есть охрана, решетки? Посадите в камеру, наконец.

– Как я вас в камеру-то посажу? На каком основании? Успокойтесь, оставайтесь дома, запируйтесь, в конце концов. Никто вас не тронет.

Но пенсионер, казалось, уже не слышал ее.

– Я им не дам, – тихо сказал он, смотря в пустоту.

Уже дома ее потревожили поздним звонком.

– Карпов, у которого вы сегодня были, помните? Застрелился. Соседи сообщили.

– Спасибо, что проинформировали. Опергруппа готова?

– Да, выезжает. Все сделаем и доложим. Спокойной ночи, товарищ следователь.

Нина Павловна положила трубку. Достала початую бутылку коньяка и стакан. Хотя бы немного. Чтобы согреться в этой холодной казенной квартире.

Сейчас она особенно чувствовала одиночество. Несколько месяцев в Колпашево, а друзей так и не появилось, все остались в Томске. Если бы и ей разрешили остаться там, в родном городе... Если бы не отправили сюда...

Вновь, как чертик из табакерки, выскочил декабрьский день, который она гнала из памяти. Тот парень в отделении – наглый пэтэушник, воняющий водярой. И не надо было ей с ним возиться, там делов-то – хулиганка, пятнадцать суток максимум. И он, понимая, что ничего ему не будет, куражился в пьяном угаре:

– Что ты, с-сука, мне сделаешь? Я рабочий класс!

Да, разозлилась. Да, распорядилась поместить его не в общую КПЗ, а в одиночку. И да, радовалась, слушая его бессильную ругань за стеной.

Сначала он матерился. Потом пошли пьяные слезы. Надсадные просьбы его выпустить. Просто крики. А после – стоны, показавшиеся Нине Павловне смешными в своем притворстве.

Она работала, уходила обедать, потом вызвали на совещание. Вечером было тихо.

Тогда, с некоторым злорадством, она решила, что урок усвоен. И попросила привести его и оформить.

– А в какой он? – спросил дежурный.

– Во второй.

– Во второй? В нее ж нельзя сейчас. Она не отапливается.

Стояла обычная сибирская зима. Днем было за тридцать, а к вечеру еще похолодало.

Нина Павловна рванулась туда, в камеру. Сама, отобрав ключи у дежурного, открывала замок, ломая ногти.

Парень лежал в позе эмбриона. Он промерз насквозь, как говяжья туша на рынке. Она трясла его, пыталась разбудить, но он был твердый и ледяной. Даже волосы слиплись в один мерзлый ком.

Она представила, как он, час за часом, замерзал, кричал, звал, плакал, стонал, потом свернулся, сжался в комочек, чтобы сохранить хоть немного тепла...

Ее прикрыли. Делу не дали хода. Но сослали куда подальше из Томска – с глаз долой...

Нина Павловна пила коньяк, не замечая глотков, обжигающих горло. Стало совсем зябко, не спасал ни плед, ни алкоголь. Холодный нынче май.

Там, на улице, кто-то ходил, кто-то хрустел замерзшими лужами. Прямо под ее окнами, низкими окнами первого этажа. В комнате свет, а в стеклах – беспроглядная тьма. Она не хотела смотреть туда, в эту тьму. Заставляла себя отворачиваться, но вновь и вновь цепляла взглядом черный прямоугольник. И вглядывалась. Вглядывалась, холодея замирающим сердцем.

Там не было ничего, кроме черноты. Но если представить, если только на миг представить, что там, в этой тьме, вдруг проступит заиндевшее лицо со смерзшимися волосами...

12 сентября 1938 года, поселок Колпашево, Нарымский округ

Иван ворвался в кабинет Коха, распахнув двери настежь.

– Как?! Как же это?! Вы... вы чудовище!

Он сам не понимал, что говорит. Но надо, надо было выплевывать хоть какие-то слова, застрявшие в горле комком рвоты. Чтобы забыть, как та девчонка трясла уже мертвую маму за руку и оборачивалась, оборачивалась прямо на него.

Кох не изменился в лице. Лишь в глазах появилось незнакомое жесткое напряжение.

Только сейчас Иван заметил, что все еще держит в руке наган. Он схватился за рукоять второй ладонью и направил его в грудь начальнику. И лишь мгновением спустя вспомнил, что барабан пуст.

Все одиннадцать патронов израсходованы.

Кох как будто прочитал эту мысль на лице Ивана.

– Ну что, Вань, надо веревочку доставать? Только меня-то ты ею не задушишь, я и сам кого угодно прикончу.

Его рука легла на рукоять револьвера. И не было никаких сомнений, что тот заряжен.

– Но одну проблему ты решил. – Кох ухмыльнулся. – А то я как раз сидел и думал, кого вставить в очередную двадцатку быков.

В камере смертников Иван оказался в одиночестве. Новую партию еще не привезли, а предыдущую он прикончил сам.

Ни отвлечься, ни поговорить. Оставалось ходить от стены к стене, гадая, в каком углу на этот раз ему почудится та самая девочка, поворачивающая лицо к нему.

Поздно вечером его подозвали к двери. За решеткой смотрового окошка оказался Леха Воробьев, тихий и напуганный.

– Коха вызвали в Новосибирск, – шепло прошептал он. – И ребята говорят, что не вернется, его тоже включили в список.

Иван молча слушал.

– Мы с Сашкой вот что подумали, – продолжал Воробьев. – Записи Коха остались, из списка тебя еще можно вычеркнуть. Не совсем отпустить – на спецу все знают, что тебя посадили. Но не знают, за что. Заменяем статью на легкую. Отсидишь лет пять, потом вернешься. Все лучше, чем в яму, правда?..

23 мая 1979 года, город Томск

Все заканчивается. Закончились бесконечные вахты у Колпашевского обрыва. Закончились трупы в могильнике на месте старого здания НКВД. Последней полостью, вымытой винтами теплохода, оказалась выгребная яма под бывшим сортиром во дворе тюрьмы.

Все заканчивается. Даже то, что кажется бесконечным. Даже лагерные дни закончились, и тогда, в холодном пятьдесят третьем, он так же возвращался домой в Томск, догадываясь, что дома у него уже нет. Была лишь надежда – нет, не на старый бревенчатый дом с зелеными воротами и черемухами за окнами – а на то, что завершится, наконец, ежедневный мысленный спор с Лехой Воробьевым о том, что в яму, как ни крути, все-таки было бы лучше...

И на то, что останутся там, на ледяной Колыме, молодая женщина с короткой тюремной стрижкой и ее дочка, которая оборачивалась. Каждый раз оборачивалась, пока он не просыпался, будя криками соседей по барaku.

По возвращении в Томск всю команду их теплохода повезли в КГБ, подогнав к причалу два рафика. Черепанова же усадили в черную «Волгу», и Иван Ефимович видел, что всегда спокойный капитан нервничал, не понимая, что им предстоит.

Но все обошлось. В Комитете им жали руки, выносили протокольные благодарности от имени Андропова и даже вручили ценные подарки. Капитану дали дорогой приемник «Томь», а Иван Ефимович оказался обладателем металлических часов «Полет» на черном кожаном ремешке.

И так хотелось верить, что все закончилось.

Он отпер дверь в пустую квартиру, всегда ожидавшую его из рейсов. Разделся в прихожей. И там же присел, прямо на чемодан, не решаясь войти в комнату.

Потому что догадывался, что не закончилось ничего. И там, в комнате, его ждут.

Когда он, наконец, вошел, женщина сидела спиной к нему. Тюремные обноски, короткая стрижка. Он запомнил каждый волосок на ее затылке. Она не обернулась, лишь вздрогнула всем телом от захлопнувшейся двери – как тогда, при расстреле.

А вот девочка стала оборачиваться. Медленно. Она всегда это делала медленно. И кошмар должен закончиться в тот момент, когда лицо уже почти видно. Он ведь всегда заканчивается, этот кошмар.

Но не в этот раз.

Девочка повернулась полностью. И тогда, и сейчас. Он увидел ее – побелевшие щеки, круглые от ужаса глаза и раскрытый рот, выталкивающий навстречу пуле единственное слово. «Папа!»

Максим Кабир. Ползать в стенах

Ползать в стенах Хану научил Марко. Шел девяносто восьмой год, и им обоим было по двенадцать лет. Что-то непонятное творилось в стране, в телевизорах, в семьях, родители запрещали без нужды выходить за порог. Тогда Марко Крстович придумал ползать.

В первый раз Хана продвинулась на несколько метров. Струсила, запаниковала, вообразила волосатых пауков. Во второй раз было попроще, они добрались из ванной Марко в ванную Ханы. Квартиры Крстовичей и Максимовичей располагались рядом.

Хана изумленно рассматривала свою ванную сквозь прутья. С высоты почти трех метров полотенца, этажерка, корзина для белья казались чужими.

– Ты что, подглядываешь, как я купаюсь?

– Н-нет. Я же не извращенец.

– Еще какой извращенец.

Потом, намыливаясь, Хана косилась на металлическую решетку под потолком. От мысли, что приятель может наблюдать за ней, тряслись поджилки, но Хана почему-то не задерживала душевую штормку.

Марко называл это «делать Брюса Уиллиса». Он ненавидел американцев, но обожал американские боевики, особенно «Крепкий орешек».

Они жили в огромном некрасивом доме с видом на пустырь. В подъездах смердело мочой. Дворы оккупировали подростки с агрессивными псами на поводках, хлеставшие ракию и подначивавшие собак устраивать бои.

– Что вы здесь торчите? – спросил их папа вчера. Хана пугливо пряталась за отцовскую спину. Подростки вальяжно расположились на ступеньках. Бетон перед ними был захаркан. Из магнитофона пел Курт Кобейн. Лифт все никак не спускался.

– А тебе какое дело? – чавкнул жвачкой блондин с вытатуированным на запястье кондором. Он обнимал прыщавую девушку и презрительно ухмылялся. Кондор парил у передавленной лифчиком груди.

«Только не спрашивай: „что?“» – взмолилась про себя Хана.

– Что? – спросил папа, клонясь к подросткам левым ухом.

– Ты тугой?

– Вали своей дорогой!

– Забери этого глухаря, малая!

Подростки расхохотались. Папа плохо слышал, его контузило на войне. Хана стеснялась папы.

– Что они сказали? – допытывался папа в лифте. Потолок кабины украшали сожженные спички. Кнопки расплавились. «Убей янки!» – взывало граффити.

– Они не тебе, – врала Хана в папино ухо.

Марко сказал, труба ведет аж до мавзолея Тито.

– Глупости! – усомнилась Хана. – Это же не подземелье! Мы на одиннадцатом этаже. Закончится дом, закончится и труба.

– А т-ты включи фантазию.

Она включила.

– Прямо к мавзолею?

– П-прямо в с-саркофаг!

Ночью родители Ханы ссорились. Мама говорила полушепотом: «Я скоро сойду с ума». «Что?» – спрашивал папа. Хана жмурилась и грызла уголок наволочки.

Марко заявился днем. Была суббота.

– Т-ты одна? Отлично!

Без приглашения прошел в ванную. Вынул из курточки отвертку.

– Ты плакала?

– Нет. У меня аллергия.

– Это смертельно?

– Не знаю, – Хана улыбнулась. Сложно было не улыбаться, глядя на нескладного, рыжего, с утиным носом Марко Крстовича. – Ты что удумал?

– Откупориваю п-портал. – Приятель взобрался на полку этажерки.

– Сдурел? Ну-ка слезай немедленно!

– Не волнуйся. – Он отвинчивал и прятал в карман болты железной решетки. Квадратная в сечении кишка из бетона пролежала над ванной, раковиной и унитазом.

– А от тебя ползти нельзя?

– У меня б-батьа з-запил. Теперь неделю будет дома к-куковать.

Папа Марко был коммунистом и писал статьи для «Борбы». Отец Ханы работал на литейном заводе. Коммунистов и лично товарища Крстовича обзывал предателями.

– Чтоб назад вставил, понял?

– Готово! – Марко осклабился. – Вашу ручку, красавица.

Вентиляционная шахта пронзала здание насквозь. Пятнадцать подъездов, – посчитала Хана, – тридцать квартир, по две на этаже с этой стороны. Марко помог, и она протиснулась в нору.

– Брюс идет! – Марко, извиваясь, присоединился к Хане. Высунувшись в ванную, снял с полки решетку и поместил ее обратно в нишу. Решетка держалась и без болтов.

В вентиляции было пыльно. Мягкие катышки под ладонями напоминали тополиный пух. Хана подумала о книжках, которые зачитала до дыр: «Хроники Нарнии» Клайва Льюиса. Она мечтала о платяном шкафе профессора Керка, через который можно попасть в мир льва Аслана, фавнов и говорящих бобров. Выяснилось, что у нее под носом есть такой шкаф. Туннель в неведомое, будоражащий и манящий.

Марко щелкнул фонариком и подкрутил ребристый корпус, чтобы свет стал совсем тусклым. В высоту, как и в ширину, шахта достигала сантиметров пятидесяти. По ней легко было перемещаться на четвереньках.

– П-ползем на с-север? – предложил Марко.

– А где тут север?

– Сзади тебя.

– Ну нет. Ты первый ползи.

– Т-тогда юг!

Поползли. Бетон был шероховатым. Пыль изгвадала джинсы. Бледно-желтый отсвет двигался впереди, скользя по стенам цвета мокрого асфальта. Хана опасливо выискивала насекомых, но ничего такого в туннеле не было. Уж насколько грязным казался подъезд, но тараканы в доме не водились.

Путь в вымышленную Нарнию представлял собой в основном задницу и истертые подошвы Марко.

Через пять метров ребята напоролась на две одинаковые скважины внизу и вверх, толщиной с бедро Ханы. Они соединяли шахту одиннадцатого этажа с вентиляционной системой всего здания.

– С-смотри. – Марко направил фонарик на стену, и луч прошил бетон. Потому что в нем было зарешеченное отверстие, такое же, как то, через которое Хана и Марко проникли в вентиляцию. Хана догадалась, и волнуемое тепло разлилось по телу: за решеткой – чья-то ванная. Луч елозил по змеевику и отражался в кафеле. Если хозяин квартиры сейчас откроет дверь, то обнаружит рассеянный свет, стекающий из-под потолка.

– Ты тут уже был? – спросила Хана.

– Ага. З-здесь живет одна блондинка. У н-нее д-д-дойки, как у П-Памелы А-Андерсон. И н-н-нет волос на п-п-письке.

– Извращенец, – прошипела Хана.

Марко извернулся и продолжил ползти. Хана не отставала. Сразу за ванной оказалась кухня, ярко озаренная солнцем.

В груди у Ханы приятно защекотало.

«Как же круто! – подумала она. – Мы как невидимки из фильма!»

Решетку декорировала паутина, но чужая обитель просматривалась отлично. Заграничный холодильник, календарь с гоночным автомобилем, ваза с конфетами на столе.

Жаль, внизу никого не было, и кухня быстро наскучила путешественникам.

– Т-ты не устала?

– Еще чего.

Они двинулись к следующей квартире. Хана, повинувшись внезапному порыву, сказала:

– У меня нет аллергии. Я плакала.

– П-почему?

– Мы уезжаем. Насовсем.

Марко застыл, и Хана едва не впечаталась в его зад.

– Переезжаете в другой дом?

– В другую страну. В Россию.

Марко пополз, не отреагировав. Хана сказала:

– Моя мама русская. В Ростове живет тетя, я ее никогда не видела.

– Ч-чем твой папа б-будет заниматься в э-этом Р-Ростове?

– Папа с нами не поедет, – тихо сказала Хана.

– А з-знаешь, – резко и излишне громко выпалил Марко, – я т-тоже уеду. Т-только не в-в-в Россию, а в-в С-С-ША.

– Ты же не любишь американцев.

– Я б-буду шпионом.

Хана хмыкнула. Марко погасил фонарик. Из зарешеченного квадрата в туннель проникал электрический свет. Журчала вода. Ребята сгруппировались у отверстия. Хана бегло оглядела сосредоточенного Марко и перевела взгляд на решетку.

В ванной кто-то был. Хана не видела человека, но отчетливо слышала, как он кряхтит. Сердце забилося сильнее. А раскатистый, басовитый звук выпускаемых газов и последовавшее сопение заставили подавиться слюной. Прямо под ними мужчина тужился на унитазе!

Хана пальцами прищипала нос. Марко выпучил глаза, гримасничая. Хана пихнула его плечом: пошли отсюда! Он повиновался. Мелькнуло оконце на кухню. Заструились шершавые стены. Отойдя на приличное расстояние от «газовой камеры», Марко прокомментировал:

– В-вот это канонада!

– Как тромбон! – подтвердила Хана.

Хотелось, чтобы приключение не кончалось. Чтоб они выбрались из потайного лаза в Доме цветов или даже во чреве станции «Вуков споменик» и пошли есть мороженое. А завтра снова вернулись в шахту следить за блондинкой с дойками и пердящим дядькой.

– Х-Х-Хана, – прошептал Марко изменившимся голосом, – б-без тебя у м-меня не б-будет друзей.

– Ты дружишь с Младеном и Вуком, – возразила Хана.

– Они придурки.

– Ты тоже придурок, – Хана улыбнулась.

– З-знаешь...

Но она не узнала. Так и не узнала, что он пытался сказать этим своим странно взрослым голосом во мраке.

Перебивая на полуслове, залаяла собака. Не сговариваясь, Хана и Марко проползли мимо чьей-то темной ванной к чьей-то светлой кухне и, сгрудившись, увидели источник тывканья. Йоркширский терьер нарезал круги по линолеуму, истерично лая на вентиляцию.

– Он нас учуял! – шепнула Хана. – Хороший песик.

Терьер оскалился.

– Ты чего? – Женщина в махровом халате, с обмотанной полотенцем головой, вошла на кухню – Хана отпрянула. – Проголодался?

Терьер запрыгал, отрывисто гавкая, указывая кормилице на незваных гостей.

«Интересно, – подумала Хана восхищенно, – подними она голову, заметит нас за решеткой? А если заметит – завизжит? Потеряет сознание?».

Женщина насыпала в миску собачий корм.

Марко потормошил зазевавшуюся Хану. Стараясь не шуметь, они поползли по трубе.

– Я тут еще не б-был. В шестом п-подъезде.

Хана поразилась, как далеко они забрались.

– Ого! – сказал Марко.

Оконце, к которому они приблизились, было неярко освещено. Решетка отсутствовала. Сообразив, как сильно они рискуют, Хана прикусила язык и импульсивно дернула приятеля за рукав. Он просигналил глазами: все в порядке! Прополз на метр, позволяя Хане заглянуть в проем.

Дверь была отворена, и солнечный свет падал в коридор из кухни. Дно ванны покрывал слой чего-то черного. Веяло затхлостью, засорившейся канализацией, гниющими овощами. Приставив палец к губам, Марко включил фонарик и поводил лучом по ванне. В ней будто мылся нефтяник. Вязкая субстанция измарала эмалированную поверхность, на бортиках темнели потеки цвета смолы. Луч зацепил кафель, жирный, в отпечатках рук.

Марко деловито уполз к следующему световому квадрату. Хана, поглазев на лужу, отправилась за ним.

Решетки не было и здесь. Не было стола и холодильника, календарей, комнатных растений – всего того, чем люди украшают квартиры, чтобы отвлечься от угрюмых подростков во дворах и зловонных луж в подъезде. Осторожно высунув голову, Хана разглядела под собой мойку и газовую печь в саже.

– Тут никто не ж-живет, – констатировал Марко.

Обычная история. Счастливчики съезжали. Желающих приобрести жилье в неблагополучном районе становилось все меньше. Неблагополучным называла их район мама.

Марко сел, спустив ноги из шахтного отверстия в квартиру.

– Погоди! – воскликнула Хана. – А вдруг живут? Алкоголики или наркоманы...

– Да т-ты оглядись.

Она огляделась. Шторка издырявленной тряпкой стекала с карниза заодно с гирляндами паутины. Линолеум и подоконник припорошила пыль. На кухню явно месяцами никто не входил.

– Айда? – предложил Марко.

Хана сглотнула.

– Айда.

Это было круче, чем шпионить за соседями. Каждая клеточка Ханы трепетала от страха и наслаждения. Адреналин выпрыскивался в кровь, опьяняя, как вишни из наливки бабушки Сары, которые Хана съела тайком на Рождество. Марко катапультировался практически бесшумно. Подал Хане руку. Она оперлась кедом о мойку и приземлилась на пол. Хана и Марко стояли посреди чужой кухни, зачарованно озираясь.

Здесь царило запустение. Пыль напоминала пепел сотен выкуранных сигарет. Оконное стекло никогда не протирали. Между мойкой и печью валялось мусорное ведро с прилипшим к пластмассе картофельным очистком, а в паучьем коконе притулился взлохмаченный веник.

– П-приберемся, и можно жить. Обустроим штаб!

Хана вообразила, как они с Марко чаевничают, утомившись от генеральной уборки. А чтобы было интереснее и страшнее, вообразила, что в квартиру неожиданно врывается риелтор в сопровождении потенциальных покупателей.

Из ванной тянуло гнилостным запахом. Обои отклеились, обнажилась белесая шпаклевка. Коридор, в точности как у Максимовичей, изгибался буквой «г». С потолка свисал огрызок провода.

– Мог бы найти штаб получше.

– И найду, – заверил Марко. – Это на п-п-первое в-в-в...

Он замолчал. Хана посмотрела на него, замершего столбом, а потом переместила взгляд туда, куда Марко таращился. В проем межкомнатных дверей.

Единственным предметом мебели в гостиной был стул. И на стуле, лицом к подросткам, сидел человек. Мужчина в серых штанах, сером пиджаке, с большими серыми руками, сложенными на серых коленях, с серыми волосами, торчащими над лобастой серой головой.

Хана ахнула.

Мужчина не шевельнулся. Его веки были опущены, а рот приоткрыт, и Хана видела ряд серых зубов. Одутловатое лицо будто припудрили цементной крошкой.

«Это пыль!» – поняла Хана. Мужчина порос пылью.

– Он ч-что? – от страха Хана стала заикаться, точно передразнивала приятеля. – Он не ж-живой?

Произнести «мертвый» не повернулся язык. Мужчина сидел, как примерный ученик на уроке, колено к колену, стопа к стопе. Ноги босые, серые, с омерзительно длинными ногтями. Хана подумала, эти ногти цокали бы об пол при ходьбе.

– Д-да, – выговорил Марко заворуженно. – У-у-умер, и н-н-никто не з-з-знает.

– Надо сказать родителям.

– Н-нет. С-с-сделаем а-анонимный звонок.

Хана кивнула. Она не хотела смотреть на труп, но смотрела. Прежде она видела мертвых людей лишь вскользь: в гробах, выставленных у подъездов, окруженных старухами в траурной одежде.

Казалось, мужчина спит. Сколько ему? Моложе папы. Лет сорок пять.

Как-то Хана подслушала разговор взрослых. Папа рассказывал дяде Гордану про войну, про то, как в Банской краине его отряд проник в дом сепаратистов и нашел повесившегося македонца. «Никогда не забуду, как от него воняло и сколько там было мух», – сказал папа.

Хана втянула ноздрями воздух, но почувствовала только запах застоявшейся воды из ванной. И мухи не роились, как в ночных кошмарах, мучавших Хану после подслушанного папиного откровения.

Будто прочитав ее мысли, Марко спросил:

– П-почему он н-не разложился?

– Давай скорее уйдем, – сказала Хана.

Но еще минуту оба пилились на труп. И, наверное, оба думали о гипотетическом убийце – хотя на теле мужчины не было ран и это походило на естественную смерть – об убийце, который прячется где-то в недрах выморочной квартиры.

Не сговариваясь, они решили воспользоваться нормальным выходом, их поманила дерматиновая обшивка двери. Хана дернула щеколду, та поддалась, оставляя на пальцах маслянистую влагу. Заскрипели петли, и в унисон заскрипели голосовые связки за спиной.

Хана обернулась.

Хозяин квартиры покинул стул. Он возвышался позади Марко, ошеломительно высокий, не изменившийся в лице, большеголовый, как монстр Франкенштейна из старого фильма. Закрытые глаза и открытый рот, серый язык за серыми зубами. Лицо под пудрой пыли не могло принадлежать живому человеку, но он двигался.

Хана завизжала.

Серые руки приняли Марко в свои объятия. Обхватили грудь и запечатали ладонью крик. Оторвали от пола. Марко брыкнул ногами, отчаянно сопротивляясь. В его выпученных глазах застыл ужас. Отвертка выпала из кармана, стукнувшись об пол.

Вот что Хана запомнила. Чудовище Франкенштейна держит извивающегося Марко, словно не позволяя натворить глупостей, а вокруг стущаются сумерки.

Хана рванула дверь и помчалась прочь. По ступенькам вниз, на улицу, мимо парней, разразившихся хохотом, в свой подъезд, в свою квартиру.

Папа сгорбился у телевизора и не слышал, как она влетела, как бабахнула дверями спальни.

Лежа в постели, дрожа и источая холодный пот, Хана думала о Марко и молилась богу, мечтала вырубиться и осознать, проснувшись, что это был сон, и они не ползали в стенах, и нет никакого серого человека с кожей, покрытой пылью, с ногтями, способными испаривать животы.

Отец Марко позвонил вечером, узнать, куда запропастился его сын.

* * *

Аня не представляла масштабов катастрофы, пока на канале Собчак не вышло это чертово видео. Хватило полчаса, чтобы понять: это конец. Конец ее репутации и карьеры. Она не очистится: проще сменить имя, внешность и пол, и сферу деятельности, конечно. Ни один продюсер не даст ей денег. Ни один уважающий себя актер не согласится у нее сниматься.

Отныне она персона нон грата в любом приличном месте.

Телефон булькал, принимая сообщения. Аня зашвырнула его в ящик стола. На мониторе Ксения Анатольевна с нескрываемым удовольствием пинала труп.

– Вы говорили, что бросили пить.

– Двести пятьдесят шесть дней назад.

– В сторис вы писали «двести семьдесят дней»... В понедельник.

– Разве? У меня плохо с цифрами.

– Аня, мы же взрослые люди.

– И что? Я перепутала.

– Аня, вы сейчас выпившая?

– Нет!

– От вас пахнет алкоголем.

– Это такие духи.

– Очень интересно. Скажете потом, что за духи, я тоже буду пользоваться. Клянусь, мы не готовились, но случайно у нас есть с собой алкотестер...

Аня застонала у ноутбука. Количество дизлайков, простыни издевательств в комментариях, само название ролика: «Максимович: перверсии, скандалы и алкоголь» красноречиво говорили о ситуации.

– А детектор лжи вы не захватили? Я вам не подопытная свинка, Ксюша! И мы не на допросе!

Аня наивно полагала, что предстанет перед зрителями радикальным творцом, анфан террибль русского кинематографа, но вместо террибла в ролике два часа запинаясь и завиралась

пьяная косноязычная идиотка. Как в меме «ожидание и реальность», где слева – Ларс фон Триер, а справа – Максимович, в какой-то момент облившая себя кофе.

– Наркотики тоже в прошлом? Как и алкоголь? Или *прямо* в прошлом?

Начав с комплиментов, с вопросов о сербском менталитете и эмиграции, Собчак усыпила бдительность Ани. И ударила исподтишка.

Википедия сообщала, что Аня Максимович родилась в восемьдесят шестом году в Белграде. Спасаясь от бомбардировок, переехала с мамой в Ростов, позже – в Москву. Три года училась во ВГИКе на факультете режиссуры у Абдрашитова, была исключена за прогулы. Неоднократно заявляла, что жизнь в общежитии дала ей больше, чем учеба. В две тысячи пятнадцатом выступила режиссером, продюсером и сценаристом психологически-остросоциального веб-сериала «Муравейник». Сериал, снятый в жанре мокьюментари якобы скрытыми камерами, установленными в квартирах героев – обыкновенных москвичей, – получил миллионы просмотров и хорошие отклики в прессе. В восемнадцатом году Аня Максимович поставила первый полнометражный фильм, откровенную драму «Чужаки».

На «Вике» разделы «Чужаки», «Скандал» и «Алкогольная зависимость» были втрое больше биографической справки.

Иногда Аня думала, что маме повезло: инфаркт убил ее раньше, чем дочь вляпалась во все это дерьмо.

«В „Чужаках“, – писал популярный обозреватель, – тридцатидвухлетняя Максимович повторяет сериальный трюк со скрытыми камерами, отстраненно наблюдая за жизнью героев, или за тем, что в ее представлении является жизнью: бесконечными скандалами, пьяным сексом и бытовым насилием».

«Максимович препарирует мелкое, укоренившееся в рутину зло, – писал кинокритик. – Ее фильм – о рукоприкладстве, абюзе и шейминге – надо распространять как учебное пособие».

«Они там, простите, гадят и совокупляются на камеру! – потрясал кулаком депутат Государственной думы. – Там в сортирах камеры – они на нас, россиян, гадят! Кому мы премии даем? Извращенцам? Порнографам?»

Собчак спросила в лоб, не хочет ли Аня поменяться местами с объектом наблюдения и обижает ли ее прозвище «королева визионизма», ведь визионизм, по сути, то же самое, что и вуайеризм – сексуальная девиация, побуждающая подсматривать за ничего не подозревающими людьми в замочную скважину.

Аня догадалась, к чему ведет Собчак.

– Они – актеры! Они знали о камерах, это прописано в сценарии, в договоре!

– Олег Давыденко... Вы не так давно расстались, верно? Он был вашим партнером и играл главную роль в «Чужаках». Олег Давыденко заявляет, что его шокировал фильм, потому что речь об откровенных сценах не шла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.